

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ФОНДА РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
КАЗАХСТАНСКО-НЕМЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИНИЦИАТИВА
«ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»
И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Алматы, 15 октября 2019 г.

Алматы 2019

УДК 339.9 (063)

ББК 65.6

И 64

Отв. ред.: Б. К. Султанов

Сост.: К. М. Кильмакаева

- И-64 Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии.** – Алматы: Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2019. – 238 с.

ISBN 978-601-7561-47-5

Настоящий сборник подготовлен на основе докладов международной научной конференции «Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии», состоявшейся в Алматы 15 октября 2019 года.

Данный научный форум был организован и проведен Научно-исследовательским институтом международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета и Представительством Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Центральной Азии.

В работе конференции приняли участие представители бундестага Федеративной Республики Германия, руководящие сотрудники Фонда Розы Люксембург, представители дипломатического корпуса, аккредитованные в городе Алматы, ученые из России, Таджикистана, Узбекистана, эксперты и преподаватели ведущих научных учреждений и казахстанских вузов, а также общественных организаций: Казахстанско-Немецкого университета, Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки РК, Центра китайских исследований «China Center».

В докладах участников конференции было рассмотрено влияние Инициативы «Один пояс и один путь» на трансформацию современной системы международных и региональных отношений, перспективы развития евразийского экономического сотрудничества, взаимодействия в социальной и экологической сфере. Особое внимание было уделено вопросам культурно-гуманитарного и научно-образовательного сотрудничества вдоль Шелкового пути.

Сборник предназначен для историков, политологов, экспертов, занимающихся проблемами международных отношений и безопасности, культурно-гуманитарного сотрудничества, для преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для читателей, интересующихся вопросами сотрудничества стран Центральной Азии и Китайской Народной Республики.

УДК 339.9 (063)

ББК 65.6

**Данное издание осуществляется при содействии Представительства
Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Центральной Азии
и распространяется бесплатно**

**Мнение авторов может не совпадать с позицией Фонда и мнением
редакции данного сборника**

ISBN 978-601-7561-47-5

© ИМиРС КНУ, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
---------------	---

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

André Hahn

Die neue Seidenstraße muss mehr sein, als nur ein Wirtschafts- und Verkehrsprojekt	10
---	----

Андрэ Хан

Новый Шелковый путь должен быть больше, чем просто эконо- мический и транспортный проект	18
---	----

Султанов Б.К.

«Пояс и путь» и перспективы создания Большой Евразии (от Лиссабона до Ляньчунгана).....	26
--	----

I СЕКЦИЯ

«ПОЯС И ПУТЬ» И СТРАНЫ СНГ: ВЫЗОВЫ, РИСКИ, ПРОБЛЕМЫ

Малышева Д.Б.

Политика КНР в Центральной Азии в рамках Инициативы «Один пояс и один путь».....	44
---	----

Олимова С.К.

Влияние Инициативы КНР «Один пояс и один путь» на Республику Таджикистан	55
---	----

Парамонов В.В.

Отношения между Китаем и Центральной Азией в областях экономи- ки и безопасности, а также в отдельных сегментах социальной сферы	70
--	----

Додонов В.Ю.

Изменение роли КНР в системе мировых инвестиционных потоков XXI века – от реципиента к основному источнику инвестиций.....	80
--	----

II СЕКЦИЯ

«ПОЯС И ПУТЬ» И РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Каукенов А.С.

Политические взаимоотношения Казахстана
и Китая при пятой генерации китайского руководства 94

Черных И.А.

Воздействие «Пояса и пути» на процессы в Казахстане..... 109

Бурнашев Р.Р.

Влияние Инициативы «Один пояс и один путь»
на политику безопасности в Казахстане..... 124

Каратаяева Л.Р.

Информационное сопровождение Инициативы
«Один пояс и один путь» в Казахстане:
подходы и результаты..... 141

III СЕКЦИЯ

«ПОЯС И ПУТЬ» И РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Додонов В.Ю.

Финансовое сотрудничество Казахстана и Китая в рамках Иници-
ативы «Один пояс и один путь»:

риски и вызовы..... 153

Абен А.С.

Экологические аспекты реализации

Инициативы «Один пояс и один путь» 168

IV СЕКЦИЯ

«ПОЯС И ПУТЬ» И РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН: ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Галиев А.А.

Сотрудничество Казахстана и Китайской Народной Республики в социально-гуманитарной сфере

в рамках Инициативы «Один пояс и один путь».....183

Каукенова Т.В.

Влияние Инициативы «Один пояс и один путь» на научно-образовательное сотрудничество

Китая и Казахстана .....

201

Амребаев А.М.

Казахстанско-китайское взаимодействие: размышления

о природе китаевилии и китаефобии в отношениях.....209

МАТЕРИАЛЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

«ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»

И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН

ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

Иванов Р.Г.

Транзитный потенциал республики вполне позволяет

это сделать. Осталось только этот супер-рынок создать.....216

Иванов Р.Г.

Почему Китай до сих пор боится? Мифы и легенды

о Поднебесной.....221

Юрицын В.В.

На «Поясе и пути» больше возможностей или угроз? 224

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	228
О ФОНДЕ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ	230
О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНСКО-НЕМЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	233

ВВЕДЕНИЕ

В сборник материалов международной научной конференции «Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии» вошли тексты докладов участников данного форума, состоявшегося в городе Алматы 15 октября 2019 года.

Конференция была подготовлена и проведена Научно-исследовательским институтом международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета и Представительством Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Центральной Азии.

В работе конференции приняли участие представители бундестага Федеративной Республики Германия, руководящие сотрудники Фонда Розы Люксембург, представители дипломатического корпуса, аккредитованные в городе Алматы, ученые из России, Таджикистана, Узбекистана, эксперты и преподаватели ведущих научных учреждений и казахстанских вузов, а также общественных организаций: Казахстанско-Немецкого университета, Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки РК, Центра китайских исследований «China Center».

Актуальность данного сборника определяется происходящими изменениями в современной системе международных отношений. Геополитический ландшафт становится все более разнообразным и многополярным. К сожалению, на глобальном и региональном уровнях наблюдается усиление элементов блокового противостояния, на первый план все чаще выходит политика санкций,

торговых ограничений и экономического национализма. По мнению ряда экспертов, в мировой политике наблюдается реальная угроза «великой трещины», которая может расколоть международный порядок на два отдельных и соперничающих мира – один во главе с США и другой во главе с Китаем. В этой связи, перед Евросоюзом все более актуальной является задача сохранения универсальной системы, в которой все участники, в том числе, Китай и США, должны соблюдать единые правила [1].

Не менее актуальной является задача восстановления исторической роли Центральной Азии в качестве связующего звена между Востоком и Западом. В этой связи, на наш взгляд, перспективной является реализация китайской Инициативы «Один пояс и один путь», направленной на согласование национальных стратегий, совместное строительство и совместное использование результатов этой Инициативы государствами, расположенными вдоль «Пояса и пути». В настоящее время уже осуществляется сопряжение Инициативы «Один пояс и один путь» с Евразийским экономическим союзом и с казахстанской программой «Нұрлы жол». На повестке дня создание транспортно-коммуникационной взаимосвязанности стран Европы и Азии.

На конференции были высказаны различные точки зрения относительно новых реалий экономического, финансового, экологического, культурно-гуманитарного, научно-образовательного сотрудничества стран Центральной Азии и Китая, а также рассмотрены вызовы и риски осуществления Инициативы «Один пояс и один путь» для стран Центральной Азии. Участниками форума была высказана надежда, что Инициатива «Один пояс и один путь» принесет практическую пользу Казахстану и другим странам, расположенным вдоль возрождаемого Шелкового пути. Надеемся, что материалы данного сборника окажутся полезными для историков, политологов, экспертов, интересующихся проблемами

международных отношений и внешней политики, вопросами регионального сотрудничества, для преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также для читателей, проявляющих интерес к вопросам сотрудничества Республики Казахстан и стран Центральной Азии с Китайской Народной Республикой.

Информационные источники:

1. Паласио Ана. Глубокий вдооох. Европа оказалась на линии разлома между США и Китаем. Без разумного позиционирования она выдохнется // <https://www.ipg-journal.io/rubriki/vneshnjaja-politika-i-bezopasnost/statja/show/glubokii-vdooookh-934/>

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

André Hahn

Die neue Seidenstraße muss mehr sein, als nur ein Wirtschafts- und Verkehrsprojekt

Zum Beginn meines kurzen Vortrages möchte ich mich sehr herzlich für die Einladung der Rosa-Luxemburg-Stiftung nach Almaty bedanken.

Die Parlamentariergruppen des Bundestages sollen die Zusammenarbeit der nationalen Parlamente und ihrer Abgeordneten befördern. Man kann zu diesen Gremien aber auch Freundschaftsgruppen sagen, da hier auch weit über die Parlamente hinaus Brücken zwischen den Staaten und den in ihnen lebenden Menschen gebaut werden können.

Ich vertrete die Bundestagsfraktion DIE LINKE als stellvertretender Vorsitzender in der Deutsch-Zentralasiatischen Parlamentariergruppe und bin darüber hinaus als „einfaches“ Mitglied in der Deutsch-Russischen Gruppe sowie der Parlamentariergruppe mit den ASEAN-Staaten aktiv. Diese Aufgaben habe ich neben meinen Funktionen als stellvertretender Fraktionsvorsitzender sowie als Zuständiger für Innenpolitik, Geheimdienstkontrolle und Sport sowie als stellvertretendes Mitglied im Tourismusausschuss gern übernommen.

Der internationale Austausch ist aus meiner Sicht nicht nur eine Aufgabe für die Außenpolitiker, sondern für alle Abgeordnete. Gerade der Sport und der Tourismus, aber auch viele Aspekte der Innenpolitik verbinden unsere Länder und Völker.

Ich bin froh, dass es neben den Büros der Rosa-Luxemburg-Stiftung in Moskau, Peking, Hanoi, Neu-Delhi und Manila nun auch ein Büro in Zentralasien gibt. Zwischen den Orten liegen

zwar immer noch tausende Kilometer, aber mit dem Büro in Alma-ty werden die Wege zwischen Deutschland und den fünf bzw. – wenn man die Mongolei dazu nimmt – sechs zentralasiatischen Staaten doch etwas kürzer.

Nach meinen Reisen mit der Parlamentsgruppe nach Usbekistan und Turkmenistan sowie zu den Weltnomadenspielen nach Kirgistan ist dies meine dritte Reise in die Region, ich bin also noch kein Spezialist für Zentralasien, sondern eher ein Lernender.

Seidenstraße ist eine Chance für Europa

Die Seidenstraße verbindet China und Japan seit rund 2500 Jahren über ein altes Netz von Karawanenstraßen mit Zentralasien, Ostasien und dem Mittelmeerraum in Europa. Es wurden aber nicht nur Seide und zahlreiche andere Waren transportiert, mit dem Handel verbreiteten sich ebenso Religion, Wissenschaft und Kultur, aber leider auch Krankheiten und Kriege.

Im Mai 2017 startete die Volksrepublik China ihre Initiative für eine Neue Seidenstraße – „One Belt, One Road“. Sie ist eines der großen Gesprächsthemen in der Weltpolitik und geht einher mit einer unübersehbaren Verschiebung der politischen und wirtschaftlichen Kräfte zwischen Asien, Nordamerika und Europa bzw. den Großmächten China, USA, Russland und der Europäischen Union. Mit der 2018 verabschiedeten EU-Asien-Konnektivitätsstrategie [1] versucht die EU, ihre Antwort auf die Initiative Chinas zu geben. Bei beiden Strategien stehen die Verbesserung von Verkehrsnetzen, Energienetzen und digitaler Infrastruktur sowie des Handels im Mittelpunkt.

Auf dem Landweg der Neuen Seidenstraße von China bis Deutschland geht es eigentlich kaum ohne Russland und die zentralasiatischen Staaten. Damit verbunden ist die Frage, inwieweit diese Staaten lediglich die Funktion eines Transitlandes einnehmen oder aktiv in die Entwicklung des Projektes einbezogen werden.

Nach meiner Auffassung ist das Projekt der Neuen Seidenstraße keine zu bekämpfende Bedrohung für Europa, sondern eine Chance für eine engere friedensstiftende Zusammenarbeit zwischen den Staaten, Wirtschaften und Völkern Asiens und Europas. Dies gelingt aber nur dann, wenn die Neue Seidenstraße mehr ist, als ein reines Wirtschafts- und Verkehrsprojekt und eben auch die Völker Zentralasiens ebenso davon partizipieren und profitieren.

In diesem Kontext sind auch die Positionierungen seitens der Europäischen Union wichtig. Die erste „Strategie für eine neue Partnerschaft der Europäischen Union mit Zentralasien“ wurde auf Initiative Deutschlands am 22. Juni 2007 vom Europäischen Rat der Staats- und Regierungschefs verabschiedet. Schwerpunkte waren hierbei die Schaffung von Stabilität und Wohlstand, die Förderung von Rechtsstaatlichkeit und Demokratisierung sowie die Zusammenarbeit auf dem Gebiet der Energieversorgungssicherheit und Diversifizierung.

Eine neue EU-Zentralasienstrategie wurde erst kürzlich im Juni 2019 verabschiedet [2]. In ihrer Antwort auf eine Kleine Anfrage der FDP-Fraktion [3] erklärte die Bundesregierung dazu: „Zentralasien hat für die deutsche Außenpolitik einen besonderen Stellenwert... Die Bundesregierung hat sich aktiv für eine Neufassung der EU-Zentralasienstrategie eingesetzt, die die derzeitige Reformdynamik in der Region aufnimmt, durch nachhaltiges Wachstum Stabilität schafft und Chancen für die junge Bevölkerung eröffnet. Die Bundesregierung wird weiterhin mit bilateralen Mitteln und Initiativen zur zügigen Umsetzung dieser Zentralasienstrategie beitragen“. Das begrüße ich natürlich.

Zusammenarbeit mit Zentralasien nachjustieren

Im Herbst vergangenen Jahres antwortete die Bundesregierung sehr umfassend auf eine Kleine Anfrage der LINKEN über die Beziehungen zwischen Deutschland und den zentralasiatischen Staaten und die Zusammenarbeit mit der Zivilgesellschaft [4].

Mein Fazit zu dieser Antwort: Die Bundesrepublik Deutschland ist gut beraten, die Zusammenarbeit mit den Staaten in Zentralasien deutlich auszubauen und dabei besonderes Augenmerk auf die Einbeziehung der Zivilgesellschaft zu legen. Sichtbar wird durch die Kleine Anfrage, dass die Situation in und die Zusammenarbeit mit den sechs Staaten Zentralasiens sehr große Unterschiede aufweist und es noch zahlreiche Möglichkeiten und Bedarfe zu einer Verbesserung der Beziehungen gibt.

Ich meine, die Zusammenarbeit Deutschlands mit den Ländern in Zentralasien sollte nicht nur deutlich ausgebaut, sondern auch nachjustiert werden. Im Mittelpunkt steht für die Bundesregierung das große wirtschaftliche Interesse Deutschlands an der Zusammenarbeit mit Zentralasien. Immerhin ist Deutschland nach China und Russland schon jetzt der größte Handelspartner in der Region. Dagegen möchte ich nicht polemisieren, denn wirtschaftlicher Austausch und Handel sind wichtige Grundlagen für friedliche Beziehungen in einer globalen Welt. Mindestens problematisch ist allerdings die Aussage im neuen Strategiepapier, dass die Entwicklung des Privatsektors der Wirtschaft in Zentralasien eine der wichtigsten Prioritäten für Investitionen der EU sei. Warum spielen Genossenschaftsmodelle keine Rolle? Und mit der Privatisierung von Stadtwerken, Wohnungs-, Wasser- und Energieunternehmen, von sozialen Einrichtungen und Krankenhäusern sowie Verkehrsbetrieben haben wir in Ostdeutschland auch keine guten Erfahrungen gemacht.

Natürlich gibt es schon vielfältige Formen der Zusammenarbeit. Daran haben auch die Goethe-Institute, die politischen Stiftungen, Hochschulkooperationen und andere Institutionen einen

bedeutenden Anteil. Es gibt aber auch noch „weiße Flecken“. Potentiale sehe ich unter anderem auf solchen Gebieten wie Tourismus und Sport sowie der Zusammenarbeit der Zivilgesellschaft, u. a. zwischen den Behindertenorganisationen zur Umsetzung der in all unseren Ländern ratifizierten UN-Behindertenrechtskonvention.

Wichtig sind für mich auch Städtepartnerschaften sowie kleinere Projekte wie die Zusammenarbeit von Institutionen auf regionaler bzw. kommunaler Ebene. Ich denke, dass damit auch die menschlichen Brücken zwischen Deutschland und den zentralasiatischen Ländern ausgebaut werden.

Menschenrechte spielen eine zentrale Rolle

In der deutschen Politik spielen die Menschenrechte eine zentrale Rolle, auch in der Außenpolitik. Wie genau man bzw. die Bundesregierung hier hinschaut, hängt aber auch von den jeweili-gen wirtschaftlichen Interessen ab. Dies ist aus meiner Sicht nicht akzeptabel. Was aber ist der Maßstab, wenn man über das Thema Menschenrechte redet?

Ich denke nicht, dass Deutschland oder die sogenannte westliche Welt das Recht haben, anderen Ländern zu erklären, wie sie zu leben und ihre Gesellschaft zu organisieren haben. Maßstab sind für mich die UN-Menschenrechtskonvention von 1948 sowie die weiteren Konventionen, die für einzelne Bevölkerungsgruppen zur Untersetzung der Menschenrechtskonvention in der UNO beschlossen und von fast allen Staaten der Welt ratifiziert wurden. Das sind u.a. die Frauenrechtskonvention, die Kinderrechtskonvention, die Flüchtlingsrechtskonvention und nicht zuletzt auch die Behindertenrechtskonvention. Fakt ist, dass auch in Deutschland diese Konventionen noch nicht in all ihren Teilen umgesetzt sind. Hier bleibt noch viel zu tun und ich bin sicher, dass wir vielleicht auch manches von den zentralasiatischen Ländern lernen können.

In der Antwort der Bundesregierung auf unsere Kleine Anfrage gibt es auch Aussagen zur Lebenssituation von Menschen mit Behinderungen und zu Projekten der Zusammenarbeit zwischen Behindertenorganisationen aus Deutschland und den zentral-asiatischen Staaten. Nun weiß ich, dass es gerade auch auf diesem Gebiet schwer ist, gerade bei solch großen Entfernung und den damit verbundenen Kosten eine kontinuierliche Zusammenarbeit zwischen Behindertenverbänden zu organisieren. Deswegen mein besonderer Dank an das Büro der Rosa-Luxemburg-Stiftung in Moskau für das schon seit vielen Jahren bestehendes Engagement und an das Büro in Almaty, welches von Beginn an auch hier einen Schwerpunkt setzt.

Gemeinsam für Klimaschutz und die Agenda 2030

Eine der größten gemeinsamen Herausforderungen sind der weltweit stattfindende Klimawandel, die Umweltverschmutzungen, die Bedrohungen von Natur, von Flora und Fauna durch die rücksichtslose Ausbeutung der Welt, insbesondere durch Deutschland und die anderen hochentwickelten Industriestaaten. Dort demonstrieren seit Wochen jeden Freitag tausende Schülerinnen und Schüler für eine andere Klimapolitik, damit auch die kommenden Generationen noch eine Chance haben, auf dieser Erde zu leben. Ich begrüße diese Demonstrationen vor dem Hintergrund, dass auch in Deutschland die Politik wie auch die Wirtschaft mehr über die Bewahrung und Mehrung vorhandener Besitzstände als die Bewahrung unserer Lebensgrundlagen reden und nur sehr zögerlich und inkonsequent handeln.

Am 25. September 2015 verabschiedete die UNO auf einem Weltgipfel die AGENDA 2030 mit 17 Zielen für nachhaltige Entwicklung zur Sicherung einer nachhaltigen Entwicklung auf ökonomischer, sozialer sowie ökologischer Ebene [5].

Ich würde mir wünschen, dass wir bei den bereits bestehenden Beziehungen zwischen unseren Ländern die Umsetzung der 17

Ziele der AGENDA 2030 noch mehr in den Mittelpunkt stellen und da – wo erforderlich – zielgerichtet ergänzende Partnerschaften knüpfen. Hier können meines Erachtens auch die Rosa-Luxemburg-Stiftung und andere Stiftungen ihren Beitrag leisten.

Ich bin zuversichtlich, dass sich die Zusammenarbeit zwischen Deutschland und den Ländern Zentralasiens erfolgreich weiter entwickeln kann. Es gibt gute Grundlagen dafür und auch das beiderseitige Interesse, hierfür mehr zu tun. Die heutige Konferenz und das Projekt Seidenstraße leisten hier einen wertvollen Beitrag und vielleicht gelingt es auch, die weiteren an der Neuen Seidenstraße liegenden Büros der Luxemburg-Stiftung bei diesem Thema aktiv einzubeziehen.

Herzlichen Dank!

Informationsquellen:

1. Im September 2018 präsentierten die Europäische Kommission und die Hohe Vertreterin der EU für Außen- und Sicherheitspolitik Federica Mogherini ihre EU-Asien-Strategie („Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU strategy“) zur besseren Verbindung von Europa und Asien. Diese wurde in der Folge dem Rat der Europäischen Union vorgelegt und im Oktober 2018 von ihm angenommen (Dokumentennummer des Rats: 12720/18).
https://ec.europa.eu/germany/news/20190919_de
2. Gemeinsame Mitteilung an das Europäische Parlament und den Rat „Die EU und Zentralasien: Neue Chancen für eine stärkere Partnerschaft“ auf Drucksache 9348/19 des Rates der Europäischen Union vom 15.05.2019 sowie „Schlussfolgerungen des Rates zur neuen Strategie der EU für Zentralasien“ auf Drucksache 10221/19 des Rates der Europäischen Union vom 17. Juni 2019.
3. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der FDP-Fraktion „EU-Asien-Konnektivitätsstrategie“, Bundestagsdrucksache 19/11471 vom 10.07.2019.
4. Antwort der Bundesregierung auf die Kleine Anfrage der Fraktion DIE LINKE „Beziehungen zwischen Deutschland und den zentral-

asiatischen Staaten (Kasachstan, Kirgisistan, die Mongolei, Tadschikistan, Turkmenistan, Usbekistan) und die Zusammenarbeit mit der Zivilgesellschaft“, Bundestagsdrucksache 19/4277 vom 12.09.2018. www.andrehahn.eu (Antwort in deutscher und russischer Sprache).

5. <https://www.auswaertigesamt.de/de/aussen-politik/themen/agenda2030>

Андрэ Хан

Новый Шелковый путь должен быть больше, чем просто экономический и транспортный проект

В начале своего доклада я хотел бы поблагодарить Фонд Розы Люксембург за приглашение в Алматы.

Парламентские группы бундестага Федеративной Республики Германия должны поддерживать сотрудничество национальных парламентов и их депутатов. Таким образом, эти группы можно назвать дружественными, поскольку через эти парламенты строятся мосты между государствами и живущими в них людьми.

Я представляю фракцию «Левые» в бундестаге в качестве заместителя председателя парламентской группы «Германия – Центральная Азия». Кроме того, являюсь «простым» членом Немецко-Российской группы и парламентской группы сотрудничества со странами АСЕАН. Эти обязанности я с удовольствием взял на себя в дополнение к моим функциям заместителя руководителя парламентской фракции, ответственного за вопросы внутренней политики, контроля над деятельностью секретных служб, и за спорт, а также в качестве заместителя председателя комиссии по туризму.

На мой взгляд, международный обмен – это задача не только для политиков, но и для всех депутатов. Именно спорт и туризм, а также многие аспекты внутренней политики связывают наши страны и народы.

Я рад, что помимо представительств Фонда Розы Люксембург в Москве, Пекине, Ханое, Дели и Маниле, теперь существует Представительство Фонда и в Центральной Азии. Хотя эти города разделяют тысячи километров, с открытием офиса Фонда в Алматы расстояние между Германией и пятью, а если учитывать Монголию, то и шестью государствами Центральной Азии, немного сокращается.

Несмотря на поездки в составе парламентской группы в Узбекистан, Туркменистан, а также в Кыргызстан на Всемирные игры кочевников, это мой третий визит в Центральную Азию, поэтому я пока не могу назвать себя специалистом, я, скорее, человек, изучающий этот регион.

Шелковый путь – это возможность для Европы

Около 2500 лет посредством древней сети караванных дорог, проходивших через Средиземноморье, Центральную и Восточную Азию, Шелковый путь соединяет Китай и Японию с Европой. Это был путь не только для распространения религии, науки, культуры и торговли шелком и многими другими товарами, но и, к сожалению, для распространения войн и болезней.

В мае 2017 года Китайская Народная Республика выступила с инициативой создания Нового Шелкового пути – «Один пояс и один путь». Эта Инициатива является одной из главных тем, обсуждаемых в мировой политике, поскольку меняется расстановка политических и экономических сил между Азией, Северной Америкой и Европой, точнее говоря, между великими державами – Китаем, США, Россией, а также Европейским союзом. С принятой в 2018 году Стратегией сотрудничества между Европейским союзом и Азией [1], Евросоюз пытается ответить Китаю на эту Инициативу. Обе стратегии направлены на улучшение транспортных и энергетических сетей, цифровой инфраструктуры и торговли.

Сухопутный маршрут Нового Шелкового пути из Китая в Германию вряд ли возможен без России и государств Центральной Азии. С этим связан вопрос о степени вовлеченности этих государств в качестве транзитных стран и их участии в разработке проекта.

На мой взгляд, проект Нового Шелкового пути является не угрозой для Европы, а шансом для более тесного мирного

сотрудничества между государствами, экономиками и народами Азии и Европы. Однако это будет возможно только в том случае, если Новый Шелковый путь будет не только экономическим и транспортным проектом, но и проектом, приносящим выгоду народам Центральной Азии.

В этом контексте важна позиция Европейского союза. Первая «Стратегия нового партнерства Европейского союза с Центральной Азией» была принята Европейским советом глав государств и правительств по инициативе Германии 22 июня 2007 года. Основное внимание при этом уделялось обеспечению стабильности и благосостояния, требованиям по развитию правового государства и демократизации, а также сотрудничеству в области обеспечения энергетической безопасности и диверсификации.

Новая Стратегия Евросоюза по Центральной Азии была принята в июне 2019 года [2]. В ответ на краткий запрос фракции Свободной демократической партии [3] Федеральное правительство заявило: «Центральная Азия имеет особое значение для внешней политики Германии... Федеральное правительство активно продвигает новую концепцию Стратегии Европейского союза в Центральной Азии, которая включает текущую динамику реформ в регионе, создание стабильности посредством устойчивого роста и открытия возможностей для молодого поколения. Федеральное правительство будет и впредь содействовать скорейшей реализации этой стратегии в Центральной Азии путем двусторонних контактов и инициатив». Конечно, я с этим полностью согласен.

Регулирование сотрудничества с Центральной Азией

На краткий запрос левой фракции об отношениях между Германией и государствами Центральной Азии и сотрудничестве с гражданским обществом Федеральное правительство всесторонне отреагировало осенью прошлого года [4].

По этому поводу я думаю, что Федеративной Республике Германия рекомендуется значительно расширить сотрудничество с государствами Центральной Азии, уделяя особое внимание вовлеченности гражданского общества в этот процесс. Несмотря на то, что ситуация в Центральной Азии и сотрудничество с шестью государствами этого региона очень различны, тем не менее, имеется много возможностей для улучшения отношений.

Я полагаю, что сотрудничество Германии со странами Центральной Азии должно быть не только значительно расширенным, но и отрегулированным. В центре внимания Федерального правительства находится большой экономический интерес Германии к сотрудничеству с Центральной Азией. Ведь Германия уже является крупнейшим торговым партнером в регионе после Китая и России. Я не хотел бы полемизировать относительно того, что экономическое взаимодействие, обмены и торговля являются важной основой для мирного сотрудничества в глобальном мире. В новой стратегии ЕС менее проблематичным является высказывание о том, что развитие частного сектора экономики в Центральной Азии является одним из ключевых приоритетов для инвестиций Евросоюза. Почему кооперативные модели не играют никакой роли? У нас в Восточной Германии тоже недостаточно позитивного опыта по приватизации коммунальных, жилищных, водохозяйственных и энергетических компаний, социальных

учреждений и больниц, а также компаний общественного транспорта.

Конечно, есть уже много примеров сотрудничества, например, Гете-Институты, политические фонды, развитие кооперации высших учебных заведений и других институтов. Но еще имеются «белые пятна». Потенциал для сотрудничества я вижу в таких областях, как туризм и спорт, сотрудничество с гражданским обществом, а также между организациями инвалидов по реализации Конвенции ООН о правах инвалидов, ратифицированной в наших странах.

Для меня важным является партнерское сотрудничество между городами и учреждениями на региональном или коммунальном уровнях. Я думаю, что это также помогает расширять человеческие мосты между Германией и странами Центральной Азии.

Главная роль прав человека

В немецкой политике, в том числе и во внешней, главную роль играют права человека. То, как рассматривает это Федеральное правительство Германии, зависит и от соответствующих экономических интересов. На мой взгляд, это недопустимо. Что может быть критерием, когда речь идет о правах человека?

Я не думаю, что Германия или так называемый «западный мир» имеет право диктовать другим странам правила жизни и организации своих обществ. Для меня критерием является Конвенция ООН по правам человека 1948 года и другие конвенции, принятые для отдельных групп населения, ратифицированные практически всеми странами мира. Это такие документы как Конвенция о правах женщин, Конвенция о правах ребенка, Конвенция о правах беженцев и, что не менее важно, Конвенция о правах инвалидов. Дело в том, что

даже в Германии эти конвенции еще не реализованы в полной мере. Предстоит еще многое сделать, и я уверен, что мы сможем кое-чему научиться и у стран Центральной Азии.

В ответе Федерального правительства на наш краткий запрос также содержатся заявления об условиях жизни инвалидов, о проектах сотрудничества между организациями инвалидов Германии и стран Центральной Азии. Теперь я знаю, что в этой области трудно организовать постоянное сотрудничество между ассоциациями инвалидов, учитывая большие расстояния и связанные с этим расходы. Именно поэтому я выражаю сердечную благодарность офису Фонда Розы Люксембург в Москве за многолетнюю приверженность этой теме, а также Представительству Фонда в Алматы, которое с самого начала своей деятельности обратило на это особое внимание.

Вместе на защиту климата и Повестка дня – 2030

Одними из самых серьезных всеобъемлющих вызовов наших дней являются глобальное изменение климата, экологическая катастрофа, угроза природе, флоре и фауне в результате безжалостной эксплуатации окружающей среды, особенно Германией и другими промышленно высокоразвитыми странами. Тысячи школьников каждую неделю участвуют в демонстрациях, требуя изменить политику в области климата, дать шанс будущим поколениям жить на этой земле. Я приветствую эти демонстрации потому, что политические и экономические силы Германии предпочитают больше говорить о расширении существующих владений, чем о сохранении условий для жизни, действуя очень нерешительно и непоследовательно.

25 сентября 2015 года на Всемирном саммите ООН была принята Повестка дня – 2030 года, в которой сформулировано

семнадцать целей в области устойчивого экономического, социального и экологического развития [5].

Мне бы хотелось акцентировать внимание на реализации семнадцати целей Повестки дня – 2030 года именно в отношении между нашими странами и, при необходимости, в целенаправленных взаимодополняющих партнерствах. На мой взгляд, Фонд Розы Люксембург и другие фонды также могут внести здесь свой вклад.

Я уверен, что сотрудничество между Германией и странами Центральной Азии может быть успешно продолжено. Для этого есть хорошая основа и взаимная заинтересованность в эффективной работе, чему является доказательством сегодняшняя конференция и проект «Шелковый путь», которые вносят свой ценный вклад в это партнерство. Надеюсь, что в дальнейшем к совместной работе удастся привлечь и другие представительства Фонда Розы Люксембург, находящиеся вдоль «Нового Шелкового пути».

Большое спасибо!

Информационные источники:

1. В сентябре 2018 года Европейская комиссия и Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Федерика Могерини представили свою стратегию («Взаимодействие Европы и Азии – структурные блоки для стратегии Евросоюза») для лучшей связи между Европой и Азией. Впоследствии он был представлен Совету Европейского союза и принят им в октябре 2018 года (номер документа Совета:12720/18) https://ec.europa.eu/germany/news/20190919_ru
2. Совместное сообщение Европейскому парламенту и Совету «Евросоюз и Центральная Азия: новые возможности для более сильного партнерства» по печатному материалу 9348/19 Совета Европейского союза от 15.05.2019 г. и «Выходы Совета о новой стратегии Евросоюза для Центральной Азии». Издание Бундестага, 10221/19, Совет Европейского союза от 17 июня 2019 года.

3. Ответ Федерального правительства на запрос группы Свободной демократической партии «Стратегия установления связи между Евросоюзом и Азией», печатный документ Бундестага, 19/11471 от 10.07.2019 г.
4. Ответ Федерального правительства на запрос группы Die Linke «Отношения между Германией и государствами Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) и сотрудничество с гражданским обществом». Издание Бундестага, 19/4277 от 12.09.2018 г. www.andre-hahn.eu (ответ на немецком и русском языках).
5. <https://www.auswaertigesamt.de/de/aussenpolitik/themen/agenda2030>

Султанов Б.К.

«Пояс и путь» и перспективы создания Большой Евразии (от Лиссабона до Лянъюнгана)

Цели и задачи Инициативы «Один пояс и один путь»

В своем выступлении на открытии Второго Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» (Пекин, 25-27 апреля 2019 г.) Председатель КНР Си Цзиньпин сформулировал цели и задачи Инициативы «Один пояс и один путь» следующим образом:

- совместное строительство «Пояса и пути» направлено на углубление прагматичного сотрудничества, совместную борьбу с различными рисками и вызовами, которые стоят перед человечеством, а также на достижение взаимной выгоды и общего выигрыша;
- совместное строительство «Пояса и пути» отвечает стремлению народов разных стран к лучшей жизни, к совместному развитию и процветанию;
- ключом к совместному строительству «Пояса и пути» является установление глобальных взаимосвязанных партнерских отношений;
- совместное строительство «Пояса и пути» – дорога возможностей, которая ведет в сторону совместного процветания;
- через реализацию железнодорожных, портовых и трубопроводных проектов построить сеть взаимосвязанности, основой каркаса которой служат транспортные коридоры и информационные магистрали;
- усиление многовекторного сотрудничества, продвигая взаимосвязанность на суше, на море, в воздухе и в интернете, строительство высококачественной, устойчивой, свободной от рисков, всеобъемлющей инфраструктуры по разумной цене;

- строительство экономических коридоров, развитие торгово-экономических зон сотрудничества и индустриальных парков, усиление цифровой взаимосвязи в области рынка, регулирование стандартов, а также создание цифровой инфраструктуры;
- создание отношений глобального взаимосвязанного партнерства и усиления механизмов сотрудничества;
- сопряжение инициатив и планов экономического сотрудничества каждой страны и международных организаций, усиление двустороннего сотрудничества и сотрудничества на рынках третьих сторон;
- создание курсирующих между Китаем и Европой грузовых экспрессов, новых сухопутных и морских путей, а также других международных логистических и торговых путей для повышения уровня взаимосвязанности между странами;
- инициатива совместного строительства «Пояса и пути» зародилась в Китае, а возможности и результаты принадлежат миру [1].

Сотрудничество Китая с зарубежными странами по реализации Инициативы «Один пояс и один путь»

- Основными маршрутами Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) из Китая являются следующие:
- 1) через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря);
  - 2) через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря;
  - 3) в Юго-Восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану.

Планируется создание континентального моста между Европой и Азией, а также международных коридоров экономического сотрудничества «Китай – Монголия – Россия», «Китай – Центральная Азия – Западная Азия», «Китай – Индокитай». В ключевых городах этих коридоров предполагается создание опорных торгово-экономических и промышленных зон.

На пространстве СНГ практически все страны поддерживают проект «Пояс и путь», рассчитывая при помощи китайских инвестиций решить свои экономические проблемы, в первую очередь, развить национальные инфраструктурные сети.

В Европейском союзе произошел поворот в отношении «Пояса и пути». Возникла реальная возможность создания сопряжения «Европейский союз – «Пояс и путь». Это показали весенние визиты в Европу председателя КНР Си Цзиньпина и премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна.

В частности, президент Франции Э. Макрон в рамках состоявшегося 21-26 марта 2019 года государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина в Италию, Монако и Францию, на закрытии Китайско-Французского форума по глобальному управлению заявил: «Предложенная Китаем Инициатива «Один пояс и один путь» имеет колоссальное значение. Евросоюз может путем инноваций состыковать свою стратегию развития с китайской Инициативой, а также совместно содействовать транспортно-коммуникационной взаимосвязанности Европы и Азии [2].

На состоявшейся 21-й встрече лидеров Китая и Евросоюза (Брюссель, 10 апреля 2019 года) было подтверждено намерение продвигать взаимовыгодное всеобъемлющее стратегическое партнерство КНР и ЕС. В частности, премьер Гос-совета КНР Ли Кэцян отметив, что у сторон больше общих интересов, чем разногласий, подчеркнул: Евросоюз пятнадцать лет подряд остается

крупнейшим торговым партнером Китая, а Китай – вторым по величине торговым партнером Евросоюза.

В свою очередь, председатель Европейского совета Туск Д. и председатель Европейской комиссии Юнкер Ж-К. заявили, что европейская сторона полна уверенности в Китае и заинтересована в углублении китайско-европейского всеобъемлющего стратегического партнерства [3].

Хотя надо признать, активность Китая в Евразии вызывает нарастающую озабоченность в финансово-экономических кругах ЕС. Так, немецкий институт изучения Китая имени Герхарда Меркатора (MERICS) в своем экспертно-прогнозном докладе указал, что Китай, а не Россия представляет большую долгосрочную угрозу интересам Европы.

Страны-члены Европейского союза не одобряют протекционистскую политику Д. Трампа в отношении КНР, которая наносит значительный ущерб глобальной торговле, и поэтому настроены не столь категорично против Китая. Тем более что для стран-экспортеров, таких как Германия, создание Евразийского транспортного коридора является весьма выгодным. В то же время понятна заинтересованность ЕС в том, чтобы «Пояс и путь» был двусторонним, а не односторонним коридором. В этой связи европейские бизнесмены обеспокоены, на их взгляд, дискриминацией иностранных компаний в КНР, нарушением Пекином авторских прав, правил ВТО и т. д.

На Западе обращается особое внимание на то, что Китай создает «долговую ловушку» для стран-участниц «Пояса и пути». В свою очередь, Пекин не устает повторять, что строительство «Пояса и пути» требует привлечения большого объема финансовых средств. Тем более что Китай не является крупнейшим кредитором развивающихся стран. По информации информационного агентства «Deutsche Welle», Евросоюз направляет в государства вдоль «Пояса и пути» не меньше финансовых средств, чем Китай, а в целом ряде

случае значительно больше. Так, в исследовании Фонда Бертельсмана анализировались 25 стран-получателей официальной финансовой помощи и государственных кредитов, девять из которых находятся на постсоветском пространстве. Преобладание китайского финансирования ярко выражено всего в трех странах: в Казахстане, Пакистане и Лаосе. В то же время в шестнадцати государствах доминирует западная помощь, в остальных денежные потоки примерно одинаковые. На постсоветском пространстве к странам со «значительным преобладанием западных средств» относятся Азербайджан, Армения и Туркмения, просто «преобладание западных средств» зафиксировано в Таджикистане и Узбекистане [4].

По данным правительства Казахстана за период независимости в казахстанскую экономику привлечено \$330 млрд. прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из более чем 120 зарубежных стран. Основная часть ПИИ – более 50% – приходится на страны Европейского союза, в том числе на: Нидерланды – \$90,4 млрд., США – \$48,4 млрд., Швейцарию – \$25,8 млрд., Францию – \$16,1 млрд., Италию – \$8,7 млрд., Бельгию – \$7,6 млрд., Германию – \$5,2 млрд. [5]. Китай инвестировал в Казахстан около \$20 млрд. В этой связи возникает вопрос: почему 5% ПИИ из Китая вызывает тревогу в ЕС, а западные кредиты рассматриваются как средство «развития бедных стран в интересах их населения»? Греция, Италия, Португалия, попавшие в долговую ловушку ЕС, теперь ищут выход из финансового тупика в сопряжении своих государственных программ с Инициативой «Один пояс и один путь».

Казахстанско-китайское сотрудничество в рамках сопряжения Инициативы «Один пояс и один путь» и программы «Нурлы жол»

В Казахстане 11 ноября 2014 года была принята программа «Нурлы жол», направленная на обеспечение устойчивого развития экономики Казахстана в условиях новых глобальных и региональных вызовов. Стержнем программы «Нурлы жол» является инфраструктурное развитие Казахстана и, прежде всего, превращение Казахстана в Евразийский транспортно-логистический хаб, соединяющий Север и Юг, Запад и Восток Евразии, страны Европейского союза, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Условием осуществления программы «Нурлы жол» для Казахстана, не имеющего прямого выхода к Балтийскому морю и Атлантическому океану, Персидскому заливу и Индийскому океану, а также к Тихому океану, являются дружеские и партнерские отношения с соседними государствами – Китаем, Россией и Ираном.

В 2018 году объем торговли Казахстана с Китаем достиг \$11,7 миллиардов (согласно китайским статистическим данным – \$19,88 млрд.). По данным СМИ китайские компании добывают сегодня более 25% нефти в Казахстане. Мощность трубопроводов в Китай в 2015 году составила двенадцать миллионов тонн. В настоящее время рассматривается возможность увеличения пропускной способности трубопроводов из Казахстана в Китай до двадцати миллионов тонн нефти в год.

В настоящее время Китай является одним из крупных внешнеторговых и экономических партнеров Казахстана. Однако необходимо отметить, что из девятнадцати тысяч юридических лиц и филиалов с иностранным участием, зарегистрированных в Казахстане на 1 августа 2019 года, всего 5,6% совместных предприятий (СП) – с китайским участием.

В то же время 35,3% СП – зарегистрировано с российским участием, 9,5% – с турецким, 5,6% – с узбекским, 3,1% – с немецким участием, соответственно. В настоящее время перечень совместных казахстанско-китайских проектов в области индустриализации и инвестиций включает пятьдесят пять проектов на общую сумму \$27,6 млрд. [5].

По информации Министерства индустрии и инфраструктурного развития РК (МИИР), вышеуказанные 55 казахстанско-китайских проектов планируется реализовать в сфере машиностроения, строительной индустрии, аграрно-промышленном комплексе, химическо-фармацевтической промышленности, нефтегазовом секторе, энергетике. Каждый проект закреплен за определенным министерством. Так, за МИИР закреплены 27 проектов, за Министерством сельского хозяйства – 7 проектов, за Министерством энергетики – 20, за Международным финансовым центром – 1 проект.

Предполагается создание высокотехнологичных предприятий, способных производить высококачественную продукцию с высокой добавленной стоимостью, ориентированной на экспорт. По данным МИИР РК к настоящему времени уже запущено восемь проектов на сумму \$1,6 млрд. В частности, в Алматы в декабре 2019 года введено в строй предприятие по производству стальных труб большого диаметра, на котором создано триста рабочих мест для казахстанских граждан. Необходимо отметить, что казахстанско-китайские проекты предполагают приглашение иностранных специалистов только на стадии строительства и первоначальной эксплуатации. На всех же предприятиях, введенных в эксплуатацию, будут работать в основном казахстанские специалисты. Так, на Актогайском горно-обогатительном комбинате весь персонал, включая руководящий состав, представлен казахстанскими специалистами. Всего же в рамках совместных предприятий с

участием Китая будут созданы более двадцати тысяч рабочих мест для граждан Казахстана [6].

Большие перспективы для двустороннего сотрудничества имеются в атомной энергетике. В Китае действуют 38 атомных реакторов, в 2020 году планируется построить еще 20. К 2030 году Китай планирует иметь 100 атомных реакторов. Поэтому с 2007 года Китай приступил к созданию запасов урана. С этой целью Китай активно инвестирует в проекты по добыче урана в Казахстане, а также в других странах. В настоящее время Китай импортирует ежегодно 18 тысяч тонн урана из Казахстана (для сравнения: из России – 600 тонн).

В современном мире, помимо освоения и продажи природных ресурсов, приоритетными становятся транспортные и логистические услуги. За последнее десятилетие Казахстан инвестировал более \$30 миллиардов в свою транспортную инфраструктуру. Построено более 2 тыс. км. железных дорог, реконструировано 7 тыс. км. автомагистралей. Портовые мощности на Каспии увеличились до 27 млн. тонн. Введены в эксплуатацию 5 круглогодичных портов, 5 нефтегазовых трансграничных газопроводов, 2 трансграничных железнодорожных магистрали, 1 международный приграничный центр сотрудничества. Через Казахстан проходят 5 железнодорожных и 6 автомобильных международных коридоров. Строительство логистического центра в китайском порту Лянъюньган позволило Казахстану впервые получить прямой выход к Тихому океану.

До 2025 года Казахстан планирует инвестировать дополнительно \$20 миллиардов в транспортно-логистические проекты и подключиться к межконтинентальным магистралям «Западный Китай – Западная Европа», «Китай – Иран», что позволит превратить Казахстан в важнейший Евразийский транспортно-логистический хаб, соединяющий Север и Юг, Запад и Восток Евразии, страны Европейского союза, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

В 2011 году был запущен первый железнодорожный контейнерный маршрут из Чунцина в немецкий Дуйсбург через Казахстан, соединивший Китай с Европой. В 2018 году по маршруту Китай – Европа проследовало уже 13 тысяч поездов. По мнению Генерального директора Агентства внешней торговли и инвестиций ФРГ Фридриха Ю., контейнерные поезда уже заняли свое место в области транспортировки товаров между Китаем и Европой благодаря «повышенной скорости, эффективности и надежности» и укрепили связи немецких Дуйсбурга и Гамбурга с Китаем, Восточной Европой и Центральной Азией [7]. В настоящее время поезда, следующие по маршруту Китай – Европа, доеzzают из Урумчи до Алматы за 48 часов, до России – за 8 суток, до Голландии – за 16, до Италии – за 19 суток.

Китайская сторона выступает за скорейшее открытие транзитных перевозок грузов по автомобильной дороге в направлении Китай – Казахстан – Россия. Казахстан свой участок автомобильной дороги построил, но российская сторона пока не готова к участию в этом проекте. Пекин призывает также к скорейшей транспортировке грузов по автомобильным маршрутам между Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР (СУАР), Восточно-Казахстанской областью Казахстана и Омской областью России [8].

Одной из динамично развивающихся сфер в Казахстане является рынок электронной коммерции. По итогам 2018 года объем рынка онлайн-торговли в Казахстане вырос в 1,5 раза и составил 269 млрд. тенге. Число активных покупателей составило 2,3 млн. человек при населении 18,5 млн. граждан. В этой связи необходимо учитывать то, что в 2018 году количество интернет-посылок между Китаем и Европой достигло 670 млн. единиц. В 2025 году их количество достигнет 4 млрд. единиц. Поэтому было бы целесообразно перенаправить существующие объемы интернет-посылок через Казахстан. В

в этом случае к 2025 году рост электронной торговли сможет принести Казахстану 1,1% роста ВВП.

В настоящее время в КНР обучается около четырнадцати тысяч казахстанских студентов. На 2017-2022 годы китайская сторона выделила дополнительно двести грантов для казахстанских студентов. В свою очередь, в Казахстане обучается около одной тысячи студентов из Китая, большую часть которых составляют этнические казахи из Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР).

Вместе с тем, надо признать, что среди значительной части населения Казахстана и стран Центральной Азии сохраняется китаефобия, связанная, не только с историческими фобиями, но и с недостаточной осведомленностью населения об осуществляемых проектах с участием КНР. Отсюда будоражащие население сообщения, распространяемые отдельными блогерами в социальных сетях, о, якобы, китайской экономической экспансии, выводе из Китая в Казахстан и страны Центральной Азии экологически грязных производств, притоке в регион огромного количества китайских трудовых мигрантов и т. д.

Со стороны экспертного сообщества стран региона отношение к Инициативе «Один пояс и один путь» неоднозначное: с одной стороны, имеются положительные мнения и оптимистичные ожидания, с другой стороны – алармизм и пессимизм в прогнозах. Например, экономист Алмас Чукин доказывает в своей статье «Будущее Казахстана с Китаем»: «Китай готов вкладываться в Казахстан», «У нас с Китаем взаимодополняемые экономики»; «Инвестиции Китая растут колоссальными темпами» и т. п. [9].

В свою очередь Абдуфаттах Маннапов в своей статье «Опасно лезть в пасть дракона» (Об угрозах китайской экспансии в Туркестане) призывает отказываться от китайских кредитов, от хитрого использования Китаем «методов долговой ловушки», противостоять «далнейшей китайской

экспансии». При этом А. Маннапов, с подачи западных СМИ, считает, что основной целью, якобы, «работы мафии – КПК является, используя финансовое закабаление, кражи интеллектуальной собственности (в США и в других развитых странах), хитрость, шпионаж, мошенничество, подкуп, обман, – подрыв изнутри США и другие страны» [10].

На наш взгляд, позиция А. Маннапова не совсем понятна, особенно в части того, каким образом Китай может изнутри подорвать США? В таких случаях известная народная пословица гласит: «В огороде бузина, а в Киеве – дядька!»

В этой связи обращает на себя внимание точка зрения известного казахстанского политолога Данияра Ашимбаева, по мнению которого, в разжигании антикитайских настроений в Казахстане, помимо традиционной экономической составляющей, имеет место еще и внешняя. К разжиганию антикитайских настроений в Казахстане, – полагает Ашимбаев Д., – активно подключились проамериканские СМИ, которые формально занимают место так называемых казахских национал-патриотов, но финансируются при этом госдепартаментом США. Это связано с желанием Вашингтона подорвать позиции Пекина в странах, задействованных в Инициативе «Один пояс и один путь» [11].

По нашему мнению, «Пояс и путь» используется во внутриэлитной борьбе в странах региона. Так, накануне официального визита Президента Казахстана К.-Ж. Токаева в КНР 11-12 сентября 2019 года в четырех казахстанских городах – Жанаозене, Нур-Султане, Алматы и Актау состоялись немногочисленные акции протеста под лозунгами экономического и политического характера: «Нет китайской экспансии!», «Нет 55 китайским заводам в Казахстане!» и т. д. Но по окончании визита главы Казахстана в КНР протестные акции внезапно исчезли, так же, как и внезапно появились.

Перспективы сопряжения «Пояса и пути» с Евразийским экономическим союзом и Европейским союзом в рамках Большой Евразии

Для стран Евразии, куда постепенно сдвигается вектор мировой политики и торговли, актуальной задачей становится создание доверительного и взаимовыгодного сотрудничества, снижение конфликтного потенциала в Евразии. Не случайно, Первый Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, выступая на Втором Форуме международного сотрудничества «Один пояс и один путь» констатировал: «Мир уже явно устал от конфликтных геополитических концепций и все более тяготеет к геоэкономике и совместному развитию» [12].

Первый Президент Казахстана на протяжении ряда лет предлагал выход из создавшейся ситуации в мировой экономике и политике. В частности, еще три года назад, 1 апреля 2016 года, в Вашингтоне Н.А. Назарбаев предложил создать Объединенное Евразийское экономическое пространство [13]. 11 апреля 2019 года на конференции в Астане Н.А. Назарбаев, рассматривающий Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в качестве надежного моста между Европой и Азией, развел эту идею, предложив объединить потенциалы ЕАЭС, ЭПШП, Евросоюза в «Группу сотрудничества ШОС и ЕС». При этом фундаментом этой группы выступает связка ЕАЭС – «Пояс и путь». Такое сопряжение, по словам Н.А. Назарбаева, является «выгодным и естественным» [13].

Мы исходим из того, что сопряжение Инициативы «Один пояс и один путь» с национальными стратегиями экономического развития государств-членов ШОС соответствует задачам и принципам странам-членам Шанхайской организации сотрудничества. В этом процессе, – отметил в своем выступлении на Втором Международном форуме «Один пояс и один путь» Генеральный секретарь ШОС В.И. Норов, – в полной мере воплощаются главные

принципы «Шанхайского духа». По словам В.И. Норова, в документах последних трех саммитов ШОС выражена всемерная поддержка Инициативе «Один пояс и один путь» [14].

Идея расширенной евразийской интеграции большое внимание уделяет и президент России В.В. Путин. На Международном форуме «Один пояс и один путь» (Пекин, 14 мая 2017 г.) Глава России предложил создать Большое Евразийское пространство путем сложения потенциалов ЕАЭС, Инициативы «Один пояс и один путь», Шанхайской организации сотрудничества, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, причем с участием государств Европейского союза [15]. В этом случае, – заявил В.В. Путин, – впервые в истории удастся создать гармоничное, сбалансированное и всеобъемлющее единое пространство сотрудничества от Атлантики до Тихого океана – «интеграцию интеграций», т. е. тесное сопряжение, идущих в Евразии, различных двусторонних и многосторонних интеграционных процессов.

На Втором Международном форуме «Один пояс и один путь» (Пекин, 26-27 апреля 2019 г.) Путин В.В. уточнил название этого проекта, назвав его «Большое Евразийское партнерство», которое можно будет создать путем сложения потенциалов ЕАЭС, Инициативы «Один пояс и один путь», Шанхайской организации сотрудничества, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии [16].

По мнению президента В.В. Путина, формирование такого типа отношений как Большое Евразийское пространство, открытого для всех государств Евразии, позволит строить сотрудничество между государствами, основанными на прагматизме, учете интересов друг друга [17].

Тем временем, в Германии возникло движение предпринимателей и экспертов, выступающих за восстановление экономического сотрудничества между

Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом. В частности, в Берлине создана Рабочая группа с примечательным названием «Единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока», которую возглавили известный немецкий предприниматель Ульф Шнайдер, основатель компании «Schneider Group» и владелец экономического журнала «Ost Contact», а также один из ведущих немецких экспертов Александр Пар.

Немецкие бизнесмены обращаются к европейским политикам в Брюсселе с настойчивой просьбой: приступить к официальному диалогу с ЕАЭС по согласованию норм и правил, регулирующих международную предпринимательскую и торговую-экономическую деятельность с учетом интересов всех торговых партнеров обеих экономических зон. Прагматичные немцы говорят: «Давайте разделим политику и экономику. Политические лозунги оставим политикам, а деловым людям дадим возможность создать общий рынок ЕС и ЕАЭС с населением 700 миллионов человек».

Указанная инициатива получает все большую поддержку в ФРГ. Более того, немецкие бизнесмены полагают, что можно продлить этот мост кооперации и в Китай. Тогда формула станет и вовсе универсальной «ЕС + ЕАЭС + ЭПШП». В этом супер-рынке Казахстану может принадлежать одно из ведущих мест, учитывая его транзитные возможности.

На наш взгляд, создание Единого экономического и гуманитарного пространства, а также пространства безопасности от Лиссабона до Ляньчжоу – не утопия, а перспективная реальность. Конечно, учитывая нынешнее обострение международных отношений, осуществление такой идеи сегодня является невозможным, но в среднесрочной перспективе вполне реально. В этой связи хотелось бы напомнить, что «утопия позволяет предвосхищать вероятное отдаленное будущее, которое на данном уровне познания не

может быть научно предсказано в конкретных деталях, и может также предостерегать от некоторых отрицательных социальных последствий человеческой деятельности» [18].

В условиях нарастания современных вызовов, рисков и угроз создание Единого экономического и гуманитарного пространства, а также пространства безопасности от Лиссабона до Ляньчонгана открывает новые возможности и перспективы для сотрудничества в Евразии.

Предложения и рекомендации

Во-первых, при осуществлении проекта Экономического пояса Шелкового пути необходимо придать ЭПШП «человеческое лицо». Т. е. учесть упущения, допускаемые чиновниками Евразийского экономического союза в сфере информации и работы с населением. Для успешного проекта Шелкового пути необходимо, в первую очередь, заручиться широкой и активной поддержкой граждан. Для этого желательно постоянное ознакомление населения с осуществляемыми мероприятиями, которые простые люди сегодня, а не в далекой перспективе, ощутили бы на себе, «на своем кармане».

Во-вторых, казахстанско-китайским проектам необходимы большая открытость и транспарентность – для разъяснения того, какие будут социально-экономические последствия от осуществляемых проектов в рамках ЭПШП, в том числе, количество вводимых рабочих мест, социальная и спонсорская помощь, размер налогов в местный и республиканский бюджеты, экологическая политика. Это заодно пресечет слухи относительно, якобы, коррупционной составляющей казахстанских чиновников в осуществляемых проектах.

В-третьих, перед заключением проектов с зарубежными странами, в том числе с Китаем, желательно проведение

комплексных экспертиз, включающих правовые, финансовые, торгово-экономические, социальные, экологические и т. п. аспекты, осуществление которых необходимо поручать независимым экспертам, представителям неправительственных организаций.

В-четвертых, в случае проявления недовольства со стороны отдельных граждан теми или иными аспектами казахстанско-китайского сотрудничества необходимо оперативное проведение открытых дискуссий по беспокоящим их вопросам, с участием правительственные чиновников, депутатов и представителей НПО. Здесь в качестве диалоговых площадок целесообразно было бы ввести в практику парламентские слушания или слушания в маслихатах тех областей и городов, где осуществляются проекты. Таким образом, возможно будет перевести протестный потенциал в упорядоченные и прагматичные рамки.

В противном случае мы будем вновь и вновь «наступать на грабли» китаефобии и антикитайских настроений, которые могут быть спровоцированы деструктивными силами в своих целях на фоне нарастающего раздражения и недовольства части населения из-за непростой социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране.

Информационные источники:

1. Си Цзиньпин. Выступление на открытии Второго Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» // <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0427/c31521-9572868-5.html/> – 27.04.2019 г.
2. Си Цзиньпин принял участие в Китайско-французском форуме по глобальному управлению и выступил с речью // http://russian.news.cn/2019-03/27/c_137925619.htm/ Синьхуа, 27.03.2019 г.
3. Китай и Европа намерены продвигать сотрудничество и до-

- стигать больше реальных выгод на благо народов обеих сторон – Ли Кэцян // Russian.people.com.cn/n3/2019/0411/c31520-9565617.html – Жэнмынъ жибао, 11.04.2019 г.
4. Немцы подсчитали, кто дает больше денег странам «Нового Шелкового пути» // <https://www.dw.com/ru/немцы-подсчитали-кто-дает-больше> – 16.09.2019 г.
5. Вице-премьер разъяснил суть казахстанско-китайских проектов // <https://365info.kz/2019/09/vitse-premer-razyasnil-sut/> – 05.09.2019 г.
6. Китайцы не будут строить 55 заводов в Казахстане // <https://www.zakon.kz/4983968-kitaytsy-ne-budut-stroit-55-zavodov/> – 02.09.2019 г.
7. Курсирующие между Китаем и Европой грузовые поезда способствуют развитию торговли // Russian.people.com.cn/n3/2018/0302/c31520-9432171.html – 2.03.2018 г.
8. Посол КНР в РК Чжан Ханьхой: Мосты между Казахстаном и Китаем укрепляются // <http://www.inform.kz/ru/mosty-mezhdu-kazahstanom/> 16.06.2017 г.
9. Будущее Казахстана с Китаем // [https://zonakz.net/2019/10/09/e\[pert-budushhee-kazaxstana-s-kitaem/](https://zonakz.net/2019/10/09/e[pert-budushhee-kazaxstana-s-kitaem/) – 09.10.2019 г.
10. Маннапов А. «Опасно лезть в пасть дракона» (Об угрозах китайской экспансии в Туркестане) // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1570629300> – 09.10.2019 г.
11. Откуда в Казахстане антикитайские настроения. Мнения политологов // <https://www.ng.kz/modules/news/article.php?storyid=36022> – 05.09.2019 г.
12. Назарбаев Н.А. Выступление на открытии Второго Форума международного сотрудничества «Один пояс и один путь». Пекин, 26.04.2019 г. // http://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext-spee/ – 26.04.2019 г.
13. Назарбаев Н.А. ЕАЭС – это надежный мост между Европой и растущей Азией. Приветственное слово на открытии международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию инициативы Первого Президента РК об укреплении

евразийской интеграции». Астана, 11 11.04.2019 г. // <https://www.zakon.kz/> – 11.04.2019 г.

14. Норов В.И. Сопряжение Инициативы «Один пояс и один путь» с национальными стратегиями экономического развития государств-членов ШОС соответствует целям Организации // <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0428/c31521-9573589.html>

15. Путин В.В. Выступление на церемонии открытия Международного форума «Один пояс и один путь». Пекин, 14 мая 2017 г. // kremlin.ru/events/president/news/54491

16. Путин В.В. Выступление на церемонии открытия рабочей программы Второго Международного форума «Один пояс и один путь». Пекин, 26.02.2019 [www.kremlin.ru/events/president/news/60378/](http://www.kremlin.ru/events/president/news/60378) – 26.04.2019 г.

17. Путин В.В. Выступление на итоговой пленарной сессии XVI заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Сочи, 3 октября 2019 г. // <http://kremlin.ru/events/president/news/61719/> – 3.10.2019 г.

18. Философский энциклопедический словарь. – М.: Издательство «Советская энциклопедия». 1983. – С. 711.

I СЕКЦИЯ «ПОЯС И ПУТЬ» И СТРАНЫ СНГ: ВЫЗОВЫ, РИСКИ, ПРОБЛЕМЫ

Малышева Д.Б.

Политика КНР в Центральной Азии в рамках Инициативы «Один пояс и один путь»

Распад Советского Союза привел к появлению в Центральноазиатском регионе новых игроков. Среди них заметное место занял Китай, превратившийся из региональной изолированной страны, какой Китай был несколько десятилетий назад, в мощную экономическую и военную державу.

Характеристики Китая впечатляют

Китай – это одно из крупнейших государств современного мира, с обширной территорией (9 561 000 кв. км. или 7% суши всей планеты) и населением, превышающим 1,2 млрд. человек. Превратившийся со временем в крупнейшего торгового партнера США, важнейшие предприятия которых зависят от китайского рынка, Китай стал второй по величине после США экономикой мира: его ВВП на 2018 год, по данным Мирового банка, составил 13,6 млрд. долл. США (15,86% от мирового ВВП; ВВП США составляет от мирового – 23,9%) [1]. Китай – крупнейший в мире потребитель природных ресурсов и крупнейший же мировой экспортёр, вышедший, по данным ВТО, на первое место в мире по объему торгового оборота, который в 2018 году составил 2,7 млрд. долл. США (для сравнения: у США, занимающих второе место, этот показатель равен 1,7 млрд.

долл.; у Германии, находящейся на третьем месте – 1,6 млрд. долл.) [2].

К настоящему времени возросла и геополитическая значимость Китая, который активизировал свою политику в Афганистане, Африке, на Африканском Роге. Китай превращается и во все более значимого игрока на ближневосточном направлении, конкурируя за влияние в этом регионе с Россией и США. Как и Россия, Китай заинтересован в уничтожении очагов международного терроризма и религиозного экстремизма на Ближнем Востоке. КНР начинает наращивать свой военный потенциал в Азиатско-Тихоокеанском регионе, активно расширяя здесь (а также на других континентах) сеть своих портов и военных объектов. В целом же закреплять свои конкурентные преимущества Китаю лучше всего удается именно в Азии.

Здесь идея региональной интеграции получила в последнее время новый импульс благодаря Инициативе «Один пояс и один путь» (англ. BRI – «Belt and Road Initiative»), выдвинутой в сентябре 2013 года, во время визита в Центральную Азию Председателя КНР Си Цзиньпина, как проект «Экономического пояса Шелкового пути», а в октябре, во время его визита в страны Юго-Восточной Азии – проект «Морского Шёлкового пути XXI века». Эти проекты предстали затем в виде Инициативы «Один пояс и один путь», которая включает в себя следующие составляющие: политическое сближение, инфраструктурные связи, свободная торговля, обмен капиталов, сближение народов. То есть она предлагает, прежде всего, экономическое сотрудничество.

Следует отметить, что Инициатива «Один пояс и один путь», возникшая на фоне возросшей роли КНР в мировой экономике и политике, в огромной мере обусловлена потребностью Китая изыскать новые транзитные пути для транспортировки своих товаров на мировые рынки, в особенности европейские. Развитие транзитно-транспортного

потенциала – одна из целей Инициативы, которая составлена из пяти основных маршрутов: они, согласно проекту, должны связать Китай с Европой, Ближним Востоком, Африкой.

В рамках Инициативы Китай придает особое значение развитию «Нового евразийского сухопутного коридора» («New Eurasia Land Bridge Economic Corridor»), известного также как «Северный евразийский коридор» («Northern Eurasian corridor») [3], – во-первых, в силу того, что Китай возлагает большие надежды на развитие интеграционных связей с западноевропейскими рынками через сухопутные маршруты и, во-вторых, вследствие благоприятных геополитических условий, складывающихся для Китая в постсоветских государствах ЦА, а также России.

С последней Китай углубляет стратегическое сотрудничество на базе таких крупных региональных институтов, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Примечательно, что в 2015 году РФ и КНР подписали «Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению реализации «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза» и «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества». Китай, ставший крупнейшим торговым партнером России, лидирует в рейтинге ее экспорта и импорта, реализует целый ряд стратегически значимых проектов в сфере энергетики, космоса, авиации, транспорта (Китайско-российский газопровод по восточному маршруту, железнодорожный мост Тунцзян – Нижнеленинское, автомобильный мост Хэйхэ – Благовещенск и др.). Но эти проекты свидетельствуют, скорее, о развитии двусторонних российско-китайских отношений. А вот что касается «сопряжения» «Пояса и путей» с ЕАЭС, то

этот процесс практически не продвигается, хотя, например премьер Госсовета КНР Ли Кэцян в интервью «Российской газете» счел нужным подчеркнуть необходимость того, чтобы «с учетом взаимодополнения способствовать сопряжению Инициативы «Один пояс и один путь» и ЕАЭС, расширять общность интересов, упрочивать материальные основы двусторонних отношений» [4].

Государства постсоветской Центральной Азии (ЦА) представляют для КНР особую значимость в контексте реализации Инициативы «Один пояс и один путь». Это обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, географическим, подразумевающим сопряженность стран ЦА с Китаем. Казахстан, например, имеет с Китаем достаточно протяженную границу, составляющую 1782 км., из которых 1215 проходят по суше, а 566 – по воде. Китай принимает во внимание соседство Казахстана, а также Киргизстана, с китайским Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР), территория которого используется в рамках «Пояса и пути» для осуществления важных инфраструктурных проектов. В их числе – Китайско-пакистанский экономический коридор, который свяжет сетью железнных и автомобильных дорог, газо- и нефтепроводов город Кашгар в СУАР с расположенным на побережье Аравийского моря глубоководным портом Гвадар в пакистанской провинции Белуджистан. Интерес к этому проекту уже проявила Россия и ряд других стран.

Во-вторых, потенциальными возможностями территорий центральноазиатских стран как сухопутных транзитных коридоров для поставок товаров в Европу. В настоящее время почти 94% контейнерных грузов из Китая в Европу доставляются морским транспортом, и лишь около 6% приходится на сухопутные перевозки [5]. Малаккский пролив, через который ведется основная часть китайской торговли, находится под постоянной угрозой блокирования морским

флотом США, ввиду сохраняющейся напряженности между США и их союзниками, с одной стороны, и Китаем – с другой. В этой связи не лишним будет напомнить, что китайский проект с самого начала натолкнулся на серьёзное сопротивление со стороны США. А такие ключевые соседи Китая, как Индия и Япония, продолжают предъявлять претензии к финансовой прозрачности «Пояса и пути», обвинять Китай в нарушении экологической безопасности. Поэтому, в целях диверсификации поставок, КНР намерена развивать сухопутные маршруты, и особую роль в этом процессе отводится центральноазиатскому региону.

В-третьих, благодаря, создаваемой в рамках Инициативы «Один пояс и один путь», инфраструктуре, для Китая облегчается разработка и транспортировка центральноазиатских энергоресурсов.

В-четвертых, поскольку политическая стратегия Китая формируется в первую очередь на основании осознания вызовов собственной национальной безопасности, безопасное развитие пяти республик постсоветской ЦА напрямую связывается Пекином с проблемой поддержания стабильности в неспокойном СУАР, где среди коренного населения – уйгуров, исповедующих по преимуществу ислам и являющихся родственным казахам, киргизам, туркам и другим тюркским народам, сильны сепаратистские настроения. Поводом для возможного более активного подключения КНР в процесс обеспечения безопасности в ЦА могут также стать угрозы от террористических и экстремистских сил (базирующихся, в том числе в Афганистане).

Китай, который, разумеется, преследует в ЦА и Афганистане собственные стратегические и экономические цели, придает большое значение охране китайских объектов инфраструктуры, компаний и месторождений, где присутствуют китайский капитал и китайские граждане. Но КНР помогает странам региона в поддержании безопасности.

Противодействие вызовам и угрозам региональной безопасности в Азии КНР осуществляется не только в рамках ШОС, но и в двустороннем формате с Афганистаном, Пакистаном, Таджикистаном. 4 августа 2016 года Китай договорился с этими государствами о создании четырехстороннего механизма для обмена разведывательной информацией и подготовки кадров. Примечательно, что при финансовой поддержке Китая в провинции Бадахшан на афганско-таджикской границе строится военная база Афганистана. По мнению афганских аналитиков, Китай стремится таким образом предотвратить проникновение из афганского Бадахшана на свою территорию уйгурских боевиков, примкнувших к террористической структуре «Исламское государство».

В Таджикистане, где Китай лидирует в области прямых иностранных инвестиций, в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) в сентябре 2019 года прошли совместные таджикско-китайские учения «Сотрудничество-2019». Ранее, в августе, в Синьцзяне были проведены китайско-кыргызские антитеррористические военные учения. А 16-21 сентября 2019 года в России с участием военных из Индии, Казахстана, Кыргызстана, Китая, Пакистана, Таджикистана и Узбекистана прошли военные учения «Центр-2019», целью которых стала отработка борьбы с террористическими группами в центральноазиатском регионе [6]. Таким образом, эпизодов наращивания масштабов военного сотрудничества Китая со своими соседями, в числе которых Россия и государства ЦА, становится все больше.

В рамках Инициативы «Один пояс и один путь» быстрыми темпами развивается и экономическое взаимодействие Китая с центральноазиатскими республиками. Китай предполагает реализовать масштабные инфраструктурные проекты по строительству дорог, железнодорожных магистралей, авиахабов, портов,

трубопроводов, а также объектов социально значимой инфраструктуры по всей Центральной Азии. Например, в Таджикистане более 60% прямых иностранных инвестиций – китайские, да и в целом Китай стал для Таджикистана важнейшим торговым партнером, крупнейшим кредитором и ключевым инвестором в энергетическом секторе и в горной промышленности (прежде всего в золотодобыче). Китайские компании играют значимую роль в строительной индустрии Таджикистана.

В Кыргызстане объем китайского импорта в 2016 году вырос практически на 50% по сравнению с 2015 годом.

В Узбекистане крупным китайским проектом стала электрифицированная железнодорожная линия «Ангрен-Пан» (протяженностью 124 км.), связавшая Узбекистан с системой железных дорог Кыргызстана и Китая, и ставшая важным звеном железнодорожного коридора «Китай – ЦА – Европа». В конце февраля 2018 года было открыто движение по автомобильному коридору Ташкент – Андижан – Ош – Иркеш-там – Кашгар, который впервые позволил автоперевозчикам из Центральной Азии напрямую выходить в Китай.

В 2018-2023 годах планируется строительство и запуск транспортного коридора «Евразия», который соединит Китай и Западную Европу. Магистраль пройдет из Пекина через Нур-Султан, Москву и Минск в Берлин. По некоторым прогнозам, к 2050 году по магистрали будут ежегодно перевозиться 20 млн. тонн грузов и 37 млн. пассажиров.

Особую роль Китай придает Казахстану, который параллельно с ростом китайских инвестиций наращивает объем торговли со своим азиатским соседом. Казахстан осуществляет сотрудничество с Китаем в рамках программы «Казахстан – 2050», которая сопряжена с Инициативой «Один пояс и один путь», в том числе и в плане реализации в Казахстане совместных индустриальных проектов, поскольку

КНР планирует вынести на территорию соседнего государства избыточные производственные мощности. В Нур-Султане, кроме того, надеются, что подписанное в августе 2015 года с Пекином «Межправительственное рамочное соглашение о сотрудничестве в области производственных мощностей и инвестиций» даст импульс процессу реиндустриализации Казахстана. Расчет основывается на том, чтобы активнее привлекать в экономику Казахстана кредитные средства из КНР. Сопряжение двух проектов нацелено также на поддержание отдельных секторов казахстанской экономики в случае ухудшения конъюнктуры на внешних рынках.

Для стран ЦА Инициатива «Один пояс и один путь» в целом достаточно привлекательна

На фоне снижающегося интереса ЕС и США к Центральноазиатскому региону, волатильности цен на сырье (что сказывается на темпах роста экономики центральноазиатских стран, как энергоэкспортеров, так и импортеров), экономического спада в России, продолжающегося из-за санкций Запада, центральноазиатские государства, остро нуждающиеся в иностранной помощи развитию, вынуждены по-прежнему привлекать китайские инвестиции.

Интерес в ЦА усматривают в наполнении Инициативы «Один пояс и один путь» инновационным содержанием, в активизации сотрудничества Китая и стран ЦА в области цифровой экономики с целью формирования «Цифрового Шелкового пути». Данная Инициатива была озвучена Председателем КНР Си Цзиньпином в 2017 году на Международном экономическом форуме «Один пояс и один путь». Она непосредственно связана с развитием национальных систем цифровой экономики и цифровой дипломатии, созданием суперкомпьютерных центров,

глобальных цифровых магазинов, «умных городов», расширением электронной коммерции и медицины, а также с использованием технологии искусственного интеллекта в решении различных внутриполитических и внешнеполитических задач государств [7].

Помимо экономических преференций, Китай привлекает страны региона и своей политической стратегией: в отличие от стран Запада, с которыми центральноазиатские государства, впрочем, также стремятся развивать сотрудничество, Китай не вмешивается во внутренние дела других государств, не поднимает тему нарушений прав человека, становясь, таким образом, для стран ЦА удобным внешнеполитическим партнером.

Следовательно, в ЦА экономический и политический интерес играет существенную роль в позитивной оценке китайского фактора и его Инициативы «Один пояс и один путь» значительной частью политической элиты и представителей деловых кругов, полагающих, что без привлечения иностранных инвестиций, использования зарубежных практик и технологий государства региона не могут рассчитывать на качественное развитие либо улучшение социально-экономической ситуации.

В то же время у общественности стран ЦА существуют и вполне обоснованные опасения [8], связанные с тем, что чрезмерная экономическая зависимость от Китая может перерасти в столь же избыточную зависимость в области геополитики, безопасности и военной сфере.

В некотором смысле альтернативой Инициативе «Один пояс и один путь», его равноправным партнером в Центральной Азии мог бы стать ЕАЭС, учитывая, что развитие этого евразийского интеграционного объединения сможет происходить не только на экономической, но и на политической и цивилизационной основах. Пока, однако, какие-либо существенные признаки полноценного сопряжения

«Пояса и пути» с ЕАЭС не просматриваются, что означает – эти проекты неизбежно будут конкурировать друг с другом. Россия к тому же стремится обсуждать не своё подключение к Инициативе «Один пояс и один путь», а сопряжение данной Инициативы с процессами евразийской интеграции в рамках ЕАЭС. То есть речь идёт не о российском подключении к китайскому проекту, а о возможности сопряжения равнозначных инициатив, что трудно достижимо.

Есть также немалые сомнения в том, сможет ли китайская Инициатива вообще стать заменой ЕАЭС. В нынешнем своем виде «Пояс и путь» – не вполне еще осозаемый проект, не нацеленный к тому же, как ЕАЭС, на содействие разностороннему экономическому развитию других стран.

Информационные источники:

1. Gross domestic product 2018 / World Development Indicators database, World Bank, 1 July 2019. Available at: <https://data-bank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf> (accessed 28.08.2019).
2. World's Largest Exporters. International Trade and Market Access Data (2018) // World Trade Organization Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_bis_e.htm (accessed 28.08.2019).
3. Serafettin Yilmaz and Liu Changming. The Rise of New Eurasianism: China's «Belt and Road» Initiative and Its Implications for Euro-Atlanticism. China Quarterly of International Strategic Studies, Vol. 2, No. 3, P. 405. DOI: 10.1142/S2377740016500214. Available at: <https://www.worldscientific.com/doi/pdf/10.1142/S2377740016500214> (accessed 12.10.2019).

4. Китай не только «мировая фабрика», но и «мировой рынок» // Российская газета, 15.09.2019.
5. Мордвинова А.Э. Китайский Шелковый путь пройдет по железным дорогам Центральной Азии. Available at: <https://riss.ru/analitycs/27356> (accessed 02.10.2019).
6. Стефанович Д. «Центр-2019»: что стоит за маневрами России и Китая в Центральной Азии. // Евразия эксперт, 17.10.2019. Available at: <https://eurasia.expert/chto-stoit-za-manevrami-rossii-i-kitaya-v-tsentralkoy-azii/> (accessed 20.09.2019).
7. Центральная Азия в системе международных транспортных коридоров: взгляд из Узбекистана. // Национальное информационное агентство Узбекистана, 11.08.2018. Available at: <http://uza.uz/ru/society/tsentralnaya-aziya-v-sisteme-mezhdunarodnykh-transportnykh-k-11-08-2018> (accessed 02.10.2019).
8. Кузнецов А.В., Малышева Д.Б. Китайский фактор в Казахстане // Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 1 (75) 2019 «Россия-Казахстан: вехи истории». – М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2019. С. 437- 451 DOI: 10.18254/S0002562-7-1. Available at: <http://history.jes.su/s207987840002562-7-1> (accessed 05.03.2019).

Олимова С.К.

Влияние Инициативы КНР «Один пояс и один путь» на Республику Таджикистан

Одной из стран Центральной Азии, максимально вовлеченных в орбиту китайской Инициативы «Один пояс и один путь» является Таджикистан. За последние годы экономические, политические и военные взаимоотношения между Республикой Таджикистан (РТ) и Китаем развиваются настолько бурно, что эксперты заговорили о зависимости Таджикистана от Китая. Опыт Таджикистана ставит множество вопросов о целях, интересах, реальных выгодах и форматах взаимодействия стран-транзитеров, которые участвуют в проекте нового Шелкового пути.

История взаимоотношений Таджикистана с Китаем

Таджикистан и Китай имеют общую границу протяженностью 494,95 километра. Тем не менее, взаимоотношения территорий, которые сейчас входят в пределы Таджикистана и Китая, в последнее тысячелетие были не слишком оживленными. Во многом это объясняется географическими условиями. Почти вся таджикско-китайская граница проходит высоко в горах вдоль горных хребтов Памира. Она разделяет с таджикской стороны Горно-Бадахшанскую автономную область РТ, а с китайской – юго-западную часть Синцзян-Уйгурского автономного района КНР. В 2011 году открылся единственный пункт пропуска «Кульма-Карасу», расположенный на высоте 4365 метров выше уровня моря, соединивший Мургабский район Горно-Бадахшанской автономной области РТ и Кашгарский округ Синцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Исторические связи территорий, населенных таджиками, и Китая начались очень давно. Первым китайцем, оставившим описание Памира, был Ижан Кян, посетивший в 140-135 годах до н.э. Давань (Ферганскую долину), Тохаристан (Дахи), Кангю (Хорезм) и Анси (Парфию) [1]. Таджикско-Китайские контакты стали систематическими и оживленными, когда по территории современного Таджикистана пролегли маршруты Шелкового пути. Однако наиболее тесными эти связи были в эпоху правления в Китае династии Тан (618-907 гг.). Уровень контактов значительно снизился после битвы при реке Талас (751 г.), когда войска Арабского халифата разгромили армию Танского Китая. С этого времени политические и культурные связи с Китаем были сведены к минимуму на тысячу лет [2], однако торговля продолжала существовать. Связи таджиков с Китаем оживились в рамках империи Чингизхана и его потомков и империи Мин (1368-1644 гг.). После Великих морских открытий, которые привели к забвению Шелкового пути, территории, входящие в современный Таджикистан, потеряли почти все связи с Китаем. Исключением стали области современного Северного Таджикистана (совр. Согдийская область РТ), которые входили в состав Кокандского ханства (1709-1876 гг.). Правители Коканда были связаны с кашгарской элитой теснейшими родственными узами [3]. Бухарский эмирят также вел с Кашгаром оживленную торговлю [4]. Поэтому Ходжент, Исфара, Ура-Тюбе и другие территории, составляющие современный Северный Таджикистан и периодически входившие в состав Кокандского ханства и Бухарского эмирата, имели определенный уровень контактов с Китаем через Восточный Туркестан. Однако захват Кашгара китайцами в 1760 году и последующая длительная борьба кашгарцев с Китаем в Восточном Туркестане долгие годы препятствовали контактам таджиков и населения Китая.

Что касается, Восточной Бухары и Памира – современных Центрального и Южного Таджикистана, а также Бадахшана, их население в XVII-XIX вв. вообще не имело связей с Китаем, от которого они были отделены труднодоступными горами и территориями, населенными тюрками. Именно поэтому таджики сформировали представление о Китае, как о далекой стране, которая лежит за «страной тюрок».

Сотрудничество Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой: современное состояние

Как правило, экспертов удивляет не столько уровень таджикско-китайского сотрудничества, сколько его динамика – от почти нулевого уровня взаимоотношений в 1992-1997 гг. (годы гражданского конфликта в РТ) к медленному росту в период формирования Шанхайской пятерки и затем ШОС (1997-2002 гг.), и наконец – стремительный взлет уровня контактов после сентябрьских терактов в США в 2001 году и появления войск НАТО в непосредственной близости от границ КНР. Однако ключевыми моментами реального проникновения КНР в РТ стали открытие в 2004 году автомобильного сообщения между КНР и РТ через перевал Кульма и заключение в 2007 году Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. С 2007 года развитие взаимоотношений между РТ и КНР стало носить взрывной характер, причем на всех уровнях: политическом, экономическом, военном, культурном, миграционном. Китай стал важнейшим экономическим и стратегическим партнером Таджикистана, что привело к подписанию Декларации о стратегическом партнерстве РТ и КНР в мае 2013 года.

За последние годы создана и продолжает формироваться фундаментальная договорно-правовая база, сближающая законодательства двух стран, которая более чем 150 совместными документами охватывает практически все сферы

сотрудничества. Помимо «подгонки» законодательства идет сближение в практиках, «правилах игры», для чего таджикские специалисты проходят переподготовку в китайских учреждениях.

Следует признать, что активизация КНР по отношению к РТ началась до китайской Инициативы нового Шелкового пути. В период между 2006 и 2013 годами при участии китайских компаний построены и сданы в эксплуатацию 1700 км. дорог общереспубликанского и местного значения, 31 км. автомобильных тоннелей, 200 мостов, десятки километров противолавинных галерей. К основным и наиболее крупным транспортным проектам КНР в Таджикистане в этот период можно отнести строительство в 2009 году тоннеля «Озоди» («Шар-шар») (\$40 млн.), реабилитацию автодороги Душанбе – Чанак, протяженностью 335 км., на которую Китай выделил кредит в размере \$281 млн., строительство дороги Дангара – Кангурт общей стоимостью \$256 млн., модернизацию автомагистрали Душанбе – Турсунзаде – Узбекистан, подрядчиком которой выступила китайская компания China Road and Bridge Corporatio и ряд других.

РТ и Шелковый путь

Таджикистан стал первой в мире страной, которая подписала с КНР Меморандум о взаимопонимании по совместному развитию «Экономического пояса Шелкового пути». В сентябре 2015 года в Пекине лидеры РТ и КНР подробно обсудили «дорожную карту» сотрудничества, было подписано Соглашение о совместных шагах по практической реализации Инициативы Председателя КНР, нацеленной на формирование и укрепление взаимосвязанности инфраструктуры и совместного развития РТ и КНР в рамках «Пояса и пути». В последние годы в Таджикистане прилагались большие усилия, чтобы состыковать проекты

«Пояса и пути» со Стратегией национального развития Таджикистана до 2030 года.

В настоящее время КНР является основным инвестором инфраструктурных проектов в Таджикистане. Китайские финансовые учреждения дают кредиты на заключение контрактов с государственными компаниями для реализации инфраструктурных проектов на льготных условиях, на срок до двадцати и более лет. На эти средства была построена автомагистраль Душанбе – Куляб – Карай – Хумб – Хорог – Мургаб – Кульма – Кашгар, которая связала основные таджикские города с коммуникационной системой северо-западного Китая. Дорога Душанбе – Джиргаталь – Сары-Таш соединила Таджикистан с Кыргызстаном. Линия электропередачи ЛЭП-500 объединила юг и север страны. Строительство Душанбинской ТЭЦ решило вопрос с энергообеспечением столицы и ее окрестностей.

Таджикистан также получил китайский кредит в 2,3 млн. долл. на строительство зданий парламента и правительства РТ. Проект разработан китайскими специалистами и строится силами КНР.

Также есть и прямые инвестиции (ПИИ), хотя и в заметно меньшем количестве, чем кредиты. Значительный приток китайских ПИИ наблюдался после урегулирования территориальных споров с Китаем в 2011 году [5]. Китай занимает первое место по объему прямых инвестиций в экономику Таджикистана – около \$1.2 млрд. В целом 47,3% от общего объема иностранных инвестиций в РТ приходится на КНР.

Сейчас в Таджикистане работает более трехсот китайских компаний. В их числе различные предпринимательские структуры, в том числе госпредприятия, акционерные общества, частные предприятия Китая. Наряду с кредитами и ПИИ КНР также оказывает РТ безвозмездную финансовую помощь.

Главной сферой деятельности китайских компаний является транспорт, энергетическая инфраструктура, горная промышленность, строительство газопровода, выращивание и переработка сельхозпродукции, производство стройматериалов и т. д. Крупнейшей, безусловно, является CNPC (Национальная нефтегазовая корпорация), которая реализует в Таджикистане сразу несколько проектов. В республике также действуют такие крупные китайские компании, как China Nonferrous Metal International Mining Co., Zijin Mining Group Co., TBEA и другие.

Больше всего Китай инвестирует в горнодобывающую промышленность: добычу золота, серебра и полиметаллов. Добычей и производством золота в РТ на данный момент занимается СП Зарафшон, где китайским инвесторам принадлежит 75% акций, и ООО Пакрут, с 2014 года принадлежащий китайской корпорации China Nonferrous Metal International Mining Co., Ltd. Кроме того китайская компания ТВЕА в счет оплаты за возведение ТЭЦ в Душанбе получила лицензии на разработку двух золотоносных месторождений Восточный Дуоба и Верхний Кумарг в Айнинском районе Согдийской области.

В целом в настоящее время более 80% золота в Таджикистане добывают совместные с КНР компании. В начале октября с. г. парламент РТ одобрил передачу китайской компании «Каши Синьюй Дади Майнинг Инвестмент Лимитед» крупного серебряного месторождения «Якджилва» в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), освободив их при этом от налогов на семь лет. Предполагается, что руда с этого месторождения будет вывозиться в КНР напрямую без обработки.

Китайская компания China Machinery Engineering Corporation (CMEC) начала модернизацию действующего

предприятия Таджикской алюминиевой компании (ТАЛКО). В модернизацию планируется вложить 545 миллионов долларов.

Примером китайских инвестиций в экономику Таджикистана может служить промзона в г. Истиклол, где построено предприятие по переработке серебряной руды, строятся металлургические заводы по производству свинца и цинка, цеха по производству серной кислоты и комплектующих для горнорудной промышленности. В Зарнисоре строится предприятие по обработке медной руды [6]. В последние годы китайские инвесторы кроме горнорудной промышленности стали инвестировать и в производство строительных материалов [7], особенно выпуск цемента. Построенные с участием китайских компаний цементные заводы не только полностью удовлетворяют внутренние потребности Таджикистана, переживающего строительный бум, но и экспортят цемент в соседние страны.

Также с участием китайских инвестиций в Таджикистане реализуется ряд проектов в топливном и строительном комплексах, в том числе, строительство таджикского участка газопровода «Туркменистан – Китай» и первой очереди НПЗ в свободной экономической зоне «Дангара». Относительно небольшие объемы китайских инвестиций поступают в аграрный сектор и другие сферы экономики РТ, например, развитие хлопководства и текстильной промышленности. В 2018 году китайские фермеры арендовали под сельхозпроизводство свыше 18 тыс. га земли в РТ. Таджикское правительство передает китайским фермерам поливную землю в аренду на 49 лет [8].

Растет объем таджикско-китайской торговли. Китай стал главным торгово-экономическим партнером Таджикистана, потеснив Россию. Структура товарооборота несбалансированная, около 90% составляет импорт китайских товаров [9].

Хотя дешевые китайские кредиты стимулируют экономический рост в Таджикистане, многие экономисты обеспокоены растущим уровнем задолженности РТ, составляющим около 1,3 млрд. долларов или более 40% внешнего долга РТ, а также тем, что экономический рост не снижает уровень бедности в стране.

Цели сотрудничества РТ и КНР

В 2014 г. председатель Си Цзиньпин сказал, что три стратегические цели правительства Таджикистана – обеспечение энергетической независимости, продовольственная безопасность и строительство дорог – являются стратегическими целями партнерства Таджикистана и Китая.

Однако вскоре стало ясно, что автомобильные артерии РТ из-за малой рентабельности и нестабильной ситуации в Афганистане не представляют для КНР большого интереса. Главными маршрутами транзитных перевозок в проектах нового Шелкового пути являются железнодорожные и морские пути. Но основные железнодорожные маршруты (северный, центральный и южный) сухопутной части проекта обходят территорию Таджикистана. Заявленное строительство региональной железной дороги Китай – Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран соответствует целям и Китая, и Таджикистана, но испытывает трудности с финансированием. Отдельные части таджикистанского участка дороги уже построены, например, отрезок пути Вахдат-Яван, тоннель «Хатлон» протяженностью 2,2 км. Однако необходимо построить еще 16 км. тоннелей и 47 мостов, для чего потребуется более \$ 3,2 млрд. В настоящее время вопрос финансирования всего проекта не решен и вряд ли решится в ближайшем будущем.

Тем не менее, запускаются отдельные транспортно-коммуникационные проекты. Так, Узбекистан, Китай и Таджикистан планируют запустить новый транспортный коридор по маршруту «Термез – Душанбе – Кашгар». А дочерняя структура CNPC (Национальная нефтегазовая корпорация Китая) совместно с «Таджиктрансгазом» создала СП по строительству и эксплуатации газопровода Trans-Tajik Gas Pipeline Company Ltd. Предприятие занимается строительством четвертой ветки (ветка D) газопровода Центральная Азия – Китай, которая пройдет через Таджикистан.

И все же складывается впечатление, что Таджикистан занимает особое место в центральноазиатской политике КНР, поскольку основное внимание в повестке сотрудничества направлено на вопросы безопасности. Об этом говорится в официальных документах и прессе КНР. Так, Агентство Синьхуа в редакционной статье в июне с. г. подчеркивает, что Таджикистан обеспечивает не только свою безопасность, но и безопасность региона и даже Европы. Таджикистан является щитом на пути распространения наркотиков, оружия, терроризма, экстремизма и незаконной миграции [10]. О том, что важнейшей целью китайской политики в Таджикистане является сотрудничество в борьбе с «тремя силами зла» и транснациональной преступностью, говорит значительно больший, чем в других центральноазиатских странах уровень сотрудничества силовых ведомств РТ и КНР.

КНР предоставляет небольшую военную помощь Таджикистану, хотя в последние годы уровень сотрудничества военных ведомств РТ и КНР заметно вырос. Значительно чаще говорят о контактах спецслужб и служб внутренней безопасности. Налажен тесный контакт силовых ведомств РТ и КНР по вопросам борьбы с «тремя силами зла», незаконным оборотом наркотиков и трансграничной организованной преступностью. Усиливается сотрудничество пограничных

ведомств, МВД, эффективно работают механизмы совместного противодействия террористической угрозе.

Афганский фактор также способствует усилению силового взаимодействия двух стран. С сентября 2016 года китайская сторона помогает РТ укреплять безопасность таджикско-афганской границы (1344 км), в том числе построила четыре погранзаставы [11] и осуществляет совместное патрулирование границы. В Горном Бадахшане находятся военные силы КНР. Китайская сторона осуществляет поставки оружия и обучение военных специалистов из РТ. По мнению экспертов, военное сотрудничество РТ и КНР будет укрепляться и в будущем, так как КНР заинтересовано в усилении боеспособности таджикской армии с целью обеспечения безопасности КНР в Синцзян-Уйгурском автономном районе.

Политическая и финансовая элита РТ всемерно способствует китайскому проникновению в РТ, поскольку китайские кредиты привлекательны не только дешевизной, но и отсутствием видимых политических или экономических требований, а также тем, что они обеспечивают политическое долголетие власти в РТ. Таджикистан поддерживает реализацию Сопряжения интеграционных проектов ЕАЭС и «Пояс и путь», так как хотел бы стать ключевой площадкой взаимодействия между ЕАЭС и Китаем. Руководство Таджикистана балансирует между двумя гигантами, в том числе и потому, что политические последствия усиления влияния Китая в Таджикистане вполне осознаются в Душанбе.

В свою очередь Китай рассматривает Таджикистан как один из ключевых элементов обеспечения собственной безопасности, особенно западных районов Китая, где проживает большое количество мусульман. «Афганский» фактор также является одним из сильных стимулов к развитию китайской экспансии в РТ. Кроме того, через Таджикистан Китай пытается решить основной вопрос

центральноазиатского направления – создание зоны свободной торговли со странами региона.

Таджикистан может стать полезным союзником и в отношениях КНР с Ираном, который по различным причинам является ключевой страной в контексте реализации китайской Инициативы «Один пояс и один путь». Во многом поэтому, в последнее время отношения РТ и Ирана заметно потеплели.

Определенную роль играет также обеспокоенность Китая по поводу активизации Запада в отношении ЦА на фоне неопределенности ситуации в Афганистане.

Что касается экономики, то основные интересы Пекина заключаются в обеспечении доступа к минерально-сырьевым ресурсам РТ для китайских компаний. И все же Таджикистан представляет для Китая интерес не столько в качестве объекта для инвестиций в реальный сектор, сколько в виде транзитной зоны при сообщении с Туркменистаном, Ираном и Афганистаном.

Основными политическими интересами КНР являются: формирование устойчивого прокитайского курса у таджикской правящей элиты, недопущение втягивания РТ в возможные антикитайские альянсы, предотвращение возможного прихода к власти в стране исламских радикалов. Тем не менее, перспективы реализации Инициативы «Один пояс и один путь» для Таджикистана недостаточно ясны. Препятствием для реализации проектов «Пояса и пути» могут стать противоречия между Россией и КНР, что негативно отразится на их центральноазиатских соседях. Реализацию китайской Инициативы в ЦА могут затруднить и политические риски, в том числе связанные с угрозой международного терроризма, а также противоречие между стремлением Китая наращивать сотрудничество со странами ЦА и сохранением территориальных претензий к ним. Кроме того, страны-соседи могут быть обеспокоены тенденцией роста военного присутствия Китая в странах ЦА.

Общественное мнение Таджикистана о развитии отношений с Китаем

Хотя реализация китайских проектов способствует развитию инфраструктуры Таджикистана, степень их влияния на местную экономику невысока. Исследования показали, что почти нет разницы в уровне развития между районами, прилегающими к транспортным магистралям, и удаленными от них. По-прежнему, население Таджикистана получает основные доходы от трудовой миграции в России, а не от развития производства и сферы услуг в рамках Инициативы «Один пояс и один путь». В то же время у населения существует недовольство коррупцией, связанной с китайскими проектами, а также неравноправным положением китайских фермеров и таджикских дехкан на сельскохозяйственном рынке. В целом общество признает, что основные выгоды от сотрудничества с КНР получают представители элиты.

И все же население РТ поддерживает курс Таджикистана на сотрудничество с Китаем. По результатам опроса, проведенного автором в конце 2016 г., Китай относится к группе стран, пользующихся наибольшей симпатией населения РТ (см. табл. 1).

Табл. 1. Распределение ответов по отношению респондентов к различным странам (%) 2016, N=2040 человек

Отношение	Китай	Россия	США	Иран
Очень доброжелательное	44,5	76,0	12,2	27,9
Скорее доброжелательное	39,2	21,6	32,1	55,9
Скорее не доброжелательное	11,1	0,9	32,1	7,6
Очень не доброжелательное	1,1	0,7	12,2	1,4
Не знаю	4,1	0,8	11,4	7,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: опрос общественного мнения в Таджикистане, охвативший 2040 человек 18+ по национально репрезентативной выборке.

Однако в оценке степени влияния на современный Таджикистан Китай значительно уступает России. Только 12,5% респондентов считают, что Китай оказывает самое большое влияние на РТ в настоящее время (см. табл. 2).

Табл. 2. Сравнительная оценка влияния Ирана, России, Китая и США на Таджикистан 2016, N=2040 человек

Если говорить конкретно о четырех странах – Китай, Иран, Россия и США, – какая из них оказывает сегодня наибольшее влияние, будь оно положительным или отрицательным, на Вашу страну?	%
Россия	75,4
Китай	12,5
Иран	5,3
Соединенные Штаты Америки	2,4
Все в равной степени	1,6
Не знаю/Нет ответа	2,8
Всего	100,0

Более всего гражданам Таджикистана нравится экономическая система Китая (32% респондентов). Около 9% ответивших привлекает политическая система КНР. Культурой Китая восхищаются 11% респондентов.

Граждане Таджикистана высоко оценивают способность Китая играть стабилизирующую роль в международных отношениях и справляться с международными проблемами (87%). Однако только 6% респондентов считают, что Китай – самый близкий союзник Таджикистана, тогда как 59% считают, что это Россия и 11% – Иран. В то же время общественное мнение РТ считает, что Китай не представляет угрозу безопасности и стабильности для ЦА. Но если в 2008 г. Китая опасались только 3%, то в 2018 г. – 12% респондентов.

Очень серьезной проблемой является вопрос об отношении КНР к исламу. Ужесточение религиозной политики и законодательства в РТ происходит параллельно с разворотом в сторону КНР. Сейчас трудно судить о долгосрочных последствиях масштабного усиления влияния Китая в Таджикистане, но одним из них может стать появление исламских и националистических радикальных движений, повышение уязвимости таджикского общества к международным радикальным религиозным движениям.

Как бы то ни было, вовлечение Таджикистана в орбиту китайской Инициативы «Один пояс и один путь» с одной стороны предоставляет широкие возможности для развития, а с другой – чревато многочисленными осложнениями наряду с увеличением социальных рисков.

Информационные источники:

1. Дубовицкий В. Таджикистан – Китай: От настороженного отношения к стратегическому партнерству. Фергана.Ru, 25.01.2007 г.
2. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. –М.: Наука, 1988, с. 305.

3. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. // История Средней Азии. – М.: Евролинц-Русская панорама, 2003, с. 298.
4. Исмаилова Б. Бухарский эмират при эмире Хайдаре. – Худжанд: ТГУ права, бизнеса и политики, 2000, с. 70-73.
5. Евразийский банк развития «ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций – 2017».
6. Город Истиклол с помощью китайских инвесторов превращается в промышленную зону. Asia-Plus, 2017, 16 ноября <https://news.tj/news/tajikistan/power/20171116/gorod-istiklol-s-pomotshyu-kitaiskih-investorov-prevratshaetsya-v-promishlennuyu-zonu>
7. Чоршанбиев Пайрав. Прямые китайские инвестиции в Таджикистан за пять лет выросли на 55 процентов. Asia-Plus, 13.12.2017. <https://news.tj/ru/news/tajikistan/economic/20171213/pryamie-kitaiskie-investitsii-v-tadzhikistan-za-pyat-let-virosli-na-55-protsentov>
8. Китайские фермеры расширяют свои владения в Таджикистане, – «Радио Озоди». 22.03.2018 г.
9. Внешняя торговля Таджикистана в 2014 году // Время Востока // <http://www.easttime.ru/news/tadzhikistan/vneshnyaya-torgovlya-tadzhikistana-v-2014-godu/9053> http://russian.news.cn/2019-06/13/c_138140330.htm
10. Синьхуа-Новости // Обзор: Китай и Таджикистан развивают добрососедство, дружбу, партнерство и братство на высоком уровне // http://russian.news.cn/2019-06/13/c_138140330.htm
11. Юлдашев Аваз. Китай поможет усилить таджикско-афганскую границу. Asia-Plus, 10.07.2017 // <https://news.tj/ru/news/tajikistan/security/20171007/kitai-pomozhet-usilit-tadzhiksko-afganskuyu-granitsu-chego-on-boitsya>

Отношения между Китаем и Центральной Азией в областях экономики и безопасности, а также в отдельных сегментах социальной сферы

Долгое время Центральная Азия (ЦА), являвшаяся частью Российской империи, а затем – СССР, рассматривалась Китаем лишь в контексте всего комплекса китайско-российских и китайско-советских отношений. Как представляется, распад Советского Союза привел к формированию между Китайской Народной Республикой (КНР) и регионом исторически принципиально нового формата отношений, в том числе в областях экономики и безопасности, в социальной сфере.

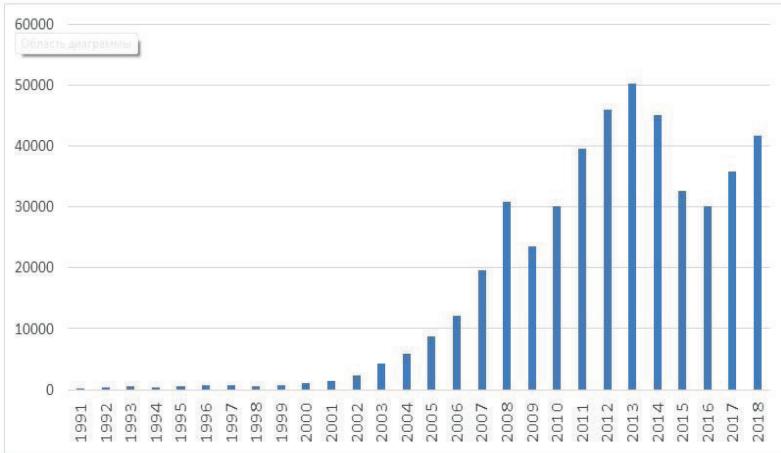
Экономическая сфера

Наиболее динамично развивающимися сегментами экономических отношений являются следующие:

- торговый сегмент;
- финансовый сегмент;
- сегмент производственного взаимодействия.

Торговый сегмент. Торговые связи, пожалуй, наиболее точно отражают динамику экономического сотрудничества (диаграмма № 1).

Диаграмма № 1 Торговля между КНР и ЦА, млн. долларов США

Источники: Парамонов В., Строков А. (2019) на основе данных ADB (1992-2001) и ITC (2002-2018).

Причем, начиная с первых лет XX века торговые отношения между ЦА и КНР стали отчетливо складываться по формуле «сырье в обмен на готовую продукцию» [2].

Финансовый сегмент. Общие объемы финансовых ресурсов, привлеченных КНР в ЦА, согласно различным официальным данным, преимущественно китайским, оцениваются на уровне 125-138 млрд. долларов: примерно 61-64 млрд. инвестиций, 64-74 млрд. кредитов [3].

Сегмент производственного взаимодействия. Особенно в последние годы в регионе наблюдается динамичный рост количества предприятий с участием китайского капитала, число которых уже достигает примерно 5 тысяч.

Сфера безопасности

Наиболее активно отношения развиваются в следующих основных сегментах:

- военно-техническом сегменте;
- сегменте проведения совместных учений (преимущественно антитеррористических и в плане налаживания взаимодействия пограничных войск; учения имели место со всеми странами региона, кроме Туркменистана);
- сегменте обеспечения безопасности внешних границ (сотрудничество развивается исключительно с Таджикистаном и преимущественно с точки зрения оказания ему финансово-технической помощи по усилению охраны границы с Афганистаном);
- сегменте координации усилий по борьбе с уйгурским сепаратизмом;
- сегменте взаимодействия специальных служб и правоохранительных органов;
- сегменте урегулирования пограничных вопросов и реализации мер военного доверия (с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном – на стадии мониторинга ранее достигнутых и уже выполненных соглашений).

Однако, несмотря на, казалось бы, внушительный перечень сегментов взаимодействия, тесные, широкие и масштабные формы сотрудничества в их рамках в реальности все еще крайне редки. Более того, представляется, что «продвинутые» формы отношений в сфере безопасности, а также их «локомотивы» могут быть связаны лишь со следующими направлениями исключительно военного взаимодействия:

- военным сотрудничеством (сегментами проведения совместных военных учений, подготовки военных кадров, использования военных и иных объектов);
- военно-экономическим сотрудничеством (сегментами раз-

мешения заказов военного назначения на промышленных предприятиях государств ЦА и КНР, создания совместных предприятий для производства и ремонта продукции военного назначения);

- научно-техническим сотрудничеством (сегментом проведения совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ).

Все эти и многие другие принципиально важные элементы преимущественно военного взаимодействия между КНР и странами ЦА, по сути, не развиваются или же их развитие не ярко выражено. Это существенно отличает Китай от той же Российской Федерации (РФ).

Появившаяся же в американском издании «Вашингтон пост» информация о присутствии «китайских войск» в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана [4] как минимум, сильно искажена. На самом деле, сотрудничество между КНР и Таджикистаном в сфере безопасности развивается не столько в военных сегментах, сколько в основном в сегменте обеспечения безопасности внешних границ. В данном плане интересно подтверждение этого факта одним из ведущих российских аналитиков по ЦА Дмитрием Поповым в его статье об отношениях между Китаем и Таджикистаном: «Журналист американской газеты «Вашингтон пост» ошибочно принял одну из построенных КНР пограничных застав в Мургабском районе ГБАО за «форпост» китайских военных в Таджикистане» [5].

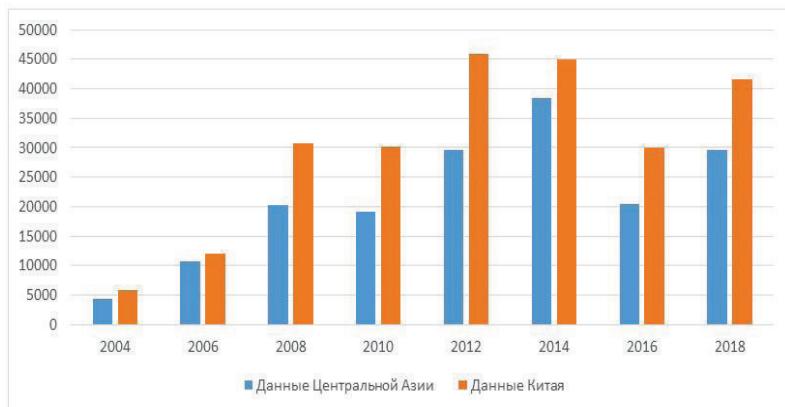
Социальная сфера

Наиболее масштабные формы социальных отношений наблюдаются в следующих сегментах:

- культурно-языковом сегменте;
- сегменте «челночного бизнеса»;
- образовательном сегменте;
- туристическом сегменте.

Диаграмма № 2

Торговля между Китаем и Центральной Азией: разница в статистических данных, млн. долларов

Источник: Парамонов В., Строков А. (2019). «Данные Центральной Азии» в 2004-2012 гг. – ЕIU со ссылкой на национальные статистические органы центральноазиатских государств; «данные Центральной Азии» в 2014-2018 гг. – различные источники со ссылкой на национальные статистические органы стран ЦА; «данные Китая» в 2004-2018 гг. – ITC со ссылкой на расчеты, основанные на китайской таможенной статистике.

Культурно-языковой сегмент. Взаимодействие в рамках данного сегмента обусловлено, прежде всего, деятельностью сети Институтов Конфуция (в ряде случаев называемых Центрами), количество которых достигло 13-ти, а число учащихся – более 15-ти тысяч человек.

Сегмент «челночного бизнеса». Развитие данного сегмента обусловлено поездками граждан государств ЦА в КНР в целях приобретения товаров для их дальнейшей перепродажи по возвращению домой. Согласно проведенным расчетам, финансовые объемы «челночного бизнеса» в последнее десятилетие могли быть в пределах не менее 9-15

млрд. долларов, что следует из разницы в статистических данных стран Центральной Азии и Китая (диаграмма № 2).

Еще в 2016 году эту ситуацию на примере связей между Китаем и Казахстаном очень ярко и точно описал выдающийся китаевед региона Константин Сыроежкин: «Казахстанско-китайские торговые отношения имеют очень высокую коррупционную составляющую (данные между китайской и казахстанской статистикой по объемам двусторонней торговли расходятся на 4-6 млрд. долларов ежегодно)» [6].

Образовательный сегмент. Основная динамика в развитии сегмента формируется за счет поездок представителей стран Центральной Азии в Китай в целях обучения. Образовательные программы КНР охватывают все большую социальную прослойку: в Китае уже обучается не менее 27–33 тысяч граждан государств региона, причем, только из числа студентов.

Туристический сегмент. Туристические поездки китайских граждан в регион стали развиваться лишь в последнее десятилетие. Масштабы и динамика туристических потоков различаются по странам ЦА. Например, в последние годы в Казахстане наблюдается устойчивая тенденция сокращения числа туристов из КНР. Так, по данным со ссылкой на национальную компанию Kazakh Tourism, в 2014 году Казахстан посетило 228 тысяч туристов из Китая, в 2015 году – 111 тысяч, в 2016 году – 117 тысяч, в 2017 году – 94 тысячи, а в 2018 году – всего 51 тысяча [7]. В свою очередь, в Узбекистане, наоборот, отмечается тенденция роста количества туристов из КНР. В частности, в 2017 году страну посетило почти 20 тысяч туристов из Китая [8], а по итогам 2018 года – уже более 32 тысяч [9].

Заключение

После прихода к власти в КНР руководителей «пятого поколения» во главе с Си Цзиньпином отношения между Китаем и государствами Центральной Азии стали ориентироваться на более долгосрочные, комплексные и масштабные цели. Эти цели тесно связаны с реализуемой КНР стратегией по достижению системного прорыва в социально-экономическом развитии, дальнейшему закреплению роли мирового экономического центра и, соответственно, обеспечению безопасности китайских национальных интересов. Принципиальное, причем растущее, значение в реализации данных концептуальных установок играет научно-обоснованная, всемерно аналитически и информационно сопровождаемая Инициатива «Один пояс и один путь», уже ставшая и катализатором, и индикатором глобальных приоритетов КНР.

На региональном уровне – уровне самой ЦА данные приоритеты продолжают выражаться, прежде всего, в решении двух первоочередных геоэкономических задач: развитии транспортных коммуникаций и резервировании гарантированного доступа к минерально-сырьевой базе. Однако следует признать, что КНР, по-прежнему, не афиширует каких-либо геополитических амбиций и, более того, признает в регионе особую роль России.

Как представляется, дальнейшее улучшение всего формата китайско-центральноазиатских отношений возможно лишь при условии наращивания совместных с РФ усилий по реабилитации былого статуса ЦА в качестве безопасного транзитного пространства между Азией и Европой, развития сотрудничества в реальных секторах экономики, в том числе с привлечением передовых западных технологий. Это должно предполагать: 1) одновременное форсирование разноскоростной региональной экономической интеграции в

рамках Евразийского экономического союза и Содружества независимых государств; 2) улучшение глобального и регионального форматов отношений между Россией, Китаем и Европейским союзом [10]; 3) кардинальное усиление кооперации в сфере безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества, в том числе Региональной антитеррористической структуры.

Информационные источники и комментарии:

1. Материал представлен в форме тезисов, которые подготовлены на основании продолжающегося исследования в рамках докторской диссертации на соискание ученой степени доктора наук (D.Sc.). Более подробные результаты данного исследования, осуществляющегося с 2004 года, будут отражаться в публикациях в рецензируемых международных научных изданиях, с которыми автор выражает заинтересованность к сотрудничеству. Email: ceasiapost@gmail.com
2. Paramonov V. (2006). China and Central Asia: Present and Future of Economic Relations. Swindon: Conflict Studies Research Center of the Defense Academy of the UK, May 2006, 17 p.
3. Здесь и далее количественные показатели отражают как результаты продолжающегося исследования, так и результаты серии предыдущих исследований, связанных с изучением основных этапов отношений между КНР и пятью странами ЦА во всех основных сферах: политики, экономики (в том числе энергетики), безопасности. Какие-то из этих исследований уже опубликованы и находятся в открытом доступе. В частности, речь идет о следующих книгах: Парамонов В., Строков А., Столповский О. (2008). Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. – Бишкек, 200 с., www.ceasia.ru/pdf/book/book_russia_china_ca.zip; Парамонов В., Строков А., Столповский О. (2010). Китайский экономический экспресс в центре Евразии: новая угроза или исторический шанс? (Китайское экономическое присутствие в Центральной Азии). –

Барнаул, 160 с., www. ceasia.ru/pdf/book/book_chinese_express_2010.zip; Парамонов В., Строков А., Столповский О. (2012). Россия и Китай в энергетике Центральной Евразии: соперники или партнеры? (Присутствие России и Китая в ТЭК стран Центральной Азии). – Барнаул, 344 с., www.ceasia.ru/pdf/book/rf_prc_ca_energy.zip При этом, следует признать, что информация, например, по объемам китайского финансирования крайне противоречива и не прозрачна, в основном озвучивается китайской же стороной, оставляет много вопросов как по характеру уже освоенных инвестиций, так и по характеру предоставленных, выплаченных (возвращенных) кредитов. Более подробно эти и другие вопросы будут отражаться в последующих выступлениях и публикациях.

4. Shih Gerry. (2019). In Central Asia's Forbidding Highlands, a Quiet Newcomer: Chinese Troops. Washington Post, February 19, 2019, https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-2b8541bbbe20_story.html?noredirect=on 11e9-a759-

5. Попов Д. (2019). Таджикско-китайские отношения на современном этапе: проблемы и перспективы. Журнал «Проблемы национальной стратегии» (Россия), № 4 (55), с. 97, <https://riss.ru/images/pdf/journal/2019/4/07.pdf>

6. Сыроежкин К. (2016). Казахстан и Китай: анализ последних договоренностей. Central Asia Monitor, 5 ноября 2016 года, <https://camonitor.kz/26117-konstantin-syroezhkin-kazakhstan-i-kitay-analiz-poslednih-dogovorennostey.html>

7. Агентство «Спутник». (2019). Почему Китаю пока не нужен безвизовый режим с Казахстаном, 17 мая 2019 года, https://ru.sputniknews.kz/press_center/20190517/10180986/srok-bevvizovogo-tranzita-turisty-china-kazakhstan.html

8. Янь Цзян. (2018). Углубление взаимовыгодного сотрудничества Китая и Узбекистана в совместном строительстве «Одного пояса, одного пути». Посольство КНР в Узбекистане, 25 сентября

- 2018 года, <http://uz.chineseembassy.org/rus/dszl/dshd/t1598542.htm>
9. Комитет Республики Узбекистан по развитию туризма (2019). Распределение по странам числа посетителей, въехавших в Республику Узбекистан за 2018 год, <https://uzbektourism.uz/tu/research>
10. Эти вопросы частично отражены и в ряде исследований, посвященных отношениям между Европейским союзом и странами Центральной Азии. По результатам данных исследований были опубликованы следующие книги: Парамонов В., Строков А., Абдуганиева З. (2017). Влияние Европейского союза в Центральной Азии: обзор, анализ и прогноз. Фонд им. Ф. Эберта (Германия), 117 с., <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/13414-20170614.pdf>; Knodt M., Urdze S., Nodia G., Paramonov V. (2018). EU's Policy of Democracy Promotion: Strategies and Impact in Central Asia and the South Caucasus. Germany, 319 p.; Paramonov V., Strokov A., Abduganieva Z., Alshin S. with foreword by Peirouse S. (2018). European Union Impact on Central Asia: Political, Economic, Security and Social Spheres. USA, 2018, 127 p.

Додонов В.Ю.

Изменение роли КНР в системе мировых инвестиционных потоков XXI века – от реципиента к основному источнику инвестиций

По мере развития экономики и финансового потенциала Китай поступательно наращивает масштабы своей инвестиционной деятельности в мире, все более прочно утверждаясь на позициях одного из ведущих глобальных инвесторов. По итогам первого полугодия 2019 года объем накопленных инвестиций всех видов за рубеж из КНР составил 7443 млрд. долл. США [1]. О масштабах этой величины можно судить по тому, что мировой объем накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) за рубеж к концу 2018 года составил, по данным UNCTAD, 30975 млрд. долл. [2]. Таким образом, в настоящее время Китай является одним из лидеров на мировом рынке инвестиций. При этом на протяжении длительного времени страна также была и лидером по привлечению иностранных инвесторов, что в значительной мере обусловило и происходящую в настоящее время смену статуса с реципиента на инвестора (рис.1).

Всплеск чистого притока ПИИ в КНР, начавшийся в середине 90-х годов XX века, с середины первого десятилетия XXI века сопровождается встречным процессом активного инвестирования за рубеж из Китая и быстрого увеличения его удельного веса в мировых иностранных инвестициях. В 2015 году исходящие из КНР инвестиции впервые превысили входящие (145,7 млрд. долл. против 135,6 млрд.) и на протяжении последующих трех лет разрыв между этими показателями рос, хотя в 2018 году объем исходящих инвестиций вновь опустился ниже объема привлеченных ПИИ.

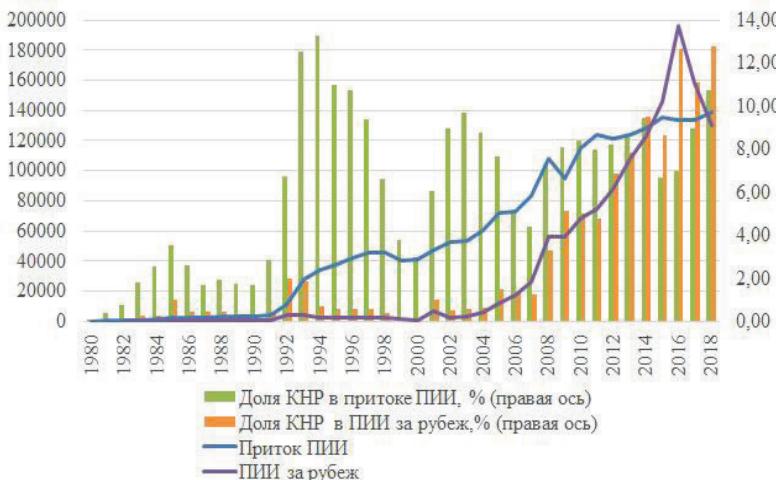

Рисунок 1. Динамика показателей, характеризующих годовые объемы притока прямых иностранных инвестиций в КНР и из КНР в 1980-2018 гг., млн. долл. США, если не указано иное. (Рассчитано по данным UNCTAD).

При рассмотрении динамики удельного веса КНР в мировых инвестиционных потоках, рост роли Китая еще более нагляден, особенно в части исходящих инвестиций, доля которых выросла с 0,08% в 2000 году до рекордных 12,8% в 2018 году, то есть в 160 раз (рис. 2).

Наращивание Китаем инвестиций за рубеж, резко ускорилось после 2007 года, что несколько расходится с распространенным мнением (см., например Yelery [3]) о том, что толчком к инвестиционной экспансии стало принятие политики «Выхода вовне» (走出去, англоязычные версии – Going Out или Going Global) в 1999 году.

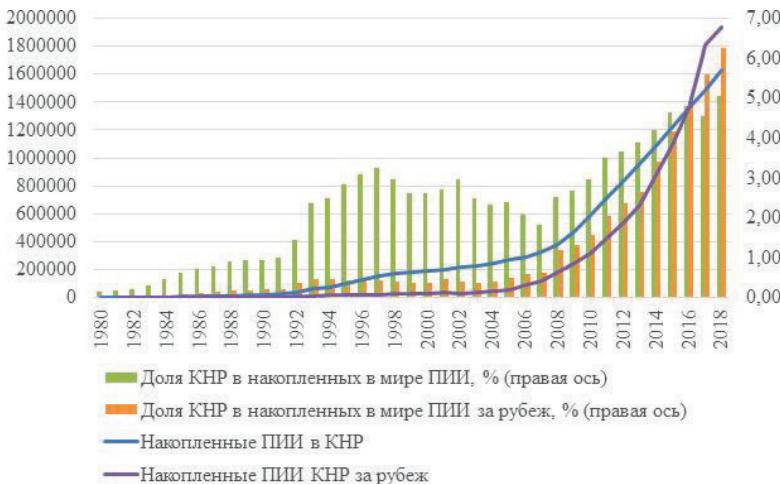

Рисунок 2. Динамика показателей, характеризующих объемы накопленных прямых иностранных инвестиций в КНР и из КНР за рубеж в 1980-2018 гг., млн. долл. США, если не указано иное. (Рассчитано по данным UNCTAD).

Резкий скачок в потоках инвестиций за рубеж, произошедший в 2008 году, также не соответствует другой распространенной версии о том, что катализатором данного процесса стал мировой финансовый кризис и «обеспокоенность сохранностью китайских вложений в долларовые активы из-за американских экономических проблем» [4], поскольку основные события кризиса произошли в 2008-2009 годах и могли сформировать соответствующую ответную политику только с определенным временным лагом.

Более уместной версией о причинах резкого взлета объема китайских инвестиций за рубеж представляется то, что экономика КНР достигла некоего естественного рубежа в своей финансовой состоятельности и даже избыточности, после

которого назревшая потребность в выходе на внешние рынки начала реализовываться. Как отмечают многие исследователи, в середине 2000-х годов Китай, с его огромными валютными резервами, торговым профицитом и массивными объемами привлеченных ПИИ, стал крупнейшей по размеру избытка капитала экономикой мира [5] и эта избыточность нашла выход в глобальной инвестиционной экспансии, поддержанной государством, которое само стало одним из основных ее действующих лиц. Китайский бизнес прошел тот же путь от становления до транснационализации, что и крупный корпоративный сектор других стран, и этот аспект выхода КНР на глобальный рынок инвестиций также признается широким кругом специалистов: «По мере того как китайские компании накапливают технологические и финансовые ресурсы, Китай превращается из мирового цеха промышленного производства в глобального инвестора» [6], «инвестиции КНР за рубеж росли четырнадцать лет подряд, что отразило рост значимости китайских компаний в глобальном инвестиционном процессе» [7].

Период этой экспансии, начало которого можно, по нашему мнению, датировать 2008 годом, сопровождался не только ростом объема исходящих из КНР за рубеж инвестиций и ростом их накопленного объема, но и соответствующим продвижением Китая в число наиболее активно инвестирующих стран. Если еще в 2005 году КНР занимала 27 место в мире по объему накопленных инвестиций за рубеж и 21 место – по объему их годовых вложений, то уже через десять лет эти позиции сменились на 10-ю и 4-ю соответственно. С 2012 года КНР на протяжении большей части периода входила в тройку мировых лидеров по годовому объему инвестиций за рубеж, что неуклонно повышало и ее позиции в объеме накопленных зарубежных инвестиций. В 2018 году Китай впервые вошел в тройку мировых лидеров и по этому показателю (рис. 3).

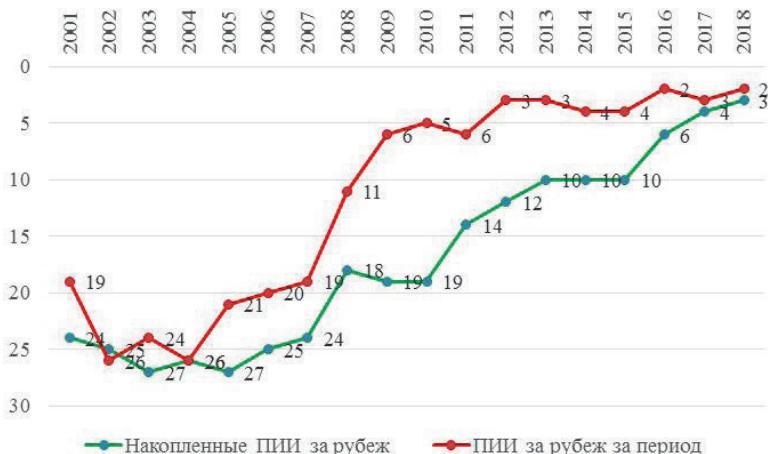

Рисунок 3. Изменение позиций Китая в мире по объему годовых инвестиций и объему накопленных ПИИ за рубежом. (Рассчитано по данным UNCTAD).

Появление Китая в числе лидеров мирового инвестиционного процесса сопровождалось и другими перестановками в иерархии этих лидеров, которые отражали глубинные структурные изменения в мировой экономике, происходившие в первом десятилетии XXI века. Традиционные лидеры сдавали свои позиции: если на США в 2001 году приходилось почти 32% накопленных инвестиций за рубеж, то к 2018 году их доля сократилась до 20,9%; доля Великобритании уменьшилась еще сильнее – с 12,4% до 5,5% (рис. 4). Удельный вес Китая же вырос почти в 13 раз – с 0,5% в 2001 году до 6,3% в 2018 году.

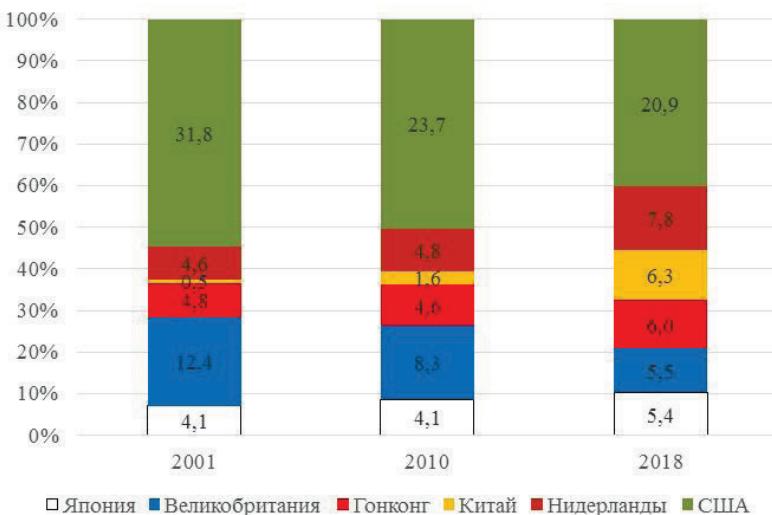

Рисунок 4. Изменение долей в объеме накопленных ПИИ за рубеж по ведущим странам-инвесторам в XXI веке, % от общего объема накопленных в мире инвестиций за рубеж. (Рассчитано по данным UNCTAD).

При этом также надо учитывать, что все приведенные на предыдущих диаграммах данные характеризовали только один из видов инвестиций – прямые, которые представляют меньшую часть всех китайских инвестиций за рубеж. По состоянию на 1.07.2019 года прямые инвестиции составляли только 26% от общего объема китайских инвестиций за рубеж (рис. 5), то есть, были не приоритетным форматом осуществления финансирования иностранных проектов. Однако даже в этом качестве ПИИ из КНР вышли на лидирующие в мире позиции.

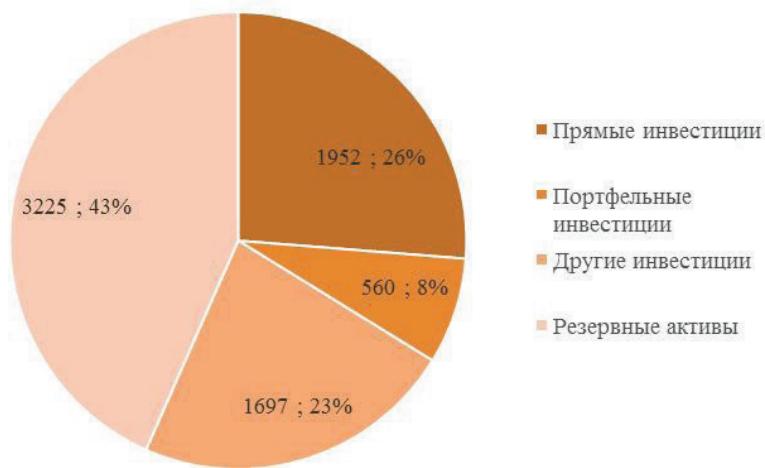

Рисунок 5. Структура накопленных инвестиций из КНР за рубеж по основным видам по итогам I полугодия 2019 г., млн. долл. [5].

С учетом же других видов финансовых вложений, роль КНР в мировом инвестиционном процессе еще более значительна. Основным форматом зарубежного инвестирования КНР на протяжении длительного времени было предоставление различных видов долгового финансирования. Как отмечают S. Horn, C. Reinhart, C. Trebesch, объем китайских ссуд и торговых кредитов вырос почти с нуля в 1998 году до 1,6 трлн. долл. в 2018 году, что соответствует почти 2% мирового ВВП, а основной объем этого финансирования направлен странам со средним и низким уровнем доходов. В результате, на Китай приходится около четверти банковских кредитов развивающимся странам, для которых он стал крупнейшим официальным кредитором, опередив такие институты, как Всемирный банк и МВФ [9]. В 2017 году Китай занимал первое место по объему

накопленных инвестиций в страны Азии с показателем 1119 млрд. долл., пятое место – в страны Африки (43 млрд.), четвертое место – в транзитные экономики (27 млрд.). Также с большим отрывом Китай занимает первое место по объему накопленных инвестиций в наименее развитые страны (40 млрд. долл.) и страны, не имеющие выхода к морю (33 млрд.) [10].

Оценки растущего китайского влияния на мировые инвестиционные процессы различны и включают широкий спектр мнений – от признания их позитивного вклада в экономическое развитие стран-реципиентов до алармистского дискурса «долговой ловушки», используемой КНР в различных экспансиионистских целях. Полярность оценок при этом зачастую обусловлена различной специализацией экспертов – позитивно о влиянии китайских инвестиций, как правило, высказываются экономисты, тогда как мнения политологов часто выражают озабоченность.

Позитивные или, как минимум, нейтральные оценки глобальной инвестиционной экспансии КНР содержатся не только в работах отдельных специалистов, но и в докладах и обзорах международных организаций. Так, один из докладов ОЭСР отмечает, что в мире очень велика потребность в инвестициях (порядка 95 трлн. долл. до 2030 года или около 5,5-6 трлн. долл. в год) и «Китай определенно может помочь в предоставлении их значительной части» [11], в том числе, в рамках проекта Belt & Road Initiative (BRI). Насколько значительной может быть эта часть, пока что можно судить скорее по косвенным оценкам, поскольку в официальном документе под названием «План действий по Инициативе «Один пояс и один путь» [12], обнародованном в марте 2015 года, отсутствуют количественные параметры, а периодически появляющиеся планы меняются вместе с составом конкретных проектов в отдельных странах, их стоимостью, а также ростом числа самих стран, подключающихся к BRI. G. Ang, D. Röttgers, P.

Burli [13] оценивают потенциал инвестиций в рамках проектов, реализуемых в ходе Инициативы, в размере более 1 триллиона долл. исходящих из КНР вложений в зарубежную инфраструктуру за 10-летний период с 2017 года. J. Hurley, S. Morris и G. Portelance [14] предлагают многократно большую оценку – 8 трлн. долл. в течение 20 лет в несколько десятков стран, а также отмечают, что объем этих вложений будет эквивалентен примерно 1,5% их ВВП.

Потенциал в несколько триллионов долларов инвестиций из КНР, ожидаемых в течение десятилетнего периода, представляется вполне реальным, принимая во внимание масштаб уже осуществленных вложений за рубеж из КНР. По данным ОЭСР, накопленные инвестиции в строительство инфраструктуры на середину 2018 года достигли 814,3 млрд. долл., в том числе, в страны, участвующие в проекте BRI – 480,3 млрд. долл. Общий же объем накопленных инвестиций всех видов за рубеж (без учета резервных активов) из КНР за последние десять лет увеличился на 3,2 трлн. долл. – с 984 млрд. долл. на конец 2009 года до 4,2 трлн. долл. по итогам первого полугодия 2019 г. [1] В том случае, если эта тенденция наращивания инвестиций за рубеж продолжится, на Китай будет приходиться порядка 10-20% удовлетворения мировых потребностей инвестиций в год, которые, как отмечено выше, оцениваются ОЭСР в 5,5-6 трлн. долл., что, несомненно, является позитивным фактором для развития мировой экономики, особенно развивающихся стран. Что же касается негативных оценок глобальной инвестиционной экспансии КНР, то они, в целом, базируются на предположении, что экономические инициативы и, в частности, BRI, выступают инструментом реализации более широких амбиций. Ряд исследователей считает, что BRI является «предложенным Си Цзиньпином геополитическим воплощением» стратегии Going Global, отражающей стремление к глобальному лидерству, инструментом реализации которого должны стать, в том числе, и масштабные инвестиции китайских компаний на глобальных

рынках [15]. В течение последнего десятилетия сформировался также устойчивый дискурс о «долговой дипломатии» Китая в отношении стран-реципиентов его финансирования [16, 17, 18, 19].

При этом, рассуждая о «долговой ловушке» как о гипотетическом методе экономического подчинения, опирающимся на предоставление долгового финансирования, нельзя не отметить тот факт, что после начала активной фазы BRI, с 2015-2016 годов, акценты китайского инвестирования, напротив, сместились от долговых инструментов к прямым инвестициям, что противоречит такого рода рассуждениям (рис. 6).

Рисунок 6. Динамика объемов накопленных инвестиций КНР за рубеж по основным видам, млрд. долл. США.
(Рассчитано по данным SAFE).

Ранее основной формой осуществления зарубежных китайских инвестиций были различные инструменты предоставления заемных средств, учитываемые преимущественно в составе других инвестиций, на которые перед стартом проекта, в 2012 году приходилось 57,6% накопленных зарубежных инвестиций КНР без учета резервных активов. В процессе же реализации BRI доминирующим видом стали прямые инвестиции, удельный вес которых постоянно рос и по итогам первого полугодия 2019 года достиг 46,4% при том, что в 2007 году он составлял всего 13,3%. Перенос акцентов с долгового финансирования зарубежных проектов на прямое инвестирование свидетельствует о снижении актуальности тезиса о гипотетической долговой зависимости стран, участвующих в BRI.

Существуют и гипотезы о более конкретных мотивах и методах использования Китаем зарубежных инвестиций. В частности, одним из таких мотивов часто называется трансферт в КНР технологий зарубежных компаний, приобретаемых на китайские инвестиции, а также скупка известных брендов, ноухау и имиджевые приобретения китайских компаний. В контексте этого предположения некоторые исследования помещают статистику о приобретении китайскими компаниями долей в фирмах из развитых стран, которые значительно масштабнее, чем в странах, участвующих в BRI – по итогам 2017 года в накопленные инвестиции в развитые страны по этой линии составили 1090,3 млрд. долл. (в том числе в страны Европы, США и Канаду – 522 млрд.), тогда как в страны BRI – только 278,5 млрд. долл. Эти данные дают основание считать, что соответствующие инвестиции осуществляются в целях «развития промышленности посредством трансфера технологий» [20].

В целом, в период активизации китайской инвестиционной деятельности за рубежом сформировался ряд тенденций этого процесса, основными из которых, по нашему мнению, являются следующие:

- резкое усиление позиций КНР в качестве одного из ведущих мировых инвесторов;
- выраженная специализация КНР на инвестициях в страны Азии и слаборазвитые экономики, в которых китайское финансирование зачастую является безальтернативным и служит единственным сильным фактором развития;
- акцент на инвестиции в строительство инфраструктуры и вхождение в капитал компаний, представляющих интерес как источник технологий для китайской промышленности;
- преобладание долгового финансирования зарубежных проектов, которое сохраняет высокий удельный вес в структуре накопленных инвестиций за рубеж, несмотря на то, что в последние годы превалирующей формой стали прямые инвестиции.

Информационные источники:

1. The time-series data of International Investment Position of China. State Administration of Foreign Exchange website. URL: <http://www.safe.gov.cn/en/2018/0928/1459.html> (дата обращения: 22.10.2019).
2. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual. UNCTAD Data center. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740> (дата обращения: 17.10.2019).
3. Yelery A. China's «Going Out» Policy: Sub-National Economic Trajectories. ICS Analysis, Institute of Chinese studies, Delhi. Dec 2014. P. 3.
4. Wang H. A Deeper Look at China's «Going Out» Policy. Centre for International.
5. Governance Innovation, March 8, 2016. URL: <https://www.cigionline.org/publications/deeper-look-chinas-going-out-policy> (дата обращения: 24.10.2019).
6. Nargiza Salidjanova. Going Out: An Overview of China's Outward Foreign Direct Investment. U.S. – China Economic & Security

Review Commission. March 30, 2011.

7. Жилина Л.Н., Строганов А.О. Россия в системе интересов китайского бизнеса. Фундаментальные исследования, № 11-7, 2015. С. 1425.
8. China Go Abroad (7th Issue). Belt and Road – exploring a blueprint for steady growth in overseas investment. April 2018. © 2018 Ernst & Young, China, p. 6.
9. Horn S., Reinhart C., Trebesch C. China's overseas lending. Kiel working paper No. 2132, JUNE 2019, p. 3.
10. World Investment Report 2019. © 2019, United Nations.
11. OECD (2018), «The Belt and Road Initiative in the global trade, investment and finance landscape», in OECD Business and Finance Outlook 2018, OECD Publishing, Paris, https://doi.org/10.1787/bus_fin_out-2018-6-en. P. 3.
12. Action plan on the Belt and Road Initiative. The State Council the People's Republic of China. URL: http://english.www.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (дата обращения: 21.10.2019).
13. Ang G., Röttgers D., Burli P. (2017), «The empirics of enabling investment and innovation in renewable energy», OECD Environment Working Papers, No. 123, OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/67d221b8-en>.
14. Hurley J., Morris S., and Portelance G. (2018), «Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective», CGD Policy Paper, No. 121, Washington, DC: Center for Global Development.
15. China Going Global between ambition and capacity. © China Policy 2017. P. 4.
16. Kumar B.N. Belt and Road Initiative: A Potential Threat to the Region and Eurasia. New Delhi. Centre For Land Warfare Studies, Issue Brief, August 2018. No. 150. URL: https://www.researchgate.net/publication/327633281_Belt_and_Road_Initiative_A_Potential_Threat_to_the_Region_and_Eurasia (Accessed:17.03.2019).

18. Parker S., Chefitz G. Debtbook Diplomacy: China's Strategic Leveraging of its Newfound Economic Influence and the Consequences for U.S. Foreign Policy. Harvard: Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School; 2018. P. 1-13.
19. The «New Great Game»: China's Debt-Trap Diplomacy. European Foundation for South Asian Studies (EFSAS), Amsterdam, October 2017.
20. OECD (2018), «The Belt and Road Initiative in the global trade, investment and finance landscape», in OECD Business and Finance Outlook 2018, OECD Publishing, Paris, https://doi.org/10.1787/bus_fin_out-2018-6-en. P. 81.

П СЕКЦИЯ
«ПОЯС И ПУТЬ» И РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН:
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ
И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Kауkenov A.C.

**Политические взаимоотношения Казахстана и Китая
при пятой генерации китайского руководства**

Политический аспект взаимоотношений в реализации BRI это одно из наиболее важных и дискуссионных точек данной китайской стратегии. Начиная от речи Си Цзиньпина в Назарбаев Университете, положившего старт BRI и заканчивая последними проектами, очевидно, что политические интересы Китая являются важнейшим двигателем в развитии BRI несмотря на экономические риски и потери. Для определения понимания глубины политического веса, были проанализированы и выделены основные национальные интересы Китая в Центральной Азии и соответственно Казахстане. Рассмотрены базовые принципы и задачи Китая в регионе. Влияние внутренних задач и идеологических курсов (как например «Китайская мечта») на выработку центральноазиатской политики.

***

Рассматривая политику по реализации национальных интересов Китая к Казахстану, нужно отметить, что Казахстан является важным звеном, прежде всего в региональной политике КНР в Центральной Азии. Основные цели Китая в регионе сосредоточены на следующих направлениях:

- Создание условий для сохранения социально-политической стабильности в регионе, поскольку военно-политическим руководством КНР Центральная Азия рассматривается как «стратегический тыл» Китая [1]. Особенно это актуализируется по мере нарастания геополитического противостояния с США, что в эпоху Трампа уже вылилось в серьезные торгово-экономические войны.
- Локализация активности сепаратистских и экстремистских группировок, способных спровоцировать негативные явления в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Не допустить развитие ситуации, при которой террористические организации будут иметь мощную базу поддержки в Казахстане и других странах Центральной Азии.
- Доступ к минеральным ресурсам, прежде всего углеводородным. При этом Китаю необходимо достижение договоренностей о поставках углеводородов не по мировым, а по приемлемым для него ценам.
- Казахстан как ключ к потребительским рынкам Евразийского экономического союза и стран Центральной Азии с целью развития депрессивных западных регионов Китая. Это, прежде всего, Синьцзян, Ганьсу, Нинся-Хуэйский автономный район и Шаньси.
- Использование транзитного потенциала Центральной Азии для доставки китайских грузов в Европу и на Ближний Восток в рамках стратегии BRI. Ключевая цель Китая в этой сфере это непрерывное расширение торгово-экономического сотрудничества с государствами региона и создание в пределах региона зоны беспрепятственной торговли.
- Поддержание Центральной Азии в качестве дружественного пространства к Китаю. Главная задача – не допустить появления в пределах данного пространства резкого усиления США и его союзников, способных заставить страны региона вести агрессивную политику к КНР.

Одна из главных целей КНР – не допустить, чтобы данный регион стал базой восточно-туркестанских сил за пределами Китая и каналом их связи с международным терроризмом.

Долгосрочной целью КНР в отношении Казахстана остается его втягивание в орбиту своей политики для создания стратегической зоны своей безопасности и использования всевозможных ресурсов данного пространства (природных, территориальных и пр.) для обеспечения развития Китая.

Немаловажно, что политику Китая определяют его внутренние процессы. Каждое поколение китайских руководителей, при подчеркивании общего стратегического видения, традиционно представляет собственную программу или даже тактику действий, как правило, выражющуюся в броском лозунге. Так, первое поколение представило миру «Идеи Мао Цзедуна», второе «Социализм с китайским лицом», третье «Идеи тройного представительства», четвертое «Научную концепцию развития».

Первой озвученной концепцией текущего пятого поколения стала «Китайская мечта», впервые о которой рассказал Си Цзиньпин в ходе эмоционального спича в Государственном музее Китая: «...великое возрождение китайской нации – это и есть величайшая китайская мечта в новой эпохе...» [2]. Важно отметить, что «Китайская мечта» имеет конкретные сроки и промежуточные этапы. Масштабное «возрождение китайской нации» наш сосед планирует в 2049 году, т. е. к столетию Китайской Народной Республики.

Нужно пояснить, что в Центральной Азии идет не просто geopolитическая борьба, а борьба идей. Эта конкуренция идет по всему миру, но в нашем регионе есть своя специфика. Здесь активно и почти на равных «бьются» российский особый путь, американская мечта, европейский мультикультурализм, панисламизм в различных проявлениях и пантюркизм, а с недавних времен и «Китайская мечта».

Другим таким внутренним аспектом, можно выделить влияние реформ команды Си Цзиньпина на политику в Центральной Азии. Так, создание новой государственной структуры «Совета государственной безопасности», в задачи которого входит забота об обеспечении национальной безопасности Китая, стало влиять на выработку внешней политики в отношении Центральной Азии, представляющей собой источник многих вероятных рисков для национальной безопасности КНР.

Это – соседство с Афганистаном, борьба с «греша силами зла» (экстремизмом, сепаратизмом, терроризмом) угрожающими самому неспокойному региону Китая Синьцзян-Уйгурском автономному району, общая проблема рисков дестабилизации в большинстве стран региона, в частности в плане ожидания смены элит, а также геополитической конкуренции с другими глобальными и региональными игроками.

Важно упомянуть о дипломатической стратегии «Добрые соседи – хорошие партнеры», выдвинутой еще в начале правления Ху Цзиньтао, в которую попадают страны Центральной Азии. Эта стратегия, направленная на создание «дружественного пояса» вокруг Китая [3], полностью себя оправдала и потому на XVIII съезде КПК Си Цзиньпин подтвердил стремление Китая продолжить данную политику.

В концептуальном плане новое видение Китаем Центральной Азии, получило свое обозначение в ходе первого визита Си Цзиньпина в Казахстан. Представление концепции по политике в Центральной Азии было оформлено в виде лекции в Назарбаев Университете, в свойственной традиции китайской дипломатии красивыми историями из совместного прошлого, комплиментарными выражениями в адрес Казахстана и всего региона, уверениями в искренней дружбе, равенства и гармоничного развития.

Если кратко, то можно выделить следующие основные посылы, вытекающие из лекции Си Цзиньпина:

- ⦿ Регион занимает одно из приоритетных мест во внешней политике Китая.
- ⦿ Китай традиционно подтверждает политику невмешательства во внутренние дела государств, а также не имеет амбиций на господство в регионе. Но стремится активно развивать партнерство на взаимовыгодной основе.
- ⦿ Китай готов сотрудничать с Россией в развитии региона.
- ⦿ Китай уделяет серьезное значение борьбе с сепаратизмом, экстремизмом, терроризмом в регионе.
- ⦿ У Китая и стран региона имеется экономическая взаимодополняемость.
- ⦿ Необходимо увеличить доверие в региональном сотрудничестве между Китаем и странами ЦА. Дословно «с более открытой душой и более широким кругозором, вместе добиваться новых успехов».
- ⦿ ШОС и ЕЭС необходимо укреплять сотрудничество.

Данные тезисы явились преамбулой для предложения концепции «Экономического пояса Шелкового пути», в дальнейшем преобразовавшейся в глобальную идеологему BRI. Эта Инициатива одна из ключевых особенностей нового китайского руководства по отношению к Центральной Азии. С одной стороны, данным проектом Пекин выбивает почву из американской стратегии «Нового Шелкового пути», с другой, новый лидер предложил новую идеологию для оформления политики взаимодействия Китая и стран региона.

В качестве плана реализации BRI изначально обозначалось пять шагов:

- ⦿ Усиление политического взаимодействия и юридического оформления регионального сотрудничества;
- ⦿ Усиление строительства транспортно-логистической инфраструктуры;
- ⦿ Усиление торгово-экономического сотрудничества;
- ⦿ Переход на расчет в национальных валютах, без долларового посредничества;
- ⦿ Усиление народной дипломатии.

Стоит особо отметить последний пункт о народной дипломатии – речь идет о культурном, гуманитарном развитии связей. Возвращаясь назад к теме реализации «китайской мечты» возрождения китайской нации, которое превратит Китай в конкурентоспособного игрока на поле конкуренции идей, то пятое поколение хорошо понимает, что без «мягкой силы» не обойтись никак.

Перед проектом BRI в Евразии стоят несколько глобальных задач:

1. Создание налаженной логистической инфраструктуры для транспортировки энергоресурсов Каспия к одному из крупнейших потребителю Китаю и в целом Азиатско-Тихоокеанскому региону.
2. Создание транспортного коридора для экспорта китайских товаров в Европу.
3. Создание сухопутного моста с Ираном, одного из крупных энергетических партнеров Китая, для диверсификации маршрутов получения энергоресурсов.
4. Диверсификация сухопутных маршрутов в Европу.

Китайские эксперты подчеркивают ряд преимуществ данной стратегии, за счет которой планируется увеличение присутствия в Центральной Азии и Казахстане в частности: Преимущество стратегии развития. Подразумевается, что в отличие от российских и американских геополитических проектов, китайский открыт для большого количества стран и несет существенные выгоды. Поэтому предполагается, что даже Москва не сможет эффективно ему сопротивляться, так как сама будет заинтересована в развитии Шелкового пути.

Говоря непосредственно о Казахстане, уже после поездки в интервью Агентству Синьхуа, председатель Си Цзиньпин употребил в отношении Казахстана выражение «有影响力的大国» (中哈同为发展中国家和有影响力的大国), что переводится как «влиятельная держава». Здесь необходимо отметить, что до этого ни один из лидеров Китая ранее не употреблял к Казахстану или

другой стране региона подобных эпитетов [4]. Возможно, это один из сигналов Пекина, что Китай рассматривает Казахстан в качестве регионального лидера имеющего серьезное влияние на ход дел в Центральной Азии.

По всей видимости, это связано с попытками предложить Казахстану максимум возможностей в интеграционных проектах Китая, чтобы не допустить геополитического доминирования России. То есть, данное повышение статуса Казахстана в политической риторике, возможно, является пока еще завуалированным предложением Китая Казахстану «короны регионального лидерства».

Тем самым, в региональной конкурентной гонке Пекин пытается предложить не только кредиты, технологии, инвестиции, но и «статусные проекты».

Помимо этого, Китай пытается активно использовать текущую геополитическую ситуацию, чтобы потеснить Россию в Центральной Азии и в первую очередь в Казахстане.

В Кремле остается настороженность относительно стремления Китая укрепиться в Казахстане и Центральной Азии. Москва будет стремиться уменьшить нарастающее влияние Пекина и, по всей видимости, в качестве основного инструмента будет использоваться Евразийский экономический союз.

Россия, находясь под давлением санкций, нуждается в поддержке такого крупного финансово-инвестиционного партнера как Китай. Для получения подобной поддержки Кремль готов пойти на многое, в частности поставку новейших видов вооружений, готовность делиться новейшими технологиями в области авиастроения, демонстрацию доверия в виде постройки мостов, которые свяжут Дальний Восток и Хэйлунцзян.

Но Казахстан для Кремля представляет особую ценность. Как показали события в Украине, Москва готова уступать, но лишь до определенного предела, после которого реакция может быть непредсказуемо жесткой.

Китай, несмотря на относительно стабильные отношения с Западом, также нуждается в хороших отношениях с Россией. Общие глобальные интересы на международной арене объединяют позиции Пекина и Москвы по многим вопросам.

Однако Китай намерен максимально использовать ухудшающееся геополитическое положение России. Поэтому Пекин оказывает не публичное, но все же мощное давление на Москву, чтобы потеснить Россию в Казахстане. Выстроить систему, при которой казахстанская элита будет всегда дружественно настроена к Китаю, это и есть основная цель китайской политики в Казахстане.

Это связано с тем, что Китай не уверен в своем российском партнере. Как показали события 2000-2001 годов, при улучшении отношений Москва готова забыть и поступиться интересами Пекина, дав разрешение на размещение в Центральной Азии американских военных баз. Китайские эксперты прямо говорят, что при улучшении отношений с Западом, Россия забудет сегодняшние договоренности с Китаем. Поэтому Китай хочет иметь собственное максимальное влияние на Казахстан, так как наша страна является для него ключом в Центральную Азию, вплоть до Кавказа.

Реализации интересов КНР в регионе препятствуют следующие факторы:

Во-первых, это конкуренция с РФ за влияние в регионе, и результат ухудшения взаимоотношений двух стран. С одной стороны, расширяющееся экономическое и политическое влияние КНР неизбежно столкнет Пекин с Москвой. Усиливающиеся торгово-экономические, политические и культурные контакты Китая со странами региона, а также строительство магистралей по транспортировке нефти и газа в КНР лишают РФ основных рычагов влияния на страны Центральной Азии. С другой стороны, Пекин объективно не

заинтересован ухудшать взаимоотношения со своим стратегическим партнером.

Во-вторых, это риски связанные с вмешательством других держав (главным образом США) в дела региона в ущерб интересам КНР. Данная проблема приобретает еще большую значимость для Пекина с учетом планов США по сдерживанию роста КНР, а также в свете внутри-политических проблем Китая (нестабильность в СУАР).

В-третьих, антикитайские настроения в регионе, основанные на традиционной синофобии и недовольстве практикой ведения КНР торгово-экономических связей со странами региона.

Для преодоления вышеуказанных проблем Китай применяет те же подходы, что и в других регионах – двустороннюю и многостороннюю дипломатию, углубляет взаимодействие в рамках ШОС. Также КНР использует другие инструменты для расширения своего влияния в регионе, такие как усиление торгово-экономических связей, предоставление странам региона экономическую помощь в виде льготных кредитов и займов, повышения уровня сотрудничества в военной области, а также расширения культурных связей.

Достаточно очевидно, что основным инструментом в реализации своей политики в Центральной Азии Китай видит Казахстан, своего основного экономического партнера в регионе в силу географических, экономических и geopolитических причин.

Для Казахстана развитие китайского направления сотрудничества является одной из приоритетных задач, поставленных перед внешней политикой. И в этой связи, необходимо выделить следующие ключевые интересы Казахстана по отношению к Китаю:

- ⦿ Геополитический баланс сил в регионе – Пекин может выступать в качестве определенного противовеса влиянию Москвы.
- ⦿ Китайские инвестиции и кредиты в казахстанскую экономи-

ку, масштаб которых на ближайшую и среднесрочную перспективу является безальтернативным.

❷ Диверсификация рынков сбыта основных статей экспорта и транспортные коммуникации к Тихоокеанскому побережью.

❸ Равноправное использование трансграничных рек и сохранение экологического баланса на территории Казахстана.

❹ Ограничение распространения религиозного экстремизма и укрепление военно-политического сотрудничества в рамках ШОС.

Китайское присутствие в Центральной Азии и в Казахстане, в частности, имеет различные аспекты: исторический, экономический, политический, территориальный, демографический, военный и ядерный. Уже сегодня понятно, что Китай активно принимает участие в возрождении «Большой игры» в Центральной Азии благодаря своему растущему экономическому влиянию. Китайская активность по всем направлениям возрастает, что можно оценить как наступающую реальность.

Первое. Главный проблемный момент, определяющий трудности реализации национальных интересов Казахстана в плане его отношений с Китаем, заключается в отсутствии четкой государственной программы действий в ответ на быстро развивающуюся и постоянно модернизирующуюся политику Китая. В силу того, что КНР находится в процессе становления своего современного политического курса, все области ее активности подвергаются глубокой перестройке – и внутренняя политика, и внешнеполитическая деятельность, и экономические механизмы в народном хозяйстве и на международном рынке. В связи с этим РК находится перед лицом транзитной системы, которой, тем не менее, заданы и отслеживаются конкретные ориентиры. Это значительно усложняет задачи Казахстана.

Так, успешная политика китайского руководства закрепила за КНР место второй экономики мира, вступившей в

конкуренцию с Соединенными Штатами Америки. Казахстанская сторона до настоящего момента не сумела отреагировать на это новое важное качество китайской экономики и продолжает следовать устоявшейся схеме своих торгово-экономических контактов с Китаем, результаты которых решают сиюминутные задачи экономики страны, не способствуя получению стратегической выгоды государством.

Подобное положение вещей, когда вялотекущее сотрудничество, направленное лишь на постепенное увеличение объемов двусторонней торговли, без попыток изменить принципы этого сотрудничества на более конструктивные, существенно ослабляет позиции Казахстана.

Второе. Следует учитывать, что Казахстан занимает особое место в стратегических предпочтениях Китая. Это связано с тем, что, во-первых, именно РК обладает всем, что необходимо для дальнейшего прогресса КНР: богатые запасы природного сырья и ресурсов, огромный транспортно-коммуникационный потенциал, широкие возможности для развития торговли, земельные площади.

Во-вторых, экология Китая и Казахстана связаны в единую систему (через обширные западные территории КНР), а главное, общими для двух стран являются проблемы водных ресурсов. Учитывая актуальность экологического и водного строительства для нынешнего Китая, это обуславливает большую заинтересованность китайской стороны в решении имеющихся в данной области проблем с максимальной пользой для себя путем взаимодействия с казахстанским партнером.

В-третьих, находит новые подтверждения тот факт, что Казахстан превращается в главный объект геополитического соперничества ведущих международных сил, действующих в ЦАР. Здесь стремятся утвердить свое влияние многие мировые державы, в числе которых – США, вызывающие самые тревожные опасения у Пекина.

Данные обстоятельства создают целый комплекс взаимозависимых внешних факторов вокруг РК и побуждают Китай к приложению особых усилий для расположения казахстанского руководства к себе.

Казахстанская сторона не может отказаться от новых китайских проектов, так как они каждый раз предоставляют Нур-Султану новое окно возможностей. Более того, тот факт, что проекты предлагаемые Китаем Казахстану очень выгодны казахстанской экономике, говорит о том, что в Пекине сложилось комплексное понимание нужд региона, а также серьезные возможности по интенсификации сотрудничества с нашей страной.

То есть, Китай четко знает, как работать с Казахстаном, какие проекты предлагать, чтобы Казахстан и даже другие партнеры по Евразийскому экономическому союзу только соглашались. Однако определенная проблема заключается в том, что Казахстан в этой связке является ведомым, не формируя повестку дня, а лишь двигаясь в фарватере развития мощного соседа.

***

В целом, подводя итоги, можно сказать, что на фоне очередного усиления геополитической конкуренции пятое поколение руководства Китая намеренно и целенаправленно совершило прорыв в отношениях с Центральной Азией. В Китае новые подходы уже закреплены, как юридически и экономически, так и на уровне новой стратегической концепции. Это создает возможности для построения между КНР и государствами региона качественно нового уровня отношений и определения новых долгосрочных приоритетов.

В целом в отношении Казахстана политика Китая будет строиться в реально обозримой перспективе ближайших 10-15 лет, по всей видимости, в рамках следующих направлений:

- ⓧ стимулирование экономических связей со странами ЦА как фактора для укрепления политических контактов, возрастание тенденции финансового и отчасти стратегического влияния Китая в ЦА с явным акцентом на Казахстан;
- ⓧ усиление интереса со стороны китайских нефтяных компаний к нефтегазовым, энергетическим проектам, прежде всего в Казахстане;
- ⓧ активное сотрудничество в рамках ШОС, СВМДА для сохранения китайского присутствия в регионе;
- ⓧ противодействие нарастающей экспансии США и их союзников по НАТО, создание возможных противовесов проникновению в регион Турции, Ирана и других сопредельных с Центральной Азией государств;
- ⓧ совместная борьба с экстремизмом и терроризмом, прежде всего в контексте борьбы с терроризмом в СУАР КНР.

Проект BRI стал мощным ответом «пятого поколения» руководителей Китая на создание Евразийского экономического союза. Более того, на сегодняшний день, положительные стороны Евразийского экономического союза для Китая, перевешивают его отрицательные стороны, связанные с поднятием пошлин. Данное положительное восприятие Китаем ЕАЭС играет позитивную роль для Казахстана, так как чрезмерная конкуренция непосредственно находящихся в регионе великих держав чревата рисками дестабилизации в том случае, если одна из сторон начнет выигрывать или проигрывать. BRI сформировал новый элемент китайской политики по отношению к Казахстану и всей Центральной Азии, отразившийся в переносе ряда китайских производств на его территорию. Принимая сложившуюся реальность в виде закрытия границ для ряда товаров, Китай принял решение создать некоторые производства в Казахстане. Это действие «на опережение», помогающее Пекину решить целый комплекс вопросов, из которых самый главный – создать новую форму экономических взаимоотношений на

перспективном рынке. С ростом мощи Китая идет структурное изменение его внешнеполитической и внешнеэкономической модели.

Если буквально недавно Китай позиционировал себя как развивающуюся страну, то в ходе последнего визита Министра иностранных дел Ван И в Африку уже как силу, понимающую свою ответственность за мировую и региональную систему, как в безопасности, так и в экономике. С этой точки зрения, расширение форм сотрудничества с близлежащими регионами, размещение там китайских производств – это переход на новый уровень для региональной китайской политики.

В свою очередь, Казахстан, в свете нестабильности мирового рынка, и особенно нефтяного и энергетического производства/потребления, остро нуждается в развитии любых форм производства и инвестициях в инфраструктуру. Тем более что многие казахстанские производители не смогли подняться именно из-за конкуренции с китайскими промышленниками. Приход китайских технологий и производств, возможно, вызывает надежду у казахстанских властей модернизировать экономику страны, тем самым, программа BRI нашла свое полное понимание в Нур-Султане.

Информационные источники:

1. «Центральная Азия – Китай: состояние и перспективы сотрудничества» Алматы, КИСИ при Президенте РК, 2008 г. 4-5 июня.
2. Кауkenова Татьяна: Новая книга Си Цзиньпина – идеология на экспорт // Регnum 2014. – 10 ноября // <https://regnum.ru/news/polit/1864255.html>
3. Евразийская интеграция Китая в рамках Инициативы «Один пояс и один путь» Кун Дэкунь Theories and Problems of Political Studies. 2018, Vol. 7, Is. 2A.
4. 习近平接受土库曼斯坦、俄罗斯、哈萨克斯坦、乌兹别

*Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического
и общественно-политического развития стран Центральной Азии*

克斯坦、吉尔吉斯斯坦五国媒体联合采访 2013. – 6 сентября //
Генеральное консульство Китая в Алматы // <http://al-maty.chineseconsulate.org/chn/zhgx/t1073831.htm>

Черных И.А.

Воздействие «Пояса и пути» на процессы в Казахстане

Вопросы конструирования идентичности (индивидуальной и групповой) являются актуальными как для Казахстана, так и для стран Центральной Азии, которые являются молодыми суверенными государствами. Устойчивость и стабильность государственности определяется, помимо прочего, идентификационной связью населения, а также тем, насколько население отождествляет себя с государством и принимает его роль в своей жизни как легитимную. Поэтому, одновременно с решением задач построения своей государственности, направленных на создание действенных политических институтов, развитие рыночной экономики и социальной сферы, Казахстан, как целенаправленно, так и спонтанно, реализовывал акции, носящие идентификационный или социetalный характер – поиск и закрепление в общественном сознании идеологических императивов, определяющих общие для населения ценности и поведенческие модели.

Под идентификационным или социетальным сектором в данном разделе понимается «способность общества сохранять свой специфический характер, несмотря на изменяющиеся условия и реальные или вероятные опасности» [1]. Иными словами, идентификационный сектор связан с уровнем устойчивости условий, приемлемых для эволюции принятых в данном сообществе его идентификационных оснований (язык, обычаи, культура, религия) с учетом происходящих внутренних и внешних изменений. Одновременно, социетальный сектор рассматривается как поле идентификации, в рамках которого национальная идентичность постоянно трансформируется через изменение понимания места и роли своего сообщества в мире, выработку

общегруппового восприятия, что есть «Мы», а также маркеров, отделяющих это «Мы» от «Они» или «Другие».

Таким образом, в разделе анализируются основные установки и настроения населения Казахстана («Мы») относительно BRI, выступающей для Казахстана как внешняя инициатива, произведенная Китаем, понимаемым как «Другой», а также масштабы распространения в обществе антикитайских или прокитайских настроений, ассоциаций, рисков и страхов, которые транслируют казахстанцы относительно Китая, его присутствия в Казахстане и вокруг него. Образ «Другого», которым является Китай для Казахстана, осмысление и ощущение своего отличия в дилемме «Мы – Другие» позволяет выявить перспективы и риски для развития казахстанской идентичности, связанные с BRI.

Основные идентификационные установки казахстанцев были выявлены на основе анализа данных прикладных социологических исследований (фокус-групповых дискуссий и экспертных интервью). За рамками данного исследования остаются вопросы идентификации, происходящие внутри казахстанского социума.

Установки и восприятие Китая населением Казахстана: бытовой дискурс

Восприятие Китая на уровне бытового дискурса, то есть населением Казахстана, является не системным и представлено разнонаправленными нарративами – Китай здесь не рассматривается как системный объект, оцениваются только отдельные аспекты и характеристики, связанные со страной, с которыми казахстанцы сталкиваются на уровне повседневных практик. В целом, как показало проведенное исследование, граждане Казахстана имеют позитивное отношение к культуре и истории Китая, который

воспринимается как страна, привлекательная в плане туризма. Самым популярным местом отдыха в Китае для казахстанцев является остров Хайнань. Туристические ассоциации связаны также с Великой китайской стеной, терракотовыми воинами, китайскими чайными церемониями и т. д., то есть с теми объектами или практиками, которые формируются у казахстанцев в процессе социализации, изучения истории зарубежных стран в средней школе, и популяризируются средствами массовой информации и новыми социальными медиа.

Наиболее распространенными оценочными ассоциациями, связанными с Китаем, являются «низкое качество товаров», «дешевая китайская подделка», «китайцы – везде», имеющие негативную коннотацию. Последний нарратив («китайцы – везде») четко отражает общее культурное неприятие поведенческой модели китайцев, находящихся за пределами своей страны. Их действия, не совпадают с моделями поведения, принятыми в Казахстане, и поэтому оцениваются крайне отрицательно и вызывают раздражение.

Наряду с ассоциациями, имеющими преимущественно негативный окрас, присутствуют и позитивные ассоциации такие, как «Китай – мастерская мира, производящая высококачественный товар», «Китай – страна инновационных технологий», а то, что в Казахстан экспортируют некачественный китайский товар, объясняется низкой покупательной способностью населения. Китайцы воспринимаются как народ очень трудолюбивый («китайцы – трудяги,ечно работают»), склонный к инновациям («быстро ухватывают все новое»), а Китай – как развитая страна, которая «идет впереди всего мира и всегда придумывает что-то новое». При этом фиксируются нарративы, связывающие технологические достижения Китая с развитым промышленным шпионажем и нарушением авторских прав.

Респонденты не фиксируют увеличения интереса к китайской культуре в Казахстане в последние годы. Указывается на рост привлекательности получения образования в Китае и изучения китайского языка среди молодежи Казахстана, однако при оценке востребованности китайского языка в стране высказываются полярные мнения: от утверждения, что знание языка необходимо для трудоустройства на высокооплачиваемую работу («китайский язык – средство для повышения зарплаты, для того, чтобы на работу устроится»), до установки, что молодежь, получившая образование в Китае, не может трудоустроиться по специальности и знание китайского языка в Казахстане не востребовано («китайские компании не берут наших граждан с китайским образованием»).

Уровень осведомленности населения относительно BRI

Анализ фокус-групповых дискуссий позволяет утверждать, что население имеет низкий уровень осведомленности о BRI – доминирующее большинство респондентов либо «ничего не слышал об инициативе», либо «что-то слышал», «слышал название, но не знаю содержания и деталей». Несмотря на это, в общественном мнении представлены разные точки зрения относительно влияния BRI на развитие Казахстана: от алармистских – «“Пояс и путь” – это экспансионистский проект Китая, посредством которого Казахстан будет завоеван» – до нейтрально-сдержанных утверждений, о том, что «реализация Инициативы может принести выгоды для Казахстана, но какие – сказать сложно, так как информация недоступна» или «Один пояс и один путь – … импульс к развитию инфраструктуры Казахстана».

При этом фиксируется определенный тренд в восприятии Китая и BRI – степень критичности более высокая в тех

регионах, где локализованы китайские предприятия, и население непосредственно взаимодействует с китайцами. Показательными в этом контексте являются социальные установки жителей Актобе и Актюбинской области, имеющие максимально негативный окрас по сравнению с населением других регионов Казахстана. Здесь высказывались самые жесткие оценки BRI и ее влияния на развитие страны. Доминирующее мнение заключается в том, что присутствие китайцев и китайского бизнеса в Казахстане – это проблема не столько экономическая, сколько политическая. BRI может привести к серьезной зависимости Казахстана от Китая, и ее реализация рассматривается населением как китайская экспансия.

Основные нарративы, транслируемые казахстанцами

Анализ данных фокус-групповых дискуссий позволяет утверждать, что среди населения доминируют преимущественно негативные (реже – нейтральные) нарративы относительно Китая и его присутствия в Казахстане.

Негативные нарративы, ретранслируемые казахстанцами, касаются следующих вопросов:

1. Рост экономической зависимости Казахстана от Китая, экспансия Китая и «поглощение» Казахстана. Опасения, высказываемые казахстанцами, связаны с их ощущениями увеличения присутствия в стране китайцев и китайского бизнеса, ростом браков между гражданами Казахстана и китайцами.
2. Влияние на демографическую ситуацию, боязнь ассимиляции и исчезновение казахской идентичности. Доминирующее большинство респондентов отметило увеличение китайцев в Казахстане, «можно часто увидеть гуляющих китайцев, особенно в крупных городах», «часто слышно на улицах китайскую речь». В этой связи население выражает страхи и опасения, что ребенок,

рожденный иностранцами, на территории Казахстана, автоматически получает казахстанское гражданство. Хотя данная установка не соответствует законодательству Республики Казахстан: здесь не действует, так называемое «право земли» [2], она широко распространена среди казахстанцев.

С другой стороны, указывается, на опасные последствия браков между казахстанцами и гражданами Китая, поскольку дети, рожденные в таком браке, могут получить казахстанское гражданство, если будет такое желание. Показательным является тот факт, что данные установки не просто артикулируются в вербальном поле, а проявляются в реальных действиях. Так, например, в январе 2017 года в Астане прошел стихийный митинг с требованием запретить браки между казахскими девушками и гражданами Китая. Протестующие, под лозунгом «Женщины сохраняют нацию!», предлагали лишать казахстанского гражданства тех женщин, которые выходят замуж за китайцев [3].

3. Рост коррупции в Казахстане по причине использования коррупционных практик представителями Китая. Отрицая наличие каких-либо позитивных изменений, связанных с присутствием китайских компаний в стране, респонденты предъявляют претензии и к местной власти. Среди населения фиксируется критика акиматов, которые руководствуются своими личными, а не государственными интересами и участвуют в коррупционных схемах. Указывается на то, что социальные, экологические и инфраструктурные вопросы развития населенных пунктов, средства на которые выделяются от прибыли китайских добывающих компаний, расходуются не по целевому назначению.

4. Недоверие качеству товаров китайского производства и опасения, связанные с их потреблением. Указывается широкий спектр китайских товаров, поставляемых на территорию Казахстана, которые оцениваются как некачественные. Это – продукты питания, детские игрушки, лекарственные препараты, товары широкого потребления. Часто респонденты указывают на то, что

Китай специально поставляет на территорию страны товары, способные нанести вред здоровью населения. Реже указывается, что менее качественный товар закупают в Китае казахстанские бизнесмены, так как он дешевле и поэтому доступен среднему покупателю в Казахстане.

5. Ухудшение экологической ситуации в связи с деятельностью китайских предприятий, работающих на территории Казахстана в сфере нефтедобычи и сельского хозяйства. Следствием работы китайского бизнеса в добывающем секторе, по мнению респондентов, является воздействие на здоровье местного населения и рост болезней, а также загрязнение химикатами сельскохозяйственных земель, которые становятся непригодными для дальнейшей деятельности.

В контексте экологических проблем, критика населения направлена на некачественные экологические экспертизы. По мнению респондентов, научно-исследовательские институты, проводящие экспертизы, утверждают, что вредное воздействие на экологию незначительно или вообще отсутствует. Также указывается, что небрежное отношение к казахстанской природе со стороны китайских компаний возможно только при попустительстве и отсутствии должного контроля со стороны казахстанской власти.

6. Нарастающая социально-экономическая дискриминация казахстанских рабочих на предприятиях с китайским управлением, характеризующаяся неравенством в условиях работы и оплате труда. Такая же проблема возникает на казахстанских предприятиях, оказывающих определенные услуги китайским предприятиям, работники которых сравнивают условия своего труда с теми компаниями, где работают только китайские рабочие.

7. Наличие серьезных культурно-лингвистических различий между казахами и китайцами, которые при взаимодействии этих социальных групп приводят к росту напряженности в отношениях, вплоть до открытого конфликта. Причем такие локальные конфликты периодически происходят между казахстанцами и

китайцами на китайских предприятиях или в населенных пунктах, рядом с которыми они расположены [4].

С другой стороны, высказывается опасение о возможной потере национальной специфики и казахской идентичности, так как при воздействии китайского присутствия «казахстанская молодежь может перенять ценности и поведенческие модели китайцев, или начнет подражать им», а «казахская культура останется на задворках».

8. Функционирование «лагерей перевоспитания» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, в которых содержится тюркоязычное мусульманское население, в том числе казахи. Первые сообщения о притеснении казахов появились в казахстанских интернет-ресурсах в апреле 2017 года [5]. Данную тематику наиболее активно освещало интернет-издание Радио Азаттык (Казахская редакция Радио «Свободная Европа»/Радио «Свобода»), на регулярной основе публиковавшее критические материалы по данной проблеме. Информация о китайских лагерях вызвала большой резонанс в обществе и в социальных сетях. Особенно широко обсуждалось «дело Сайрагул Сауытбай» [6], этнической казашки, сбежавшей из Китая в Казахстан, и в октябре 2018 года проходившей обвиняемой по делу о незаконном пересечении китайско-казахстанской границы. Дискуссия актуализировала идентификационные вопросы внутри Казахстана и вопросы, связанные с этническими переселенцами, их статусом, отношением со стороны местных сообществ, реакцией политической власти и т. д. Анализ данного кейса показывает, насколько важен Китай и его влияние на идентификацию казахстанцев.

Анализ фокус-групповых дискуссий позволяет утверждать о наличии у казахстанцев страхов и опасений относительно существования «лагерей перевоспитания», что влияет на формирование негативного образа Китая и синофобии в общественном сознании.

Наличие антикитайских фобий и настроений определяется не только функционированием лагерей

перевоспитания, но и видимым присутствием Китая в Казахстане, о чем говорят вышеописанные нарративы. При этом антикитайские настроения в Казахстане периодически выходят из вербального (дискурсивного) пространства в реальное и проявляются в акциях протеста. Так, например, весной 2016 года в ряде городов Казахстана (Атырау, Актобе, Семей, Кызылорде, Уральске) прошли так называемые «земельные» митинги протеста, направленные «против продажи земли китайцам». Поводом для протестов выступил Закон с поправками «О внесении изменений и дополнений в Земельный кодекс Республики Казахстан», подписанный в ноябре 2015 года и который должен был вступить в силу 1 июля 2016 года [7]. Хотя документ не предполагал продажу земель иностранцам (в том числе – китайцам), прошедшие митинги носили массовый характер и не были ограничены одним городом или областью, а имели общереспубликанский характер [8].

В начале сентября 2019 года в Казахстане (Алматы, Актобе, Актау, Караганда, Нур-Султан, Семей, Шымкент, Жанаозен) вновь прошли протесты, носившие не столь массовый характер, как земельные митинги, но имевшие также антикитайскую направленность. Митинги прошли в преддверии официального визита Президента Казахстана К.-Ж. Токаева в Китай и были объединены лозунгом «Нет китайской экспансии!». Протестующие требовали остановить в Казахстане реализацию китайских проектов в сфере промышленности и сельского хозяйства [9]. Фиксируются разные оценки экспертов, объясняющих причины антикитайских протестов. Среди них есть указание на наличие некой третьей силы, инспирирующей массовые протесты в Казахстане. Даже если соглашаться с данным утверждением, это подтверждает, что «китайский фактор» (в разном его содержательном наполнении) является «эффективным

раздражителем» для населения, имеющим серьезный мобилизационно-протестный потенциал.

Экспертные нарративы

Нарративы, производимые экспертами, являются чаще нейтральными и сбалансированными, представляя Китай и его присутствие в Казахстане как системный фактор. Эксперты, как правило, не склонны давать категоричного личностного суждения о влиянии BRI на развитие Казахстана, а включают объяснительный механизм, почему так или иначе происходит, какие факторы оказывают влияние на те или иные процессы. Анализ экспертных интервью показывает, что чем глубже эксперт знаком с Китаем, его культурой, языком, имеет опыт обучения или проживания в этой стране, тем позитивней он воспринимает его политику и дает системный сбалансированный анализ.

Большинство экспертов считают, что синофобия среди населения Казахстана усиливается, и дальнейшее развитие BRI будет влиять на ее рост среди казахстанцев.

Антикитайские настроения объясняются экспертами следующими факторами:

- наличием негативной исторической памяти о противостоянии и вражде между казахами и китайцами в разные исторические периоды;
- ростом экономической и инвестиционной активности КНР в Казахстане, в том числе в связи с реализацией BRI, приводящей к «зримому присутствию Китая»;
- функционированием в Синьцзяне «центров политического перевоспитания», информация о которых транслируется рядом казахстанских средств массовой информации и циркулирует в социальных сетях (преимущественно в Facebook);
- слабым информационным сопровождением BRI, отсутствием как объективной информации о стране в целом, так и о контрак-

таких и проектах, реализуемых в рамках BRI. На отсутствие достоверной и прозрачной информации по совместным проектам, содержанию контрактных обязательств, жалуются даже эксперты;

- присутствием на территории Казахстана китайских трудящихся мигрантов, ставших «видимым сообществом». Количество китайских мигрантов, согласно как официальным данным, так и экспертным оценкам [10], сокращается. Однако население по ощущениям отмечает увеличение китайцев, работающих и проживающих в Казахстане;
- существующими коррупционными практиками в Казахстане, в которые Китай «встраивается» и использует для продвижения своих интересов.

Экспертные нарративы в определенной степени совпадают с бытовыми нарративами, выражающими опасение о возможной потере национальной специфики и казахской идентичности.

Образ динамично развивающегося Китая, превращение его в одну из наиболее развитых технологических стран в перспективе может стать привлекательным для казахстанской молодежи, усилит «мягкую» и «дискурсивную» силу Китая в Казахстане.

Эксперты также солидарны с нарративами бытового дискурса об усилении интереса к получению образования в Китае и изучению китайского языка среди молодежи Казахстана. При этом экспертные оценки востребованности специалистов с китайским дипломом и знанием китайского языка в Казахстане не однозначны. С одной стороны, указывается на невостребованность таких специалистов на рынке труда и отсутствие потребностей со стороны китайских компаний нанимать на работу граждан Казахстана, получивших образование в Китае.

С другой стороны, фиксируются экспертные установки на увеличение возможностей получить высокооплачиваемую

работу и устроится в совместные казахстанско-китайские компании.

Выводы:

1. Конструируемый казахстанцами образ Китая – классический пример конструирования образа «Другого», который, теоретически, должен способствовать более эффективному выстраиванию собственной идентичности. Однако, в силу слабости Казахстана как государства и идентификационной фрагментированности его населения, данный образ «Другого» не носит системного характера, не встраивается в модель «дружба/вражда» и не дает возможности выстроить ни государственную, ни национальную идентичность.
2. Восприятие Китая на уровне бытового дискурса является не системным и представлено разнонаправленными нарративами, определяемыми стереотипами, сформированными в процессе социализации (преимущественно – в ходе обучения в школе), а также под влиянием средств массовой информации. Указанные нарративы характеризуются положительным восприятием Китая, взятого самого по себе, вне привязки к Казахстану, и негативной оценкой присутствия Китая в Казахстане. Общая установка населения относительно Китая выражается следующей фразой: «Можно сотрудничать, перенимать знания и технологии, но самое главное для нас – оставаться казахами!»
3. Результаты полевых исследований позволяют утверждать, что на фоне позитивно-нейтрального официального дискурса относительно перспектив сотрудничества Казахстана в рамках BRI, на уровне бытового дискурса фиксируется преимущественно негативное отношение к Китаю, которое ретранслируется и на BRI, и на ее влияние на развитие страны.
4. Основными темами негативных нарративов о Китае и BRI являются:
  - нарастание экономической зависимости Казахстана от Китая;

- риски ассимиляции казахов китайцами, размывание казахской идентичности;
- усиление в Казахстане коррупции, стимулируемой китайскими компаниями;
- негативное воздействие китайской продукции на здоровье и «генофонд» нации;
- негативное воздействие китайских предприятий на экологию, разрушение исконной «среды обитания» казахов;
- дискриминация казахстанских работников, формирование комплекса людей «второго сорта».

Эти темы дополняются и усиливаются тем, что китайцы выступают для казахстанцев «видимым сообществом», жестко, по мнению населения, отличающимся в культурном и языковом плане. Проблему усиливает и политика Пекина в СУАР, воспринимаемая как однозначно враждебная.

5. Экспертный дискурс нейтрально сдержан. Фиксируется тенденция, чем больше эксперт знаком с Китаем (имеет опыт научных стажировок, обучения в Китае), тем более позитивна оценка Китая и BRI. Общее мнение экспертов может быть сформулировано следующим образом: «Китая не надо бояться, Китай надо изучать и сотрудничать, эффективно отстаивая свои собственные интересы».

6. Влияние BRI на социетальные процессы в Казахстане ограничено, с одной стороны, низкой информированностью казахстанцев об Инициативе, а с другой – тем, что сама Инициатива не имеет каких-либо четких рамок. Влияние BRI, главным образом, определяется отношением к Китаю в целом как «большому соседу» и резонансными событиями, связанными с Китаем, ретранслируемыми СМИ и социальными сетями.

Информационные источники:

1. Wæver O. Societal Security: The Concept // Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. – London: Pinter, 1993. – Р. 17-40. (Цитата по: Монбриаль Т. Действие и система мира. – Москва: РОССПЭН, 2005. – С. 240-241.)
2. Республика Казахстан. Закон от 20 декабря 1991 года 1017-ХII О гражданстве Республики Казахстан // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004800>
3. На митинг против браков казахских девушек с китайцами вышли в Астане // Kazday. – 2017. – 11 января // <https://kazday.kz/2017/01/11/na-miting-protiv-brakov-kazakhskikh-devushek-s-kitaycami-vyshli-v-astane/>
4. «Противостояние» казахстанцев и китайцев: в чем причина конфликтов, происходящих на китайских нефтяных предприятиях // Караван. – 2018. – 3 марта // <https://www.caravan.kz/news/protivostoyanie-kazakhstanцев-i-kitajcev-v-chem-prichina-konfliktov-proiskhodyashikh-na-kitajskikh-neftyanykh-predpriyatiyakh-423556/>
5. Хроника синьцзянских лагерей // Радио Азаттык // <https://rus.azattyq.org/a/timeline-chronicles-of-the-xinjiang-camps/29581830.html?nocache=1>
6. Перебежавшей в Казахстан оралманке грозят депортация и сурое наказание в Китае // NewTimes. – 2018. – 29 мая // <https://newtimes.kz/politika/72213-perebezhavshej-v-kazakhstan-oralmanke-grozyat-deportatsiya-i-surovoe-nakazanie-v-kitae>; «Моя судьба стала игрушкой». Сауытбай заявила о давлении на изувавшую прошение об убежище комиссию // Радио Азаттык. – 2019. – 28 марта. <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-sairagul-sauylbay-case/29847776.html>
7. Митинги против «продажи» земли в Казахстане: хронология событий // Dixinews.kz – 2016. – 4 мая. <https://dixinews.kz/articles/zhizn/21774/>
8. Волков В. Волна протестов в Казахстане: земельный вопрос

как повод? // DW. – 2016. – 6 мая. // <https://www.dw.com/ru/волна-протестов-в-казахстане-земельный-вопрос-как-повод/a-19239492>

9. Тойкен С. «Против китайских заводов». Выступление в Жанаозене и акции солидарности // Радио Азаттык. – 2019. – 3 сентября. <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-zhanaozen-anti-chinese-protest/30144860.html>; «Нет китайской экспансии!» Отклик на призыв жанаозенцев – 2019. – 4 сентября. // Радио Азаттык <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-rallies-kazakhs-protest-chinese-money-influence/30146250.html>

10. Иванов Р. Китайская миграция в Казахстан: не так страшен черт, как его малюют – эксперт // 365info.kz. – 2019. – 11 сентября. <https://365info.kz/2019/09/kitajskaya-migratsiya-v-kazahstan-ne-tak-strashen-chert-kak-ego-malyuyut-ekspert>

Бурнашев Р.Р.

Влияние Инициативы «Один пояс и один путь» на политику безопасности в Казахстане

Методология

В качестве методологии исследования в статье принят подход к рассмотрению военного сектора, предложенный в книге «Security: A New Framework for Analysis» [1], опирающийся на концепцию секьюритизации, понимаемой как дискурсивная практика, посредством которой в сообществе формируется готовность рассматривать те или иные вопросы в качестве экзистенциональной угрозы для определенного, представляющего ценность, референтного объекта, а также готовность требовать принятия безотлагательных и исключительных мер по противостоянию такой угрозе [2,491]. Идея секьюритизации предполагает, что восприятие угроз, уязвимостей, безопасности или небезопасности в большей степени является социальным конструктом, нежели чем-то объективно существующим. Вместе с тем, в определенных условиях секьюритизация происходит легче. Например, соседнее хорошо вооруженное государство с исторически агрессивной политикой легче представить в качестве угрозы, чем отдаленное государство с относительно небольшой армией. Соответственно в восприятии вопросов безопасности возможны как паранойя (секьюритизация надуманных вызовов и рисков), так и самоуспокоенность (десекьюритизация очевидных угроз или отказ от их осмысления).

Под вопросами, относящимися к военному сектору, в статье понимаются взаимодействия, связанные с отношениями насилиственного принуждения [1, 7] и возникающие в результате внутренних и внешних процессов, посредством

которых сообщества создают (разрушают) и поддерживают (не поддерживают) механизмы управления не на основе согласия (как в политическом секторе), а базируясь на силе.

Анализ военного сектора в отношении Казахстана к BRI определяется также тем, что Казахстан – слабое государство [3] и как любое государство подобного типа испытывает недостаток наиболее фундаментальных качеств государства – «эффективных институтов, монополии на инструменты насилия и консенсус относительно идеи государства» [4, 187].

Исследование опирается на анализ официальных документов, публикаций в средствах массовой информации, а также глубинных интервью с казахстанскими экспертами, проведенных в рамках проекта «Инициатива «Один пояс и один путь»: перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии (на примере Казахстана)», реализованного под эгидой Представительства Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии.

Введение

Традиционно, в военном секторе ключевым, хотя и не единственным референтным объектом выступает государство или страна (как социально-политическое единство территории, населения, государственных институтов и процессов управления), а легитимно представляющие государственные органы – правительства – выступают как ключевые секьюритизирующие акторы. Это определяется как тем, что государства, как правило, обладают гораздо большими силовыми (военными) ресурсами, чем другие акторы, так и тем, что в модернистских государствах предполагается, что правительства должны обладать монополией на насилие (законное право применять силу). Такой подход достаточно четко закрепляется в казахстанском

официальном дискурсе по вопросам военного сектора, который, фактически не выходит за рамки официальных документов программного и доктринального характера.

Модернистское государство определяется идеей суверенитета – притязанием на исключительное право самоуправления над определенной территорией и ее населением. Право на применение силы в таком государстве реализуется в двух направлениях:

- на положение государства по отношению к другим участникам международной системы – защиту суверенитета от внешних угроз через противостояние применению силы и угрозы силой со стороны внешних акторов, основанное на взаимоотношении наступательного и оборонительного потенциала государств, с одной стороны, а с другой, восприятия государствами возможностей и намерений друг друга [5, 19-20];
- на внутреннее устройство и жизнь государства – защиту от внутренних угроз суверенитету через поддержание гражданско-го порядка и мира, территориальной целостности и механизмов управления и права перед лицом вызовов со стороны своих граждан [6] в форме вооруженных сепаратистских, революционных, террористических или преступных организаций и движений [1].

В четвертой статье Закон РК «О национальной безопасности» четко фиксирует внутреннюю и внешнюю составляющие военного сектора, понимая под военной безопасностью «состояние защищенности жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства от внешних и внутренних угроз, связанных с применением военной силы или намерением ее применения» [7].

Логика угроз и уязвимостей: внешний вектор

Военная повестка с точки зрения анализа положения государства по отношению к другим участникам международной системы имеет свою собственную логику и

технологический императив – дилемму безопасности [8], под которой понимается ситуация, когда действия одного государства, направленные на укрепление собственной безопасности, ведут к снижению безопасности других государств, поскольку каждое государство интерпретирует свои действия как оборонительные, а действия других – как потенциально угрожающие [9, 7], [10, 58-113]. Очевидно, что дилемма безопасности в отношениях Казахстана и Китая, даже если бы она артикулировалась в официальном дискурсе Казахстана, может носить крайне специфичный характер как в силу несопоставимости военных потенциалов двух стран [11], так и в силу отсутствия у Казахстана союзнических отношений с другими государствами, которые могли бы уравновесить дисбаланс в военных потенциалах. Военная безопасность Казахстана в отношении Китая в этом плане определяется исключительно действующей системой международных отношений и соответствующими нормативами, а также вовлеченностью в регион Казахстана (Центральную Азию) ряда держав регионального и глобального уровня, таких как Россия и США, то есть – структурой системы международных отношений [12]. Соответственно, действия правительства Казахстана и его представителей в военном секторе направлены, прежде всего, на поддержание существующей системы международных отношений и ее норм и принципов через акцентирование важности сохранения тех или иных абстрактных или коллективных принципов (например, «соблюдение ... невмешательства во внутренние дела других государств», «укрепление режимов нераспространения оружия массового поражения») [13]. В значительной степени это усиливается и тем, что Казахстан реализует многовекторную внешнюю политику [14] и заявляет, что его военная политика направлена на «создание системы международных отношений, в которой значение военной силы минимизируется». Более того в

Военной доктрине Казахстана указывается, что Казахстан «ни одно из государств не рассматривает в качестве противника» [13]. Китай, как и иные государства, в Военной доктрине не упоминается вообще – ни как союзник, ни как потенциальный противник. Фактически Казахстан отказывается от выстраивания военного сектора в рамках структуры отношений «дружба и вражда». Это позволяет Казахстану практически полностью отказаться не только от акцентирования связанных с BRI угроз военного характера, но даже вызовов и рисков. Как отмечает один из проинтервьюированных экспертов, «проблема ... рисков (связанных с реализацией BRI) обуславливается только в одном. Насколько мы готовы осознавать эти риски?» [Экспертное интервью № 6. Алматы, 18 июля 2019 года].

Вместе с тем, косвенная ссылка к Китаю, как партнеру Казахстана, может быть зафиксирована через меры обеспечения военной безопасности, в качестве которых, в Военной доктрине указываются:

- расширение партнерства и сотрудничества с другими государствами и международными организациями в целях формирования международной системы безопасности и снижения значимости военной силы в разрешении межгосударственных и внутригосударственных противоречий;
- развитие системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ и ШОС.

Также в Военной доктрине указывается, что «В случае втягивания Республики Казахстан в военный конфликт высокой интенсивности в интересах вооруженной защиты государства будут использоваться силы и средства организаций коллективной безопасности, в которых состоит Республика Казахстан». Одной из таких организаций выступает ШОС, соответственно, Казахстан рассматривает Китай как партнера через систему взаимодействий, встроенную в рамки этой организации. Насколько данное

партнерство может быть связано с BRI остается открытым вопросом.

По мнению экспертов, Китай, продвигая в Казахстане экономические инициативы, будет делать ставку на стабилизацию здесь политической ситуации, соответственно – поддерживать действующее правительство [Экспертное интервью № 1. Алматы, 27 июля 2019 года]. Одновременно с этим ставка будет делаться на безопасность китайских экономических вложений как в плане защиты инвестиций (через поддержку стабильности экономики Казахстана), так и в плане защиты своих инфраструктурных и производственных проектов от террористической и экстремистской активности (через поддержку казахстанских силовых структур, структуры ШОС и, возможно, частные военные компании) [Экспертное интервью № 6. Алматы, 18 июля 2019 года].

Нейтральное и в некоторой степени позитивное позиционирование Китая в военном секторе определяется и тем, что между Казахстаном и Китаем практически сняты вопросы, выступающие основанием для военной напряженности в традиционном смысле. Как было показано в ряде исследований, на международном уровне защищенность слабых государств, к которым относится и Казахстан, от соседних стран обеспечивается тем, что они разделяют «вестфальские» нормы международных отношений (принципы нерушимости границ, суверенитета, невмешательства во внутренние дела) [15], [16, 12-13]. Поддержание мира и безопасности здесь происходит не через достижение баланса сил, а на основе собственно слабости государств и формирования специфической версии плюралистического сообщества безопасности [17], [18]. Казахстан и Китай придерживаются «вестфальских» норм взаимоотношения государств и не имеют территориальных претензий друг к другу [19], [20]. Некоторые другие болевые точки, такие как

регулирование использования трансграничных водных ресурсов, находятся в режиме активного диалога.

Документ, непосредственно затрагивающий вопрос реализации BRI в Казахстане, – План сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «Нұрлы Жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути» [21] – также фиксирует, что Казахстан и Китай – «дружественные соседи», и закрепляет широкий спектр приоритетов сотрудничества, в которые, однако, вопросы военного взаимодействия не входят. Аналогичный подход фиксируется в Концепции внешней политики Республики Казахстан, где Казахстан планирует углублять «всестороннее стратегическое сотрудничество» с Китаем в целом ряде сфер и секторов, но военный сектор не указывается [14].

Косвенно Китай (те или иные его акции) рассматривается в Военной доктрине Казахстана как условие и фактор, которые могут оказать негативное влияние на военную безопасность Казахстана. В частности, в качестве такого условия выделяется «усиление противостояния между мировыми и региональными «державами» в стремлении изменить существующий мировой порядок и расширить сферы влияния в мире или отдельных регионах». Очевидно, что в качестве одной из таких держав может рассматриваться Китай. Как отмечает один из проинтервьюированных экспертов «Китай ... уже полноценно объявил о том, что он хочет и будет стремиться стать державным государством, т. е. понятие bipolarности, многополярности уже начинает разрушаться, потому что китайские амбиции приводят к этому» [Экспертное интервью № 6. Алматы, 18 июля 2019 года]. Также отмечается, что активность Китая может спровоцировать действия других международных акторов, что приведет к столкновению их интересов [Экспертное интервью № 3. Алматы, 17 июля 2019 года]. Так, по экспертной оценке, BRI «будет способствовать формированию большей уязвимости Казахстана в плане

военной логистики» [Экспертное интервью № 5. Алматы, 17 июля 2019 года]. Сходные оценки фиксируются и в ряде аналитических текстов, оценивающих геополитическое влияние BRI. Например, Международная кризисная группа указывает, что, улучшая связи со странами своей периферии за счет создания общественных благ, «Китай, используя свои преимущества (огромные резервы капитала, дешевые кредиты, разработку новых технологий, производственные и строительные мощности), закладывает экономическую базу для того, чтобы в дальнейшем оказывать политическое влияние и формировать новую повестку глобализации уже на собственных условиях» [22].

Таким же образом деятельность Китая может рассматриваться как фактор, влияющий на военную безопасность Казахстана, зафиксированный в Военной доктрине как «стремление государств или военно-политических союзов расширить сферы влияния в Республике Казахстан для установления контроля над ее стратегическими ресурсами и транспортной инфраструктурой». Указанные интерпретации могут быть применены и к BRI, в частности. Так, по экспертной оценке, существуют страхи, что «Китай будет пытаться ... получать не только экономические, но и политические дивиденды из своего инвестирования» и что «вслед за деньгами и бизнесменами идут и политики, в том числе и военные, то есть те, которые пытаются продвигать какие-то свои военно-политические, геополитические интересы» [Экспертное интервью № 2. Алматы, 18 июля 2019 года].

Наконец, возможно косвенное акцентирование некоторых действий Китая как угроз, прежде всего – в сфере кибербезопасности: в Военной доктрине этот вектор фиксируется как «деятельность государств, народов, социальных групп, направленная на снижение военного и военно-экономического потенциала государства информационно-психологическим и

программно-техническим воздействием (кибер-атаками)», которая оценивается как угроза военной безопасности Казахстана. Такая постановка вопроса является крайне вероятной, с учетом того, что по данным компании FireEye, специализирующейся на предоставлении решений и услуг по сетевой безопасности, Китай ведет активную шпионскую деятельность в кибер-пространстве для поддержки BRI посредством как сбора бизнес-аналитики по крупным проектам и соглашениям, так и через отслеживание динамики политических процессов, которые могут повлиять на китайские инвестиции и деятельность, связанную с BRI [22, 30-31].

Логика угроз и уязвимостей: внутренний вектор

Военная повестка с точки зрения анализа поддержания внутреннего порядка Казахстана как слабого государства имеет в качестве своего императива дилемму небезопасности. Один из основных признаков слабого государства – фрагментированность: здесь существует множественность центров, которые конкурируют между собой, чтобы сохранить и защитить собственные практики, секьюритизируя не государственный интерес, а групповые, внешние для государства, ценности и цели. Каждая социальная группа (этническая, религиозная, группа влияния), выступающая как один из множества центров, стремится повысить собственную безопасность, что воспринимается другими группами как вызов или угроза их безопасности и, соответственно, порождает у них ответные действия. Иначе говоря, рост безопасности одной социальной группы производит небезопасность в системе в целом. Поскольку правительство в слабых государствах выступает как режим и, соответственно, представляет одну из социальных групп, любая попытка с его стороны укрепить собственную безопасность или даже

установить эффективное государственное управление провоцирует вызовы для него со стороны влиятельных социальных групп, сопротивление и дальнейшее расшатывание институциональной основы государства [4, 187]. Такая ситуация описывается как дилемма внутренней небезопасности (insecurity dilemma) [16].

В слабом государстве действуют субъединицы, которые представляют интерес с точки зрения военного сектора либо в силу способности формировать военную или внешнюю политику государства, либо потому, что они способны самостоятельно принимать решения. Наиболее очевидными из них являются правительства (в данном случае – в узком понимании термина, как нынешние обладатели власти). Правительства могут иметь собственные интересы выживания (обычно – стремление сохранить за собой власть), которые нужно отличить от национальных интересов (обычно определяемых с точки зрения угроз суверенитету или выживанию государства). Важную роль могут играть и другие бюрократические структуры (министерства обороны, иностранных дел и другие). Однако в казахстанском дискурсе, репрезентирующим государство как референтный объект, дифференциации относительно военных аспектов BRI не фиксируются – эти аспекты просто не артикулируются. Военно-промышленный комплекс Казахстана также не позиционирует свои интересы в связи с BRI. Тем не менее, по экспертным оценкам, среди казахстанской бюрократии можно выделить группы синофобов и синофилов [24]. Последние так или иначе поддерживаются Китаем и являются достаточно влиятельной силой [Экспертное интервью № 4. Алматы, 17 июля 2019 года]. Формирование прокитайски настроенных слоев в среде деловой и политической элиты как риск, в том числе и в военном секторе, отмечают и другие эксперты [Экспертное интервью № 5. Алматы, 17 июля 2019 года]. Фиксируется

усиление коррупционного давления со стороны представителей китайских компаний на казахстанскую бюрократию [25].

В Казахстане, как слабом государстве, в качестве референтных объектов военного сектора выступает не только государство, но и некоторые иные объекты, что порождает дискурсы, альтернативные официальному. Так, этнический компонент государственного строительства, четко фиксируемый в Казахстане, акцентирует в качестве референтного объекта казахов как титульную нацию. Очевидно, для таких мало институционализированных единиц, как нации (этнические группы), правила определения репрезентативных секьюритизирующих акторов менее ясны, и легитимность попыток говорить о безопасности определяется масштабом и глубиной поддержки, которую они получают. В Казахстане такими акторами, в отношении BRI, как правило, выступают или представители так называемого «национал-патриотического крыла» (этнонационалисты), или субъекты экономической деятельности (казахстанские рабочие) в рамках трудовых конфликтов.

Этнонационалисты активно используют исторические и материальные условия, способствующие секьюритизации Китая и его политики, а также влияющие на взаимодействие с Китаем (в том числе – восприятие BRI) достаточно системным образом. Как правило, указывается на историческое противостояние казахов и китайцев, различия в масштабах двух государств, а также некоторые особенности внутренней политики Китая, прежде всего – в отношении мусульманских групп населения в СУАР [14]. Как отмечается в экспертном интервью «Казахстан не может равнодушно относиться к судьбе своих соплеменников ... другое дело, что все это должно делаться в рамках норм международного права, ... соблюдая принципы приоритета национального законодательства» [Экспертное интервью № 2. Алматы, 18 июля 2019 года]. Также подчеркивается, что политика Китая в СУАР может

спровоцировать «вооруженное восстание, которое будет оказывать влияние на весь регион» [Экспертное интервью № 4. Алматы, 17 июля 2019 года]. Эти особенности препятствуют процессу десекьюритизации восприятия Китая в Казахстане, даже если сложившиеся политические и военные реалии не создают объективных оснований для восприятия политики Китая как угрозы. Показательны в этом плане так называемые «земельные митинги», прошедшие в Казахстане в 2016 году. Хотя главной темой выступлений было недовольство планируемой руководством Казахстана земельной реформой, участники митингов высказывали также недовольство относительно возможности продажи земель китайским компаниям (в том числе – в связи с их подходом к найму персонала и отношением к окружающей среде) и наплыва китайских мигрантов [26].

Важное значение имеет и финансово-экономический фактор, страх того, что, если Казахстан не сможет вернуть полученные от Китая займы, страна вынуждена будет идти на политические и территориальные уступки [Экспертное интервью № 1. Алматы, 27 июля 2019 года].

Трудовые конфликты, в том числе – в насильственной форме, достаточно часто инициируемые казахстанскими рабочими, как правило, связаны с притоком в Казахстан китайской рабочей силы и восприятием казахстанскими рабочими условий работы китайцев как более выгодных и, соответственно, несправедливых [27]. Как указывает Международная кризисная группа, «китайские политики привыкли иметь дело с узким кругом правящей элиты и сбрасывать со счетов общественное мнение» [22, 16], что в перспективе может обернуться ростом недовольства и конфликтности, в том числе – в насильственной форме.

В связи с реализацией Инициативы «Один пояс и один путь» в качестве референтных объектов могут начать позиционироваться проекты, реализуемые в рамках этой

Инициативы. Если ранее Китай отказывался от любой идеи развертывания своих вооруженных сил в Центральной Азии, независимо от наличия или отсутствия угроз для граждан Китая или инвестиций [28, 6], то в 2014 году, по данным, предоставленным экспертами, на заседании Казахстанско-китайского комитета по сотрудничеству китайской стороной был поднят вопрос об охране их инвестиционных проектов. На данный момент Казахстан исходит из того, что он способен самостоятельно гарантировать военную безопасность этих объектов [Экспертное интервью № 1. Алматы, 27 июля 2019 года]. Тем не менее нужно учитывать, что политика Китая направлена на создание вокруг своих зарубежных проектов, в том числе – транспортных, инфраструктуры, помимо прочего направленной на их защиту [Экспертное интервью № 2. Алматы, 18 июля 2019 года]. Можно говорить и о «косвенных путях» решения вопросов безопасности и продвижения военных инициатив, например, через частные военные и охранные компании [Экспертное интервью № 5. Алматы, 17 июля 2019 года] или долю в их финансировании, а также через механизмы лоббирования и компрадорскую часть бюрократии [Экспертное интервью № 3. Алматы, 17 июля 2019 года].

Выводы

1. BRI имеет достаточно ограниченное влияние на военный сектор Казахстана.
2. В официальном дискурсе Китай, предлагаемые и реализуемые им проекты рассматриваются в терминах партнерства, в том числе – через механизмы ШОС. Отсутствие открытого позиционирования Китая как потенциального противника обуславливается как отсутствием каких-либо возможностей у Казахстана достичь паритета в военном секторе с Китаем, так и взаимной приверженностью двух стран «вестфальским» нормам между-

народных отношений.

3. Косвенно, Китай и BRI рассматривается в официальном дискурсе Казахстана как условие и фактор, которые могут оказать негативное влияние на военную безопасность Казахстана: как через возможное нарушение сложившегося вокруг Казахстана баланса сил и интересов, так и за счет расширения сферы влияния Китая в Казахстане и Центральной Азии.

4. В альтернативных дискурсах, как правило, акцентируются экономические и идентификационные вопросы, имеющие перспективу трансформироваться в проблемы, решение которых может предполагать применение силы (например, привлечение китайских или связанных с Китаем частных военных компаний для обеспечения безопасности китайских инвестиций и инфраструктурных объектов).

Информационные источники:

1. Buzan B., Wæver O., De Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998.
2. Buzan B., Wæver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
3. Burnashev R. Security Challenges in Central Asia. – L'Europe en formation. – 2015. – Vol. 375 (1). – P. 106-122.
4. Jackson R. Regime Security // Contemporary Security Studies. – Oxford: Oxford University Press, 2010.
5. Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. – 2d ed. – Boulder: Lynne Rienner; Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991.
6. Ayoob M. The Third World Security Predicament: State Making, Regional Conflict, and the International System. – Boulder: Lynne Rienner, 1998.
7. Республика Казахстан. Закон от 6 января 2012 года № 527-IV О национальной безопасности Республики Казахстан // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // http://

adilet.zan.kz/rus/docs/Z1200000527

8. Herz J. Idealist Internationalism and the Security Dilemma// World Politics. – 1950. – Vol. 2 (2). – P. 157-180.
9. Herz J. Political Realism and Political Idealism. – Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
10. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. – Princeton: Princeton University Press, 1978.
11. The Military Balance: 2019. – London: International Institute for Strategic Studies, Taylor & Francis, 2019.
12. Бурнашев Р. Анализ вызовов безопасности стран Центральной Азии: центр и периферия // Казахстан в глобальных процессах. – 2015. – № 3. – С. 59-69.
13. Президент Республики Казахстан. Указ от 29 сентября 2017 года № 554 Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1700000554>
14. Президент Республики Казахстан. Указ от 21 января 2014 года № 741 О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2014-2020 годы // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000741>
15. Jackson R., Rosberg C. Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood// World Politics. – 1982. – Vol. 35 (1). – P. 1-24.
16. Job B. The Insecurity Dilemma: National, Regime, and State Securities in the Third World // The Insecurity Dilemma: National Security of the Third World States. – Boulder: Lynne Rienner. – 1992.
17. Deutsch K. Political Community and the North American Area. – Princeton: Princeton University Press, 1957.
18. Adler E., Barnett M. Security Communities. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
19. Республика Казахстан. Закон от 4 июля 2003 года № 469 О ратификации Протокола между Правительством Республики Ка-

захстан и Правительством Китайской Народной Республики о демаркации линии казахстанско-китайской государственной границы // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»
<http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000469>

20. Республика Казахстан. Закон от 29 октября 2015 года № 371-V ЗРК О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о режиме казахстанско-китайской государственной границы // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет»//
<http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000371>

21. Правительство Республики Казахстан. Постановление от 31 августа 2016 года № 518 О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики «Нұрлы Жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» //
<http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518>

22. Сотрудничество вокруг Шелкового пути в Центральной Азии. – Брюссель: Международная кризисная группа, 2017.

23. M-Trends 2019. – Milpitas: FireEye, 2019. – Р. 30-31.

24. Laruelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor. – London: Hurst & Company, 2012.

25. Козачков М. Вот вам и «Хувэй». // Время. – 2019. – 16 августа // <https://time.kz/articles/nu/2019/08/16/vot-vam-i-huavej>

26. Ghiasy R., Zhou J. The Silk Road Economic Belt: Considering security implications and EU-China cooperation prospects. – Solna: SIPRI, 2017.

27. «Противостояние» казахстанцев и китайцев: в чем причина конфликтов, происходящих на китайских нефтяных предприятиях // Караван. – 2018. – 3 марта // <https://www.cara>

van.kz/news/protivostoyanie-kazakhstanev-i-kitajcev-v-chem-prichina-konfliktov-proiskhodyashchikh-na-kitajskikh-neftyanykh-predpriyatiyakh-423556/

28. China's Central Asia Problem. – Brussels: International Crisis Group, 2013. Deutsch K. Political Community and the North American Area. – Princeton: Princeton University Press, 1957.

Каратеева Л.Р.

Информационное сопровождение Инициативы «Один пояс и один путь» в Казахстане: подходы и результаты

Понимание геоэкономических и geopolитических последствий реализации Инициативы «Один пояс и один путь» формирует не только позитивные ожидания, но и опасения, как среди истеблишмента ряда третьих стран, так и среди населения стран-участниц. В этом контексте возрастает роль информационного сопровождения, в задачи которого входит создание позитивного имиджа Инициативы и его продвижения в информационном пространстве. Учитывая, что с момента публичного заявления о запуске Инициативы «Один пояс и один путь» прошло шесть лет, возрастает запрос на информационное сопровождение непосредственно самого процесса реализации Инициативы и его результатов.

В классическом понимании логики информационного сопровождения внешнеполитических инициатив принято выделять три элемента, участвующих в процессе: государства-инициаторы, государства-объекты и трети государства [1]. Специфика Инициативы «Один пояс и один путь» заключается в том, что государства-объекты, подключаясь к Инициативе, изменяют свой статус, вступая уже в качестве субъектов ее реализации. Это непосредственным образом влияет на подходы к информационному сопровождению Инициативы. Действия по информационному сопровождению, как правило, включают в себя:

- введение в общественно-политический дискурс основных понятий;
- размещение в местных масс-медиа информационного продукта, отражающего продвигаемую тематику;
- стимулирование научно-аналитической дискуссии путем

организации и проведения научных конференций и экспертных площадок и т. д.

Реципиентное поле, при продвижении любой транснациональной инициативы, имеющей социально-экономическую составляющую, включает в себя, как минимум, два элемента – экспертное сообщество и население. Экспертное сообщество одновременно выступает, как в роли реципиента, так и в роли генератора и ретранслятора информационных потоков. Функциональная значимость экспертного сообщества формируется возможностью адаптировать информацию общего характера к специфическим условиям страны, с одной стороны, и возможностью оказывать влияние на принимаемые заинтересованными игроками решения, – с другой. В то же время воздействование экспертного сообщества несет в себе и ряд рисков. Так, например, выводы, к которым могут прийти эксперты, не обязательно будут соответствовать интересам субъектов, реализующих Инициативу.

В данной статье отражены подходы к информационному сопровождению Инициативы «Один пояс и один путь» на территории Казахстана и результаты предпринимаемых действий. При анализе подходов к информационному сопровождению учитывались деятельность КНР, как государства-инициатора, и Казахстана, как участника Инициативы. Оценка эффективности информационного сопровождения Инициативы проводилась на основе результатов фокус-групповых дискуссий и экспертных опросов, проведенных в рамках проекта «Инициатива «Один пояс и один путь»: перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии (на примере Казахстана)».

Подходы и механизмы информационного сопровождения и продвижения Инициативы

Информационное сопровождение Инициативы в Казахстане, является частью публичной дипломатии КНР, и подчиняется общим принципам периферийной дипломатии. Современные принципы периферийной дипломатии были озвучены Председателем КНР Си Цзиньпином в октябре 2013 года на Симпозиуме, посвященном дипломатической работе. Они предполагают признание чрезвычайной важности периферии и ее высокий потенциал для развития, нацеленность на углубления добрососедства, обоюдное стремление к безопасности и процветанию на основе взаимоуважения и взаимной поддержки [2].

Ключевыми мерами, предпринимаемыми КНР в процессе информационного сопровождения Инициативы, являются:

- меры по повышению авторитетности Инициативы «Один пояс и один путь», ее значимости;
- меры по «национализации» предлагаемой идеи;
- меры, предпринимаемые для «очистки» Инициативы от нежелательных коннотаций [3].

Большинство мер, предпринимаемых в целях повышения авторитетности Инициативы (включение в Решение ЦК КПК по некоторым важным вопросам [4], создание Центральной руководящей группы по строительству «Пояса и пути» и др.) имеют значение для внутренней китайской аудитории, правительств стран-участниц и третьих стран, а также экспертного сообщества. Мерой, ориентированной на широкую аудиторию стран-участниц можно считать только форму ее представления, когда Инициативу озвучил Председатель КНР Си Цзиньпин [5]. Усилия по «национализации» идеи проявляются в наименовании западного вектора развития Инициативы. Так, название «Экономический пояс Шелкового пути» призвано

подчеркнуть исторический аспект процесса и его укорененность в Центральной Азии. Экономический фокус Инициативы и отказ понимания государств ЦА в качестве стран-объектов также предполагает полноценную включенность участников в процесс реализации Инициативы.

«Очистка» Инициативы от нежелательных коннотаций происходит в первую очередь путем постулирования ключевых понятий. В первую очередь КНР, как инициатор «Пояса и пути», обращает внимание на то, что это именно инициатива, а не стратегия, проект и т. д. [6]. Отдельное внимание терминологической стороне вопроса былоделено в «Заявлении о стандартизации перевода «Пояс и путь» на английский язык». Так, в заявлении отмечается, что «Пояс и путь» является именно инициативой. Термин должен употребляться в единственном числе, а такие термины как стратегия, проект, программа и повестка дня не должны использоваться для объяснения сути проекта [7]. Кроме того, в целях формирования позитивного имиджа Китая и, соответственно, его главной транснациональной инициативы, Правительство КНР задействует потенциал Посольства и консульских учреждений. Действия, предпринимаемые дипломатическими структурами, аккредитованными на территории Казахстана ориентированы на:

- стимуляцию научно-аналитической дискуссии путем поддержки и организации экспертных заседаний, конференций, круглых столов и т. п.
- работу с лидерами мнения в лице представителей экспертного сообщества и блогеров. Например, организуются ознакомительные поездки в Китай, в рамках которых демонстрируются культурные, экономические и технологические достижения Восточного соседа.

В то же время казахстанские эксперты, принявшие участие в экспертном опросе обращают внимание на невысокий уровень активности китайских дипломатических структур в работе с

казахстанскими СМИ: «...весь прошлый год мы пытались связаться с китайским Консульством, с Посольством, чтобы просто сделать интервью по поводу последнего съезда КПК, о программе «Пояса и пути» и т. д., но всё это было безрезультатно, потому что китайская сторона не захотела идти на контакт. Либо проигнорировали, либо ответили: «хорошо, мы подумаем» и т. д.» (цитата из экспертного интервью).

Для Казахстана на текущем этапе ключевой задачей информационного продвижения ЭПШП является снижение уровня тревожности населения, проявляемой в отношении Инициативы.

Казахстанский общественно-политический дискурс Инициативы включает в себя официальный и неофициальный (экспертный) дискурсы. Бытовой дискурс Инициативы практически отсутствует, уступая место дискурсу присутствия Китая в Казахстане.

В общих чертах, официальный дискурс ориентирован на продвижение следующих идеологем:

- Пояс Шелкового пути прошел проверку временем. Средневековый Шелковый путь являлся, по сути, первым опытом глобализации мира и позволил евразийским народам занять достойное место в общей архитектуре мира.
- «Один пояс и один путь» – верное решение в условиях уже-стечения геоэкономических и geopolитических условий и роста глобальной конкуренции.
- Инициатива оказалась востребована значимым количеством государств. В настоящий момент к ней присоединились или заявили о готовности присоединиться более 120 государств.
- «Один пояс и один путь» – успешный проект, который позволит Казахстану решить задачи индустриально-инновационного развития и преодолеть вызовы современности.
- Участие в ЭПШП позволит развить дорожно-транспортную инфраструктуру и произведет мультиплексивный эффект. Произойдет развитие сопутствующих строительству производств,

получат импульс к развитию малый и средний бизнес, будут создаваться новые рабочие места.

Экспертный дискурс неоднороден и может отражать, как поддержку официально продвигаемых идеологем, так и критику участия Казахстана в Инициативе. При этом сам по себе факт необходимости подключения РК к ЭПШП не вызывает особых возражений. Критические замечания в большей мере касаются процесса реализации проектов ЭПШП в Казахстане [8], а также низкий импакт экспернского и общественного мнения на принимаемые государством решения.

Самостоятельное значение получили критически ориентированные субдискурсы. Среди которых вычленяются дискурсы «долговой ловушки», слабого проектного менеджмента со стороны Казахстана, коррупционной составляющей, непрозрачности, осуществляемых в рамках Инициативы проектов. Доминирующее место в общем пространстве критически ориентированных субдискурсов занимает тема «долговой кабалы», она же стимулирует большое количество инфопотоков, содержащих контраргументацию [9].

Медийное пространство, в рамках которого отражается тематика Инициативы, включает в себя традиционные СМИ – печатные газеты, радио и телевидение, а также новые медиа – интернет-ресурсы и социальные сети. Тональность публикаций на интернет-ресурсах и в социальных сетях зависит от позиции автора. Так, Черных И.А. выделяет следующие субъекты, производящие нарративы относительно Китая в Казахстане: научно-исследовательские и аналитические институты и центры; профессионалы-эксперты, специализирующиеся на изучении Китая; казахстанские социальные активисты, общественные деятели, представители гражданского сектора [10].

В то же время, по мнению экспертов, именно социальные сети и мессенджеры предоставляют большие возможности для продвижения негативной коннотации Инициативы.

Оценка качества информационного сопровождения Инициативы «Один пояс и один путь»

В рамках исследования «Инициатива «Один пояс и один путь»: перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии (на примере Казахстана)» был проведен экспертный опрос, в ходе которого экспертов спрашивали о том, каким образом они оценивают качество информационного сопровождения Инициативы «Один пояс и один путь» на территории Казахстана, а также насколько тематика Инициативы интересна для населения. Анализ ответов, полученных на первый вопрос, позволяет сформулировать следующие результаты.

Во-первых, практически ни один из опрошенных экспертов не высказал мнения о том, что информационная поддержка Инициативы имеет высокое или, по крайней мере, удовлетворительное качество. В то же время ряд экспертов обратил внимание на то, что официальные структуры умело пользуются своими возможностями.

Во-вторых, анализ высказанных мнений показал, что эксперты при оценке качества информационного сопровождения Инициативы исходят из разнящихся установок. Так, часть экспертов, производят оценку, исходя из того, что информационное продвижение «Пояса и пути» – это дело Китая, как инициатора идеи. Другая часть экспертов видит формирование позитивного имиджа Инициативы как задачу казахстанского Правительства.

В-третьих, у экспертов нет консолидированного мнения относительно причин недостаточного качества

информационного сопровождения Инициативы. Среди причин озвучиваются следующие:

- наличие синофобии, целенаправленно культивируемой посредством неофициальных каналов;
- отсутствие у Китая достаточного опыта в реализации «мягкой силы». По мнению экспертов, для страны характерен высокий уровень забюрократизированности. Отсутствуют гибкость и быстрота реагирования на информационные атаки. Эта же логика, по мнению экспертов, объясняет низкую заинтересованность дипломатических структур КНР в несанкционированных контактах с казахстанскими медиа и экспертами;
- непрозрачность хода реализации проектов, включенных в ЭПШП. Информационный вакуум заполняется народной фантазией. При этом людям легче списать все недостатки и проблемы (культурные, экологические, экономические и др.) на Китай, что объясняет, почему информационный вакуум заполняется преимущественно негативно ориентированными мнениями.

В-четвертых, эксперты склонны воспринимать официальное и неофициальное информационное пространство, отражающее тематику Инициативы как коннотационно гомогенное. Официальные потоки отражают только позитив, неофициальные – только негатив.

По вопросу о том, насколько тематика ЭПШП и, в целом «Пояса и пути», может быть интересна для среднестатистического гражданина страны, большинство экспертов сошлись во мнении, что уровень заинтересованности крайне низок. Население проявляет интерес не к Инициативе, а непосредственно к Китаю, его внутриполитической ситуации и его присутствию в Казахстане. Интерес этот поддерживается различными алармистски ориентированными вбросами информации.

Предположения экспертов относительно низкого уровня заинтересованности казахстанцев в информации об Инициативе «Один пояс и один путь» нашли свое

подтверждение в ходе проведенных пяти фокус-групповых дискуссий. Анализ высказанных в ходе дискуссий мнений позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, уровень осведомленности о проекте крайне низок. Многие из участников услышали об Инициативе впервые во время дискуссии. В качественном измерении ситуация схожая. В большинстве случаев, участники дискуссии, которые имели представление о «Поясе и пути» до начала дискуссии говорят о том, что «слышали в общем плане». Доля тех, кто уделил теме «Пояса и пути» отдельное внимание и самостоятельно пытался ознакомиться с Инициативой, не превышает 10%.

Во-вторых, среди каналов передачи информации, на которую опираются граждане при формировании собственного взгляда на ситуацию, доминирующее положение занимают личные наблюдения и «сарафанное радио».

- «Потому что те люди, кто жил рядом с этими землями, они говорят, что скважины бурят там, всякими химикатами травят, а потом уже уходят и через 3 года там уже ничего не растёт»;
- «Нет, пока таких источников проверенных. Я не уверена, что они там продают. Хотя слухи говорят...»;
- «Дня два назад я ехала с таксистом и, по словам этого таксиста, положение у тех, кто возле моря добывает нефть намного лучше, чем у наших жанажоловцев».

Участники дискуссии также называли в качестве источников информации родственников, телевидение, газеты и Интернет. Однако отмечали, что информации крайне мало, и ее трудно найти.

- «Ну откуда мне это узнать? Где эти проекты? Я что должен заняться этим вопросом, бегать и искать их что ли? Я что-то слышал общее. И то, по-моему, из российских новостей. Да, а местная информация, вообще, – ничего нет. Что, как, какие проекты, какие документы? Никто ничего не знает».
- «Я слышала достаточно мало. В основном от своего мужа. Ну да, больше в негативном аспекте, по вопросам синофобии и, во-

обще о политике Китая. Для чего был создан проект пока что непонятно».

В-третьих, уровень позитива/негатива в восприятии Инициативы разнится в зависимости от региона, в котором проводились дискуссии. Так, практически полное неприятие китайской Инициативы продемонстрировали респонденты из Актобе. Жители Шымкента, признавая наличие выгод от реализации Инициативы, продемонстрировали высокий уровень тревоги в отношении последствий присутствия Китая и высказались против участия Казахстана в «Поясе и пути». Баланс мнений был выдержан в городах Алматы и Нур-Султан. Участники дискуссий в этих городах продемонстрировали как поддержку, так и неприятие Инициативы. Наиболее позитивно оценили Инициативу «Один пояс и один путь» в Усть-Каменогорске.

В-четвертых, восприятие самой Инициативы, выгод и рисков от участия в ней может происходить через призму исторического контекста, поддерживающего как позитивные, так и негативные коннотации:

- «согласно истории по Шелковому пути проникали в разные страны культура, между востоком и западом был не только культурный обмен, но и политический. Был большой обмен опытом, знаниями. Это инициатива дает шанс возродить исторический опыт торговли, обмена культурами»;
- «...надо быть осторожными, наши предки, умоляя, говорили нам: «берегитесь китайцев». Эти слова перешли к нам вместе с молоком матери, генетически, так сказать, любой казах это знает».

Еще одним углом зрения, под которым казахстанцы воспринимают Инициативу является тема китайского присутствия в Казахстане (чаще в контексте синофобии):

- «(Китай будет – прим. автора) усиливать политическое воздействие, контролировать внешнюю политику, вмешиваться в законопроекты, приведет к колониальной зависимости, ... когда

сформируется «нужное» состояние, когда дойдет до кондиции политический накал, тогда китайская диаспора, которая уже будет в Казахстане, начнет дестабилизировать обстановку. ... И Китай, когда придет время, включит все свои ресурсы и станет хозяином положения».

В-пятых, опрошенные граждане при обозначении выгод от участия Казахстана ретранслируют идеологемы, продвигаемые на официальном уровне: «развитие инфраструктуры», «приток инвестиций», «создание рабочих мест», «доходы от транзита» и т. п. Артикуляция рисков, происходит в соответствии с основными постулатами синофобии: «имперские устремления», «утеря суверенитета», «культурные различия», «захват земель», «экологический ущерб» и т. д.

Информационные источники:

1. Фаткулин Б. Сравнительный анализ информационного сопровождения внешнеполитической инициативы «Один пояс и один путь» в электронной прессе ираноязычных государств (Таджикистан, Афганистан, Иран) // Кибер-Ленинка // <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-informatsionnogo-soprovozhdeniya-vneshnepoliticheskoy-initiativy-odin-poyas-odin-put-v-elektronnoy-presse>
2. 习近平在周边外交工作座谈会上发表重要讲话 // Xinhuanet, Běijīng, – 2013. – 25 октября // <http://politics.people.com.cn/n/2013/1025/c1024-23332318.html>
3. Песцов С. Дискурсивная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение Инициативы «Один пояс и один путь» // Известия Иркутского государственного университета, 2017. Т. 22. - С. 155-164 // <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-sila-vo-vneshney-politike-kitaya-interpretatsiya-i-prodvizhenie-initiativy-odin-poyas-odin-put>
4. Постановление ЦК КПК относительно некоторых важных вопросов всестороннего углубления реформ // Russian. Chi-

- na.org.cn – 2014. – 15 января // http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2014-01/15/content_34148517_11.htm
5. Си Цзиньпин. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР в Назарбаев Университете. – 2013. – 16 сентября // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан // <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm>
6. Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века» // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации – 2015. – 23 апреля // <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm>
7. Xie Tao. Is China's «Belt and Road» a Strategy? // The Diplomat, – 2015. – 6 декабря // <https://thediplomat.com/2015/12/is-chinas-belt-and-road-a-strategy/>
8. Бугаенко А. Перепоясать Центральную Азию. // Expert Казахстан – 2018. – 15 мая // <https://expertonline.kz/a15473/>
9. Вопросы и ответы члена Госсовета, Министра иностранных дел Ван И на пресс-конференции, посвященной внешней политике Китая и международным отношениям. // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан – 2019. – 14 марта // <http://kz.china-embassy.org/rus/gyzg/t1645363.htm>
10. Черных И. Представленность Китая в казахстанском сегменте новых масс-медиа (социальных сетях): основные нарративы // Инициатива «Один пояс и один путь»: состояние и перспективы – Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2018. – С.162-168.

III СЕКЦИЯ
«ПОЯС И ПУТЬ» И РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН»:
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Додонов В.Ю.

**Финансовое сотрудничество Казахстана и Китая
в рамках Инициативы «Один пояс и один путь»:
риски и вызовы**

Рассмотрение двустороннего сотрудничества любой страны, особенно развивающейся, с Китаем в настоящее время принято осуществлять с позиций рисков и вызовов для ее экономической и даже политической безопасности. Этот дискурс сформировался в течение последних нескольких лет, проходящих под знаком реализации эпохального проекта Belt&Road Initiative, в ходе которой КНР осуществляет масштабные инвестиции, причем преимущественно в форме предоставления займов. Определенные особенности политической культуры многих развивающихся стран, пользующихся данными кредитами, формируют предпосылки для не совсем рационального их использования, а также ряда злоупотреблений в процессе освоения китайских инвестиций, проецирующихся на весь процесс финансирования проектов BRI и дают основания некоторым наблюдателям видеть данный процесс с определенного ракурса – ракурса использования местных коррумпированных элит для оформления долговой кабалы их стран перед Китаем и в пользу Китая.

Тема растущей задолженности, которая может быть использована для реализации китайских интересов в странах «Пояса и пути», является весьма распространенной и

постоянно поднимается широким кругом политиков, экспертов и общественных деятелей в контексте угрозы суверенитету государств-реципиентов китайских инвестиций. В этой связи в дискурсе обсуждения BRI появился ряд специфических терминов для обозначения соответствующей угрозы, в том числе «долговая ловушка», «дипломатия долговой книги» и пр., используемые в настоящее время, в том числе, и в научных работах. Тема гипотетического попадания стран-реципиентов китайских инвестиций в долговую ловушку подкрепляется как минимум двумя факторами – во-первых, действительно стремительным ростом объемов долгового финансирования развивающихся экономик со стороны КНР и, во-вторых, наличием примеров чрезмерной долговой обремененности ряда малых стран китайскими кредитами и их вынужденными уступками кредитору, как в экономической, так и в политической сферах.

В отношении масштабов долгового финансирования можно отметить, что они действительно растут очень динамично. Как отмечают S. Horn, C. Reinhart, C. Trebesch, объем китайских ссуд и торговых кредитов вырос почти с нуля в 1998 году до 1,6 трлн. долл. в 2018 году, что соответствует примерно 2% мирового ВВП, а основной объем этого финансирования направлен странам со средним и низким уровнем доходов. В результате, на Китай приходится около четверти банковских кредитов развивающимся странам, для которых он стал крупнейшим официальным кредитором, опередив такие институты, как Всемирный банк и МВФ [1]. Что же касается конкретных примеров реального или предполагаемого давления Китая на страны-должники, не способные расплатиться с ним и вынужденные идти на различные уступки ради списания долгов, то они относятся преимущественно к государствам, испытывающим серьезные экономические проблемы и зачастую не имеющие других вариантов их решения, кроме китайской помощи. Так, ставший хрестоматийным пример с передачей Китаю Шри-

Ланкой порта Хамбантота в аренду на 99 лет стал следствием многолетних проблем не только экономического, но и внутриполитического характера в этой стране, обусловивших высокий уровень внешней задолженности. Другие примеры не всегда адекватного сотрудничества с Китаем представляют собой малые государства, не имеющие альтернатив китайскому финансированию и априори идущие на уступки не только экономического, но и политического характера, например, в вопросе о признании Тайваня. Так, в сентябре текущего года о разрыве дипломатических отношений с Тайванем объявили с небольшим интервалом Соломоновы острова и Кирибати, малые тихоокеанские островные государства. Ранее на такого рода страны этого региона приходилась треть дипломатических связей Тайваня, но с 2016 года семь из них разорвали с ним отношения [2] и получили китайские инвестиции, в том числе в рамках проекта BRI. При этом зачастую соответствующие политические решения принимались этими странами не из-за задолженности перед КНР, возникшей в ходе реализации проектов BRI, а авансом, в качестве подготовительного шага для того, чтобы стать партнером по этому проекту и получить китайское финансирование. Последним примером такого рода является подключение тех же Соломоновых островов к BRI, которое состоялось 9 октября, после того, как страна в сентябре разорвала дипотношения с Тайванем.

Наконец, еще одной проблемой в использовании китайского финансирования в рамках BRI является недостаточная прозрачность проектов и примеры завышения цен строительства объектов, которое в слаборазвитых странах, как правило, осуществляется китайскими же подрядчиками ввиду отсутствия собственных. Показательно в этом отношении еще одна малая страна, часто приводимая как объект «долговой ловушки», расставленной КНР. Как часто бывает в таких государствах, после смены руководства, новые власти подвергают ревизии договоренности с КНР, обвиняя

прежних руководителей в заключении невыгодных контрактов и коррупции. Нынешнее руководство Мальдив заявляет, что долг страны перед Китаем достиг 3,4 млрд. долл. (при том, что ВВП в 2018 году составил 5,3 млрд.), а его обслуживание обойдется в 15% бюджета 2020 года [3]. В ходе возникшей дискуссии звучат обвинения в том, что стоимость строительства китайскими компаниями инфраструктурных объектов была в разы выше альтернативной (в качестве альтернативы приводятся предложения конкурирующей индийской стороны), а также в непрозрачности заключенных контрактов и в том, что официальные показатели государственного долга перед Китаем (которые меньше и к которым апеллирует китайская сторона) не показательны, поскольку задолженность Мальдив также включает и государственные гарантии по частным контрактам.

Дискуссии такого рода имеют место и в некоторых странах Центральной Азии, что демонстрирует универсальный характер проблемы. В то же время, на наш взгляд, причины вызовов и рисков, возникающих у некоторых развивающихся стран в процессе привлечения китайского финансирования, носят прежде всего эндогенный характер и обусловлены спецификой политico-экономической ситуации в государствах-реципиентах, а не действиями КНР. Глубинными, исходными предпосылками возникновения высокой задолженности перед Китаем являются проблемы в экономике этих стран, низкий уровень их инвестиционной привлекательности и кредитных рейтингов, не позволяющие получать доступное финансирование из альтернативных источников. Наконец, нельзя не отметить и проблемы с профессиональными качествами государственных должностных лиц, принимающих решения о привлечении долгов в размерах, сопоставимых с национальным ВВП. При этом нельзя также не отметить, что так называемая «долговая ловушка» не является китайским изобретением, а существующий запредельно высокий уровень задолженности

в мире возник далеко не вследствие реализации проекта BRI, но сформирован прежде всего финансовой системой развитых стран, тогда как КНР в последние годы просто начала использовать их традиционный инструментарий экономического взаимодействия со странами «третьего мира». Кроме того, экономики, вовлеченные в проект BRI, испытывают реальную потребность в финансировании своего развития, которая многократно превосходит объемы китайских инвестиций. Так, J. Hurley, S. Morris и G. Portelance показали, что размер ожидаемых в рамках проекта китайских инвестиций в 8 трлн. долл., распределенный на 20 лет и несколько десятков стран, будет эквивалентен примерно 1,5% их ВВП, что существенно ниже их потребностей в инвестициях [4].

Рассматривая китайскую политику финансирования зарубежных проектов в контексте реализации проекта BRI, нельзя не отметить того факта, что после его перехода в активную фазу, с 2015-2016 годов, заметно изменились форматы инвестирования, что отражается в показателях объемов отдельных видов накопленных инвестиций из КНР за рубеж (рис. 1).

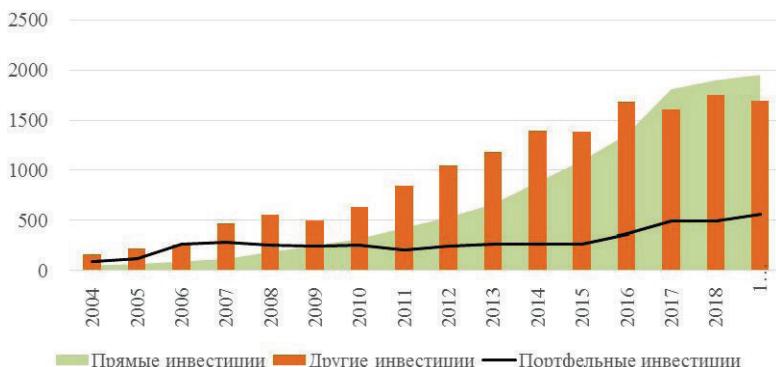

Рисунок 1. Динамика объемов накопленных инвестиций КНР за рубеж по основным видам, млрд. долл. США [1]

Ранее основной формой осуществления зарубежных китайских инвестиций были различные инструменты предоставления заемных средств, учитываемые преимущественно в таком виде инвестиций, как «другие инвестиции», на которые перед стартом проекта в 2012 году приходилось 57,6% накопленных зарубежных инвестиций КНР без учета резервных активов. В процессе же реализации BRI доминирующим видом стали прямые инвестиции, удельный вес которых постоянно рос и по итогам первого полугодия 2019 года достиг 46,4% при том, что в 2007 году он составлял всего 13,3%. Перенос акцентов с долгового финансирования зарубежных проектов на прямое инвестирование свидетельствует о снижении актуальности тезиса о гипотетической долговой зависимости стран, участвующих в BRI.

Данный сдвиг в форматах зарубежного инвестирования в период реализации проекта BRI отмечен и в Казахстане, где также произошло смещение акцентов от других инвестиций (то есть, разного рода займов) к прямым инвестициям, рост которых начался с 2015 года (рис. 2). В 2017 году этот вид инвестиций стал превалирующим, а его удельный вес в общем объеме накопленных китайских инвестиций достиг 60,5%, увеличившись более чем вдвое относительно уровня 2013 года (28,2%).

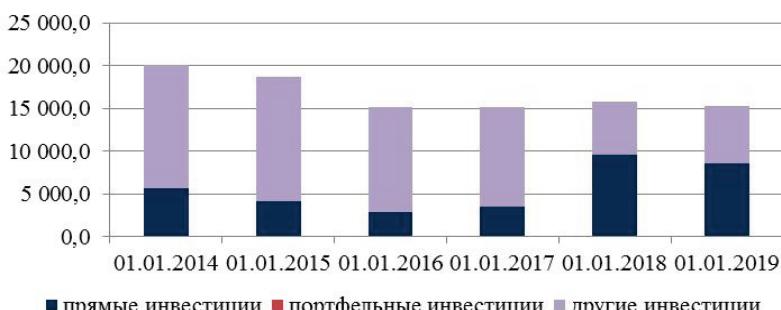

Рисунок 2. Объемы накопленных инвестиций из КНР по основным видам в 2013-2018 гг., млн. долл. [2]

Таким образом, можно сделать вывод, что за период реализации Инициативы «Один пояс и один путь» характер китайских инвестиций в Казахстан существенно изменился и основной формой сотрудничества КНР с Казахстаном стали прямые инвестиции, а не займы различных видов, отражающиеся в статистике «других инвестиций». Впрочем, необходимо отметить, что среди прямых инвестиций в Казахстан также значительную долю занимают долговые инструменты (по общему объему накопленных ПИИ из всех стран их доля на 1 октября 2018 года превышала 63% [6]), поэтому указанные изменения в структуре инвестиций не в полной мере отражают степень привлекаемого в Казахстан китайского долгового финансирования. Также обращает на себя внимание и тот факт, что и после произошедших изменений в структуре китайских инвестиций в Казахстан, удельный вес прямых инвестиций все равно остается ниже, чем у всех накопленных в стране иностранных инвестиций (рис. 3).

Рисунок 3. Сравнительная структура основных видов иностранных инвестиций в Казахстан, инвестиций в Казахстан из КНР и инвестиций КНР за рубеж в целом в 2018 году, млн. долл. США [3]

Вопрос о структуре китайских инвестиций в Казахстан прямо связан с проблематикой вызовов и угроз в контексте потенциальной реализации сценария «долговой ловушки» для национальной экономики от чрезмерно тесного сотрудничества с КНР. Структура инвестиций имеет непосредственное отношение к проблематике долга перед китайскими контрагентами, поскольку долговые инструменты также отражаются статистикой в качестве инвестиций, такими их подразделами, как «долговой инструмент» в составе прямых инвестиций, а также «кредиты и займы», «торговые кредиты и авансы» и прочее в составе других инвестиций. Таким образом, поскольку разного рода заемные средства, теоретически способные стать инструментом давления со стороны кредиторов, сосредоточены преимущественно в «других» инвестициях, снижение объема накопленных инвестиций этого вида, произошедшее за последние пять лет (см. выше рис. 2) снижает возможность возникновения соответствующих вызовов и угроз.

Снижение рисков долгового давления на Казахстан со стороны КНР подтверждается также и статистикой внешнего долга, ведущейся Национальным банком РК. В период реализации BRI наблюдается сокращение общего объема внешнего долга Казахстана перед Китаем (рис. 4). При этом можно отметить, что отдельные секторы экономики демонстрировали отличающуюся динамику внешнего долга – максимальное сокращение продемонстрировали «другие секторы» (нефинансовые компании), объем долга которых сократился с 2013 года в 2,5 раза, при этом существенно сократился долг банковского сектора (в 1,5 раза). Рост произошел по линии межфирменной задолженности и был обусловлен, очевидно, увеличением притока прямых инвестиций в те же 2017-2018 годы (см. рис. 2). Также появился и растет отсутствовавший ранее гарантированный государством долг. При этом отдельно можно отметить, что

государственный сектор Казахстана как таковой не имеет внешнего долга перед Китаем.

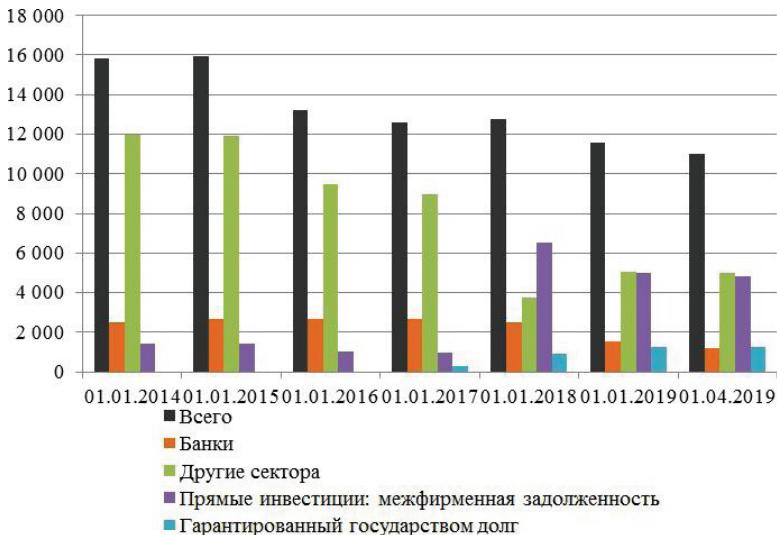

Рисунок 4. Динамика внешней задолженности Казахстана перед Китаем в 2013-2019 гг. по секторам, млн. долл. [4]

Таким образом, проблема роста задолженности Казахстана перед Китаем в период реализации проекта BRI не только не обостряется, но напротив, теряет свою остроту. При этом необходимо отметить, что данная проблема и до начала реализации этого проекта не была чрезмерно острой. По итогам 2013 года на Китай приходилось 10,6% внешнего долга Казахстана, а по состоянию на 1.04.2019 этот показатель снизился до 7,0%. Таким образом, в Казахстане сценарий гипотетической «долговой ловушки» BRI не имеет признаков реализации.

Даже если рассматривать в качестве предпосылок возникновения рисков в двусторонних отношениях присутствие китайских инвесторов в Казахстане в целом, а не только предоставляемых ими заемных средств, гипотетическая

вероятность таких рисков в течение периода реализации проекта BRI снижается, что подтверждается показателями как притока инвестиций из КНР, так и их накопленного объема (табл. 1). Объем валового притока китайских прямых инвестиций в Казахстан на протяжении большей части периода реализации BRI снижался, что обусловило и снижение удельного веса КНР в зарубежных инвестициях в Казахстан как в части прямых, так и всех инвестиций в целом. Если в год объявления проекта Экономического пояса Шелкового пути доля КНР в валовом притоке ПИИ в Казахстан составляла 9,3%, то по итогам 2018 года она сократилась до 6,1%. Также сократилась за последние годы и доля КНР в общем объеме накопленных иностранных инвестиций всех видов – с 9,6% в 2013 г. до 6,9% в 2018 г.

Таблица 1. Динамика и роль инвестиций из КНР в Казахстане [5]

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Валовой приток ПИИ из КНР	2246,0	1807,5	833,9	975,2	1082,5	1489,4
Валовой приток ПИИ в Казахстан	24098	23809	15368	21367	20960	24276
Доля КНР, %	9,3	7,6	5,4	4,6	5,2	6,1
Накопленные инвестиции всех видов из КНР	20101	18659	15103	15153	15841	15212
Накопленные иностранные инвестиции в Казахстан всех видов, всего	209098	213869	198453	218217	227392	219237
Доля КНР, %	9,6	8,7	7,6	6,9	7,0	6,9

Сокращение удельного веса инвестиций из КНР в общем объеме иностранных инвестиций в Казахстан, а также сокращение абсолютных размеров их накопленного объема выглядит труднообъяснимым на фоне заявлений китайской стороны о росте инвестирования в Казахстан – так, в конце 2018 года в китайской прессе было заявлено, что «различные китайские организации расширили кредитование до более чем 40 млрд. долл. для Казахстана, сделав Китай крупнейшим кредитором Казахстана в части коммерческих займов» [9]. Также известно, что осуществляется реализация пяти десятков совместных проектов, которая вызывает определенный общественный резонанс. Трехкратное расхождение казахстанских и китайских оценок объемов инвестиций из КНР может иметь несколько объяснений. Наиболее очевидное заключается в том, что китайская сторона сообщает не фактически поступившие в Казахстан объемы средств, а цифры, фигурирующие в подписанных соглашениях и меморандумах, которые рассчитаны на многолетний период, тогда как статистика Национального банка фиксирует фактический объем уже поступивших средств. Другим объяснением может быть то, что представители КНР озвучивают объемы китайских средств, даже если они прошли через другие юрисдикции и поэтому, формально, отражаются в казахстанской статистике как имеющие происхождение иной страны (например, Нидерландов или иных территорий, через дочерние компании которых действуют в Казахстане некоторые китайские фирмы).

Что касается расхождения между планируемыми и фактически осуществленными инвестициями, то масштабы этого расхождения можно проиллюстрировать на примере пресловутых «55 китайских заводов, переносимых в Казахстан». В этой трактовке, ставшей одним из общественно-политических (но не экономических) вызовов для двусторонних отношений в 2019 году, речь идет о

Межправительственном соглашении между Казахстаном и Китаем об укреплении сотрудничества в области индустриализации и инвестиций, которое было подписано в 2015 году. В его рамках планировалось создание 55 совместных предприятий с общим объемом инвестиций в 27,6 млрд. долл. Позднее это соглашение изменялось в части и количества предприятий, и их состава, и объема планируемых инвестиций. В настоящее время, по данным Министерства индустрии и инфраструктурного развития, 13 производств и контрактов на 3,7 млрд. долл. уже реализованы, 12 проектов на 5,7 млрд. долл. находятся на стадии реализации, 22 проекта только разрабатываются, а восемь – заморожены [10].

Если сопоставить данные по этим 55 проектам с вышеупомянутыми данными по китайским инвестициям, то они в значительной мере сопоставимы. Реализация с 2015 года 13 производств с объемом инвестиций в 3,7 млрд. долл. вписывается в объем поступивших за 2015-2018 годы прямых инвестиций из КНР в размере 4,3 млрд. долл., а общий объем заявленных проектов в 27 млрд. долл. представляет собой большую часть из озвучиваемых китайской стороной объемов инвестиций в 40-50 млрд. долл. (оставшаяся часть также корреспондируется с казахстанскими данными об объеме накопленных китайских инвестиций в 18,7 млрд. долл. на конец 2014 года).

Несмотря на приток инвестиций из КНР в годы реализации проекта BRI, существует также и обратный процесс, а итоговый результат входящих и исходящих инвестиций, как показывают приведенные выше данные (табл. 1) скорее отрицателен, поскольку абсолютный объем накопленных инвестиций всех видов из КНР в Казахстане снижается. Кроме того, нельзя не отметить и тот факт, что стагнация роста китайских инвестиций в Казахстан происходит на фоне их очень интенсивного увеличения в другие страны. В период с 2013 по 2018 годы объем

накопленных инвестиций всех видов из КНР в мире вырос в 2 раза – с 2106 до 4156 млрд. долл. Интенсивный рост китайских инвестиций в мире наряду со снижением их объема в Казахстане обусловили снижение удельного веса Казахстана в «портфеле» китайских глобальных инвестиций с 1% в 2013 году до 0,36% в первом полугодии 2019 года, то есть, в 2,5 раза (табл. 2).

Таблица 2. Накопленные инвестиции всех видов КНР за рубеж (без учета резервных активов) и доля в них Казахстана, млрд. долл. США, если не указано иное [6]

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	I полу- годие 2019
Накопленные инвестиции КНР за рубеж	2106	2539	2746	3404	3907	4150	4209
Накопленные инвестиции КНР в Казахстане	20,1	18,7	15,1	15,2	15,8	15,2	15,3
Доля Казахстана в инвестициях КНР за рубеж, %	0,95	0,74	0,55	0,45	0,40	0,37	0,36

При этом особенно интенсивным является рост инвестиций КНР в страны вдоль «Пояса и пути»: по итогам 2018 года рост прямых инвестиций из КНР в эти страны составил 8,9% при росте китайских инвестиций за рубеж в целом на 4,2% [11]. То есть, Китай значительно более активно инвестирует в страны, охваченные проектом BRI, однако, по данным казахстанской статистики, в Казахстане эта тенденция имеет противоположный характер.

Таким образом, вызовы и угрозы, связанные с возможностью наращивания интересов КНР в Казахстане

посредством, как реализации инвестиционных проектов, так и заемного финансирования, на настоящий момент остаются сугубо гипотетическими, поскольку в период реализации проекта BRI наблюдается не рост, а снижение удельного веса КНР в общем объеме накопленных в Казахстане иностранных инвестиций и внешнего долга.

Информационные источники:

1. Horn S., Reinhart C., Trebesch C. China's overseas lending. Kiel working paper No. 2132, June 2019, p. 3.
2. Lyons K. Taiwan loses second ally in a week as Kiribati switches to China. The Guardian, 20.09.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/20/taiwan-loses-second-ally-in-a-week-as-kiribati-switches-to-china>
3. China, Maldives clash over mounting Chinese debt as India warms up to Male. The Economic Times, 8.07.2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/china-maldives-clash-over-mounting-chinese-debt-as-india-warms-up-to-male/articleshow/70127479.cms>
4. John Hurley, Scott Morris, and Gailyn Portelance. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective. Washington, Center for Global Development. CGD Policy Paper 121. March 2018. P. 5.
5. The time-series data of International Investment Position of China. State Administration of Foreign Exchange website. URL: <http://www.safe.gov.cn/en/2018/0928/1459.html>
6. Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана по странам. Международная инвестиционная позиция. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: 19. <http://www.nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian>
7. Внешний долг по странам. / Статистика внешнего долга. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: 20. <https://nationalbank.kz/?docid=346&switch=russian>
8. Валовой приток иностранных прямых инвестиций в Республику Казахстан. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: 21. <http://www.nationalbank.kz/?docid=347&switch=russian>

лику Казахстан от иностранных прямых инвесторов по странам. Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. Национальный банк РК, официальный интернет-ресурс. URL: 21. <http://www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian>

9. Xing Xiaojing. Kazakhstan's capital Astana shakes economic funk due to infusion of Chinese investment. Global Times, 25/09/2018. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1120869.shtml>

10. 55 китайских проектов: что строится в Казахстане. LSM.kz, 12.09.2019. URL: <https://www.lsm.kz/55-kitajskih-proektov-chto-stroitsya-v-kazahstane>

11. China's ODI in B&R countries rose to 15.64 billion dollars in 2018. Belt & Road Portal, 2019-01-17. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/rdxw/77670.htm>

Абен А.С.

Экологические аспекты реализации Инициативы «Один пояс и один путь»

При реализации глобальной Инициативы «Один пояс и один путь» (ПиП) особое внимание следует уделять ее экологическим аспектам, поскольку вопросы экологии, экологической безопасности становятся все более актуальными для современного мира.

Строительство «экологической цивилизации»

Современный Китай целенаправленно и планомерно реализует стратегию «зеленой» нации. Вполне ожидаемо, что в ближайшие десятилетия КНР может серьезно заявить о себе как о «зеленом» государстве. Мероприятия по охране окружающей среды стали неотъемлемой частью планов социально-экономического развития страны, постепенно увеличиваются бюджетные ассигнования в эту область [1]. В текущем году в КНР на финансирование работ по ликвидации загрязнения воздуха, воды и почв было запланировано выделить из центрального бюджета 60 млрд. юаней (8,9 млрд. долл. США). В частности, на предотвращение и ликвидацию загрязнения воздуха из центрального бюджета планировалось выделить 25 млрд. юаней (3,7 млрд. долл. США), что на 25% больше по сравнению с 2018 годом. На 45,3% увеличилось финансирование борьбы с загрязнением водных ресурсов, на 42,9% – финансирование ликвидации загрязнения почв [2]. Вложенные средства приносят свои результаты. По оценкам Китайской ассоциации индустрии охраны окружающей среды, усиление мер по охране окружающей среды дает импульс развитию смежных отраслей. Так, ожидается, что в 2020 году общие доходы отрасли охраны окружающей среды Китая

превысят 2 трлн. юаней (около 281 млрд. долл. США) против 1,5 трлн. юаней в 2018 году [3].

Начало зеленому пути было положено на 18-м Всекитайском съезде КПК, где было озвучено видение строительства «Прекрасного Китая», основанного на развитии пяти взаимосвязанных компонентов: экономического, политического, культурного, социального строительства и создания экологической цивилизации. Пункт о построении экологической цивилизации был включен в устав партии, и Председатель Ху Цзиньтао призвал сделать его одним из основных приоритетов развития страны.

После 19-го съезда ЦК КПК строительство «экологической цивилизации» стало одним из ключевых ориентиров развития КНР, а сохранение и восстановление экосистем – одной из основных задач развития страны. В 2017 году Председатель Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК озвучил требование «форсировать реформу системы экологической цивилизации, построить «Прекрасный Китай»». По планам Председателя Си Цзиньпина к 2035 году Китай кардинально должен улучшить состояние окружающей среды, и строительство «Прекрасного Китая» в основном должно быть завершено.

«Пояс и путь» через призму экологической концепции

В рамки концепции «экологической цивилизации» и экологических ориентиров Китая должна лаконично вписываться и Инициатива «Один пояс и один путь». В преддверии форума международного сотрудничества «Один пояс и один путь» Министерство охраны окружающей среды (МООС) Китая совместно с Министерством иностранных дел, Министерством торговли и Государственным комитетом по развитию и реформам опубликовали «Руководство по продвижению Зеленого «Пояса и пути»» [4]. МООС КНР

также представило «План сотрудничества в области экологии и охраны окружающей среды в рамках Инициативы «Один пояс и один путь»» [5]. Согласно программным документам Китай вводит единые экологические стандарты для участников «Пояса и пути», формирует механизмы и институты зеленого финансирования, минимизирует экологические риски проектов, реализуемых в рамках Инициативы.

В декларируемых документах КНР всячески подчеркивает стремление к «зеленому развитию и сотрудничеству»:

«Руководствуясь философией экологической цивилизации и экологического развития, Инициатива «Один пояс и один путь» будет продвигаться путем экологически безопасным для окружающей среды, повышая «зеленую» конкурентоспособность, посредством координационной политики, содействуя установлению связей, беспрепятственной торговле, финансовой интеграции и связям между людьми» [5]; «Китай готов сотрудничать со странами, расположенными вдоль «Одного пояса и одного пути», в области защиты окружающей среды. Он выражает стремление подписывать документы о сотрудничестве по строительству «Зеленого Шелкового пути» с большим числом стран, расширить международный союз зеленого развития Инициативы «Один пояс и один путь» и создать в ее рамках Коалицию устойчивых городов» [6].

Тем не менее, эти «экологические благопожелания», как отмечают эксперты, пока носят несистемный, эпизодический характер и не сопровождаются ни критериями и стандартами экологической безопасности, ни ясными процедурами стратегической экологической оценки, ни внятным набором мер «зеленого развития» [7].

Исследование, проведенное Всемирным фондом дикой природы (WWF) и HSBC «Инициатива озеленения пояса и пути», показало, что добиться реализации действительно зеленого «Пояса и пути» пока не удалось [8]. Китаю следует интегрировать экологические аспекты в планирование, строительство и эксплуатацию инфраструктурных проектов в рамках Инициативы и не допустить, чтобы «Пояс и путь» стал, как его называют критики, «самым рискованным экологическим проектом в истории».

Таким образом, ясно, что целостный успех Инициативы во многом будет зависеть от того, насколько Китай оправдает стремления к устойчивому развитию, как это предусмотрено в Плане сотрудничества Пояса и Пути в области экологии и окружающей среды.

В настоящее время о сотрудничестве с Китаем в рамках глобальной Инициативы подписали соглашение свыше восьмидесяти стран мира. Сможет ли КНР гарантировать реализацию действительно экологичного Шелкового пути – вопрос с многоточием.

«Сделано в Китае-2025»

В конце 2014 года в рамках Национальной стратегии модернизации промышленной базы страны «Сделано в Китае-2025» в КНР был разработан план по переносу избыточных производств за рубеж. Одна из основных причин принятия данной стратегии – экологическая катастрофа, для решения которой было принято решение разгрузить страну от «грязных» производств и вынести их за пределы Китая. В основном за пределы страны выносятся производства 12 отраслей, среди них: металлургия, энергетика, машиностроение, судостроение, строительство, телекоммуникации, сельское хозяйство, а также текстильная, химическая и цементная промышленности. Таким образом,

решение экологических проблем внутри Китая решается, как отмечается многими экспертами, за счет переноса неэкологичных производств в развивающиеся и слаборазвитые страны. Такой своеобразный «экспорт» старой системы развития и поддержка отраслей с избыточными производствами [9].

Надо отметить, что с 2006 года китайское правительство работает в направлении обеспечения экологической безопасности в зарубежных странах, в которых ведет свои проекты. В частности, был принят ряд обращений и рекомендаций, призывающих китайские компании уважать окружающую среду при инвестировании за рубежом: 2007 г. – «Положение о дальнейшем регулировании развития зарубежных проектов на контрактной основе» (Министерство торговли и МИД Китая); 2008 г. – «Административный регламент зарубежных проектов на контрактной основе»; в 2010 г. – «Руководство по иностранным инвестициям и сотрудничеству», «Девять принципов Государственного Совета по стимулированию и регулированию зарубежных инвестиций Китая». Эти документы требуют от китайских предприятий защиты окружающей среды и соблюдения местных законов и норм социальной ответственности при осуществлении своих проектов [10]. К тому же в 2013 году Министерство коммерции КНР и Министерство охраны окружающей среды КНР опубликовали руководство для китайских предприятий по соблюдению правил охраны окружающей среды. Согласно данному руководству китайские предприятия, осуществляющие инвестиции за рубежом, обязаны следовать правилам, изложенным в данном документе, основанном на трех принципах: экологической ответственности китайских инвесторов за рубежом, соблюдения экологического законодательства иностранных государств-реципиентов и поощрение использования общепринятой в мире практики [11].

Однако, настораживает тот факт, что, вкладывая свои ресурсы в развитие слаборазвитых стран в рамках Инициативы, КНР, тем не менее, в основном инвестирует в традиционные, низкотехнологичные производства. Китайские государственные компании при помощи государственных кредитов строят угольные электростанции в различных странах мира, несмотря на обязательства высшего государственного руководства Китая развивать экологически чистую энергетику и создавать низкоуглеродную инфраструктуру в развивающихся странах. К примеру, в одном лишь Пакистане Китай строит угольные электростанции мощностью не менее 7,800 МВт в рамках экономического коридора «Китай – Пакистан». По этой линии осуществляется добыча самого грязного с экологической точки зрения вида угля – лигнита – в пустыне Тар, где находится одно из крупнейших в мире неразработанных месторождений угля [12].

Рис. 1. Финансирование Китаем строительства угольных электростанций в Африке, Европе, Ближнем Востоке и Азии

Источник: <https://www.thegwpf.com/china-building-300-new-coal-power-plants-around-the-world/>

Хотя отдельными экспертами высказываются и позитивные предположения о том, что «зеленое поведение» дома, в связи с «объявлением войны с загрязнением», может привести к более экологичному и бережному поведению китайских компаний за границей [13]. Можно согласиться с экспертом в том, что осознание и пересмотр китайской стороной своей политики в отношении имеющейся чрезвычайной экологической ситуации внутри страны, влияет и на сотрудничество с другими.

Вместе с тем, следует отметить, что «экологическая тема» в отдельных странах и регионах может применяться в качестве защитного инструмента от «китайской экспансии», где синофобские настроения особенно сильно выражены, также и в локальной конкурентной борьбе за рынки и ресурсы [14].

Основные экологические риски реализации «Пояса и пути» в Центральной Азии: казахстанский кейс

Принимая во внимание растущую зависимость Китая от поставок энергоресурсов из-за рубежа, ожидаемо, что КНР проявляет повышенный интерес к региону ЦА, который стал еще более выраженным с реализацией Инициативы «Один пояс и один путь». Географическое расположение региона ЦА и территориальное соседство с КНР выступают весовым фактором в реализации сухопутного «Экономического пояса шелкового пути» (ЭПШП) глобальной Инициативы. Так, центральноазиатский регион является ключевым звеном двух основных маршрутов ЭПШП: в северном направлении «КНР – ЦА – Россия – Белоруссия – Европа», в южном направлении «КНР – ЦА – Иран – Турция – выход в Средиземное море». Это означает, что значимость Центральной Азии во внешней политике КНР и при реализации ЭПШП будет только возрастать.

В 2014 году между Казахстаном и Китаем была достигнута договоренность о реализации программы развития производственных мощностей в Казахстане (51 проект) на общую сумму свыше 26,2 миллиарда долларов. Это проекты в химической промышленности, горно-металлургическом секторе, машиностроении, инфраструктуре, энергетике, агропромышленном комплексе, легкой промышленности, нефтепереработке, производстве стройматериалов и информационных технологиях.

Но, как отмечают специалисты, речь идет о строительстве абсолютно новых заводов и фабрик с привлечением китайского капитала, китайских специалистов и современных китайских технологий [15]. Подписанное в 2014 году соглашение, нацеленное на экспорт объектов в Казахстан, несколько трансформировалось и реализуется в формате совместных казахстанско-китайских проектов. Большая часть произведенной продукции предназначается для экспорта в Китай, оставшаяся часть – в другие страны. Причем в СМИ общее число проектов постоянно меняется от 50 до 55, равно как и общая сумма от 26 млрд. долларов до 28-29 млрд. долларов. В настоящем 15 проектов, как сообщается, уже осуществлены, ожидается, что до конца года будут введены в эксплуатацию 11 объектов [16]. Министерство иностранных дел и инвестиций РК (МИДИ РК, в настоящее время реорганизовано) подтвердило, что действительно есть 55 казахстанско-китайских проектов на сумму 27 млрд. долл. США, из которых закреплены 27 проектов на сумму 19,6 млрд. долл. США [17].

На фоне реализуемой КНР политики по переносу за пределы страны избыточного производства двенадцати отраслей, которые оказывают наибольшее негативное воздействие на окружающую среду, подобное сотрудничество вызывает неоднозначную реакцию в казахстанском обществе. По заверению государственного ведомства, существует специальная совместная комиссия, где все проекты проходят

отбор, государственную экспертизу. При этом проекты реализуются в основном частными предпринимателями, и никто не собирается привозить в Казахстан старые заводы или производства [17].

Однако у экспертного сообщества, не говоря уже о массовом обществе, вызывает озабоченность «непрозрачность» информации по этим проектам. Отсутствие полноценной информации формирует больше негатива, чем положительной реакции в обществе. Последние события свидетельствуют о возрастании крайне критического восприятия населением РК реализации казахстанско-китайских проектов на территории страны. Так, в начале сентября прошли массовые митинги против «55 китайских проектов» [18]. Примечательно, что митинги состоялись в преддверии официального визита Президента РК Токаева К.-Ж. в КНР.

В то же время, как бы нелепо это не звучало, «китайской экспансии» в Казахстане мешает местный менталитет ведения дел и излишняя бюрократия [19]. Является ли это действительно следствием бюрократических проволочек или же «закамуфлированным» способом защиты от внешней экспансии, вопрос интересный. Тем не менее, по мнению экспертов, Казахстан, помимо прочего, важен для Китая в качестве «проводника», «доверительного» посредника в контактах с Россией и другими членами ЕАЭС с целью сбыта своих товаров на обширном интеграционном пространстве [20].

При реализации инфраструктурных проектов в рамках Инициативы «Один пояс и один путь» слабо учитываются социальные потребности местного населения. Ярким примером ухудшения экологической ситуации регионов вдоль «Экономического пояса Шелкового Пути» может быть Южно-Казахстанская область, где жизнь тысяч сельских жителей области кардинально изменилась после постройки магистрали Западная Европа – Западный Китай. Трасса прошла прямо по

поселкам, создав сложности местным жителям [21]. На автодороге Западная Европа – Западный Китай (трасса Кызылорда – Жезказган) не предусмотрен вопрос скотопрогонников, что также усложняет жизнь местных жителей [22]. Казахстанские экологи озабочены тем, что отработанные скважины от добычи нефти остаются бесхозными, вследствие чего происходит утечка нефти и загрязнение почвы. По данным департамента экологии Актюбинской области, на месторождении Карагатобе необходимо законсервировать 32 скважины [23]. В той же области специалисты заявили об угрозе загрязнения уникального месторождения подземных вод Кокжиде из-за активной деятельности недро-пользователей [24]. Как известно, в Актюбинской области ведет добычу крупнейшая китайская корпорация China National Petroleum Corporation (CNPC) со 100% китайским участием, добывающая 70% нефти в области.

Только на основе данных примеров, можно заключить, что при реализации инфраструктурных проектов осуществлялся слабый контроль над соблюдением Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС) со стороны местных органов, либо безответственное отношение и меркантильный интерес местных чиновников привел к ситуации негативного воздействия реализации Инициативы на местное население.

Отдельной темой является вопрос вододеления трансграничных рек Или и Иртыш в отношениях Казахстана и КНР, который оказывает воздействие не только на социально-экономическое положение в странах, но и весьма негативно отражается и на экологии.

В настоящее время казахстанские экологи бьют тревогу о состоянии озера Балхаш, основной водной артерией которого является река Или. По территории КНР протекает 70% водостока этой реки. Обмеление Или вследствии

нерационального водопотребления с обеих сторон, угрожает высыханием озеру Балхаш.

Похожая проблема имеется и с рекой Иртыш. Водохозяйственная деятельность нескольких регионов Казахстана сильно зависит от его наполняемости. В Восточно-Казахстанской области Иртыш является одной из артерий, питающих Бухтарминское водохранилище. А это в первую очередь гидроэнергетика, водообеспечение трех крупнейших городов – Усть-Каменогорска, Семея, Серебрянска. Павлодарская область использует воды Иртыша еще и для сельскохозяйственных нужд, затопления пойменных лугов. Центральный Казахстан берет иртышскую воду, поступающую по каналу Иртыш – Караганда [25].

По мнению отечественных экспертов, приоритетность интересов внутренней политики КНР преобладает над угрозой экологических проблем за ее пределами. Эксперты отмечают, что в ближайшие 10-15 лет ситуация только усугубится. В КНР разработана стратегия по ускоренному развитию реформ в сфере водного хозяйства, согласно которой страна ежегодно выделяет по 62 млрд. долл. в виде инвестиций на строительство ирригационных объектов [25].

Вообще, сотрудничество в области управления трансграничными водными ресурсами напрямую не упоминается ни в одном из известных официальных документов по политике «Пояса и пути» [26]. Кроме того, в 2017 году Китай пересмотрел список «чувствительных» отраслей, инвестиции китайских организаций и компаний, которые требуют особого регулирования и дополнительных разрешительных процедур. Освоение и использование трансграничных водных ресурсов были включены в список «чувствительных» [27].

Но, в тоже время, Инициатива «Один пояс и один путь», по мнению экспертов, кардинально модифицирует внешнюю водную политику КНР. В силу переноса существенного объема производств на территорию соседей у Китая растет

заинтересованность в устойчивом обеспечении этих территорий водными ресурсами и снижении конфликтов, связанных с трансграничными водами [28].

Также имеется информация, что в 2013 году Академия наук Китая приступила к формированию системы научно-технического сотрудничества в рамках Инициативы «Один пояс и один путь», и к настоящему времени создала десять зарубежных центров взаимодействия в сфере науки и образования. В их числе и Центр по изучению экологии и окружающей среды Центральной Азии, что будет совместными усилиями содействовать охране экологии и биоразнообразия [29]. Это, несомненно, важный шаг, в продвижении зеленого «Пояса и пути».

Вместе с тем, Китай не входит в Европейскую экономическую комиссию ООН и не подписывал Конвенцию об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (известной также как Конвенция Эспо) и Киевский протокол по Стратегической экологической оценке (СЭО), которая обязывает государства оценивать воздействие проектов на окружающую среду и здоровье граждан уже на самой ранней стадии [30].

И Китай, и страны Центральной Азии в настоящее время сталкиваются с трудной задачей снижения негативного экологического воздействия, которое несет реализация Инициативы. Причиной является слабость экологического законодательства и отсутствие жесткого контроля со стороны государств, участвующих в глобальной Инициативе. Согласованные действия государств, а также проявление бдительности и контроля в соблюдении социально-экологических норм, стандартов и требований при реализации проектов в рамках Инициативы – необходимое условие для успешного и взаимовыгодного сотрудничества.

Информационные источники:

1. Охрана окружающей среды в Китае (Белая книга) // russian.china.org.cn/russian/32923.htm
2. Затянуть пояса и работать: в КНР представили план бюджета и развития на 2019 г. // <https://1prime.ru/state-regulation/20190305/829775887.html>
3. Зеленое развитие Китая получило признание и принесло новые возможности // static.cms.xinhua-news.cn/xhswz_Html5/c/2019-09-25/1570376.shtml
4. <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/12479.htm> Guidance on Promoting Green Belt and Road.
5. The Belt and Road Ecological and Environmental Cooperation Plan <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/13392.htm>
6. Инициатива совместного строительства «Одного пояса и одного пути» прогресс, вклад и перспективы 2019 // <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/87094.htm>
7. Глазырина И.П., Симонов Е.А. «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России? // <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-tsivilizatsiya-kitaya-novye-vyzovy-ili-novye-perspektivy-dlya-rossii>
8. China's BRI negatively impacting the environment. By Jason Thomas // <https://theaseanpost.com/article/chinas-bri-negatively-impacting-environment>
9. Смог на экспорт: Китай переносит заводы в Россию // https://www.bbc.com/russian/business/2016/04/160407_china_plants_in_russia
10. Шварц Е.А., Симонов Е.А. От экологических угроз к новым правилам и инструментам развития в Евразии http://ecsoc-man.hse.ru/data/2018/08/05/1251868839/29-33_Shvarts_.pdf
11. Экологическое руководство для китайских инвесторов // https://cnlegal.ru/china_economic_law/ecology_guidance/
12. Beth Walker. China stokes global coal growth <https://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/9264-China-stokes-global-coal-growth>

13. Erica Downs. Whatever Became Of China, Inc.? // https://chinaeconomybookdotcom.files.wordpress.com/2016/01/seq_2014q2_dragonstepsout_miller-hanemann-downs-parks.pdf
14. Кому выгодно остановить строительство завода на Байкале // <https://snob.ru/entry/174105>
15. Переноса избыточных проммощностей из Китая в Казахстан не будет // <https://inbusiness.kz/ru/news/perenosa-izbytochnyh-prommoshnostej-iz-kitaya-v-kazahstan-ne-budet>
16. Назарбаев: Китай в отличие от Запада «никогда не диктует свои условия» // <https://rus.azattyq.org/a/29909889.html>
17. Китайцы не будут строить 55 заводов в Казахстане // <https://www.zakon.kz/4983968-kitaytsy-ne-budut-stroit-55-zavodov-v.html>
18. «Против китайских заводов». Выступление в Жанаозене и акции солидарности <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-zhanoazen-anti-chinese-protest/30144860.html>
19. Как развивается китайский проект «51 новый завод» в РК? // <https://kapital.kz/gosudarstvo/65155/kak-razvivaetsya-kitajskij-proekt-51-novyj-zavod-v-rk.html>
20. «Казахстан и Китай: Ожидания и страхи». Талгат Мамырайымов // <https://almakz.info/archives/1215>
21. Новый Шелковый путь испортил жизнь жителям ЮКО <https://www.nur.kz/906972-novyy-shelkovyy-put-isportil-zhizn-zhi.html>
22. На автодороге Западная Европа – Западный Китай не предусмотрен вопрос прогона скота – мажилисмен. <https://kaztag.kz/ru/news/na-avtodoroge-zapadnaya-evropa-zapadnyy-kitay-ne-predusmotren-vopros-progona-skota-mazhilismen>
23. Бесхозные нефтескважины и опасения экоактивистов // <https://rus.azattyq.org/a/aktobe-beskhoznye-nefteskvazhiny-opasenia/29669021.html>
24. Специалисты заявили об угрозе загрязнения уникального месторождения подземных вод Кокжиде из-за активной деятельности недропользователей // <http://www.matriitca.kz/news/62946>

- ekologi-aktobe-my-mozhem-poteryat- mestorozhdenie-podzemnyh-vod-kokzhide.html
25. <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2019-04/problema-deleniya-vod-irtysha-mozhet-pererasti-v-ekologicheskuyu-katastrofu>
26. Китай у себя дома и на Шелковом пути: Обзор водоэкологических событий 2017 года. Информационный Бюллетень НИЦ МКВК №50. Ташкент, 2018.
27. Китай пересмотрел список требующих усиленного регулирования отраслей для инвестиций // <https://www.interfax.ru/business/599552>
28. Ежегодник Вода в Центральной Азии и мире, 2017. // http://www.cawater-info.net/yearbook/pdf/yearbook2017_ru.pdf
29. Академия наук Китая создала десять зарубежных центров научно-образовательного сотрудничества // http://russian.news.cn/2019-04/17/c_137984513.htm
30. <https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATTY&mtdsn=XXVII-4&chapter=27&lang=en>

**IV СЕКЦИЯ
«ПОЯС И ПУТЬ» И РЕСПУБЛИКА КАЗАХСТАН:
ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНО-ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Галиев А.А.

**Сотрудничество Казахстана и Китайской Народной Республики в социально-гуманитарной сфере
в рамках Инициативы «Один пояс и один путь»**

Шесть лет назад, 7 сентября 2013 года, во время своего первого государственного визита в Казахстан, Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с речью в Назарбаев Университете. Тогда же он «официально выдвинул грандиозную инициативу совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути, которая сразу же получила поддержку со стороны Президента Н.А. Назарбаева и активный отклик различных кругов общества в Казахстане. Наряду с экономической составляющей, эта Инициатива имеет и культурно-гуманитарный аспект сотрудничества» – отмечал в своем выступлении на открытии научной конференции, посвященной пятилетию Инициативы «Один пояс и один путь» и.о. Генерального консула КНР в Алматы Мяо Хунбо [1, 2].

Сразу отметим, что правительство КНР придает важное значение культурно-гуманитарному аспекту сотрудничества, о чем свидетельствует то, что в официальном докладе Госсовета КНР развитие гуманитарных связей между странами ЭПШП и МШП описывается как «укрепление близости между народами» (people-to-people bond) и предусматривает широкий спектр совместных мероприятий – от сотрудничества в сфере культуры и науки, включая обмен

кадрами, до разработки туристических маршрутов и создания сети городов-побратимов [2].

Как считают Е. Звезданович-Лобанова и М. Лобанов «Власти Китая не скрывают заинтересованности в улучшении имиджа страны как политического и экономического партнера: так, ставится задача формирования дружественного общественного мнения. Комплекс мер гуманитарного сотрудничества между государствами ЭПШП и МШП следует рассматривать с позиций стратегии «мягкой силы» [3]. Конечно, можно рассматривать данную Инициативу с любой точки зрения, но несомненно, что стремление государств и народов сотрудничать в самых различных сферах было постоянным. Поэтому нельзя не согласиться с утверждением Первого Президента РК – Елбасы Н.А. Назарбаева, который в своем выступлении на открытии второго Форума международного сотрудничества «Один пояс и один путь» 26 апреля 2019 сказал: «Две тысячи лет назад благодаря смелости и предприимчивости людей – Евразия уже была объединена в единую сеть дорог. Это был первый в истории человечества прообраз глобализации» [4].

Но и Великий Шелковый путь опирался на предыдущий опыт человечества в области сотрудничества, в том числе и культурного. Так, Джаред Даймонд в своей книге «Ружья, микробы, сталь», удостоенной Пулитцеровской премии, исследовал пути распространения цивилизации. На основе анализа различных данных, он пришел к выводу, что все основные культурные, технические, сельскохозяйственные достижения человечества распространялись в широтном направлении и если мы сравним эту зону распространения достижений в области культуры, то увидим, что она совпадает с зоной «Один пояс и один путь» [5]. Иначе говоря, эта Инициатива была предопределена и успешно развивается с того момента, как человек перешел к производящему труду, то есть с эпохи неолитической революции.

Эта зона включала в себя и Великий Шелковый путь, в развитии которого немалая роль принадлежала как Китаю, так и тюркоязычным народам [6].

По трассам этой зоны в тюркские степи пришла согдийская письменность, восходящая к арамейской и на ее основе была создана знаменитая тюркская руника, отголоском которой является современное живое монгольское письмо. Но еще ранее, из древнего Китая к сюнну, пришло письмо, при помощи которого, эти древние предки тюркоязычных народов вырезали тексты на дереве. По этим трассам, которые пролегали из Китая через страны Центральной Азии, в том числе и Казахстан, в Европу попали хлопок, бумага и идея бумажных денег, порох, лаковые изделия и иные достижения культуры Поднебесной. В Китай по этим трассам из разных стран, в том числе и из Центральной Азии попали чистокровные лошади – ахалтекинцы, трава му (клевер), театральное искусство и многое другое. Сейчас, кстати, меняется оценка роли кочевников в мировой культуре, и уже мало кто отрицает их положительную роль в соединении далеких друг от друга, как в географическом, так и в культурно-идеологическом отношениях цивилизаций.

И таким образом, развитие Инициативы «Один пояс и один путь» основано на историческом precedente, восходящим к истокам развития цивилизации на континенте и показавшим за это время свою безальтернативность и перспективность.

Если же говорить о казахстанско-китайском сотрудничестве в различных сферах, следует отметить, что постоянно действовал Казахстанско-китайский Комитет по сотрудничеству (КС) под сопредседательством заместителей глав правительства двух стран: первый заместитель Премьер-Министра РК А. Мамин (с сентября 2016 г.) заместитель Премьера Госсовета КНР Хань Чжэн (с апреля 2018 г.).

В составе КС функционировало 11 профильных подкомитетов (по торгово-экономическому сотрудничеству, по сотрудничеству в области транспорта, по сотрудничеству в области железнодорожного транспорта, по сотрудничеству между пунктами пропуска и в области таможенного дела, по научно-техническому сотрудничеству, по финансовому сотрудничеству, по энергетическому сотрудничеству, по сотрудничеству в области геологии и недропользования, по культурно-гуманитарному сотрудничеству, по сотрудничеству в области безопасности), а также Комиссия по использованию и охране трансграничных рек и Комиссия по сотрудничеству в области охраны окружающей среды [7].

Выделение сферы культурно-гуманитарного сотрудничества в отдельный подкомитет, показывает ее значимость в развитии отношений между двумя странами в рамках данной Инициативы.

Заинтересованность двух стран в развитии этой сферы подтверждается тем, что 31 августа 2015 г. в ходе государственного визита Президента РК Н.А. Назарбаева в КНР было подписано Соглашение между Правительством РК и Правительством КНР о культурно-гуманитарном сотрудничестве.

Это сотрудничество характеризуется многочисленными мероприятиями в различных сферах и планомерным, динамичным характером, чему способствовало принятие в конце 2015 г. Министерством культуры КНР Плана действий по развитию культуры «Пояса и пути».

В плане Министерства подчеркивается необходимость защиты культурного наследия и развития культуры. Предполагается развитие альянсов соответствующих культурных организаций, таких как международный театральный альянс Шелкового пути, международный библиотечный альянс, Международный музейный союз и др. Отдельно говорится о формировании единой платформы

культурного сотрудничества. К 2020 году предполагается достичь тридцати тысяч культурных обменов со странами и регионами вдоль «Пояса и пути», охватить программами обмена более тысячи китайских и иностранных учреждений культуры, провести более ста мероприятий по типу годов культуры в странах и регионах «Пояса и пути» [8, 139-140].

Также, известными китайскими и международными деятелями было инициировано создание Альянса городов Шелкового пути (Silk Road Cities Alliance). Он был официально основан в Гонконге в 2014 г. Целью его создания является развитие кооперации в различных сферах между городами, лежащими вдоль «Пояса и пути» для мобилизации, координации и организации местных и зарубежных социальных ресурсов. Все эти города и народы будут вовлечены в деятельность для развития и процветания [9].

17 апреля 2017 г. в Пекине состоялась церемония открытия Академии Шелкового пути и международного семинара «Строительство одного пояса и одного пути и взаимосвязанное развитие Евразии». На мероприятии присутствовали вице-президент Академии общественных наук Китая (АОНК) Цай Фан, исполнительный вице-президент Китайской ассоциации по продвижению финансового развития Ли Цзипин, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОНК Ли Юнцюань, а также участники семинара из России, Беларуси, Кыргызстана и других стран.

В своем выступлении на мероприятии Ли Юнцюань отметил, что создание Академии Шелкового пути предоставит интеллектуальную поддержку Инициативе «Один пояс и один путь» и новые возможности для сотрудничества между научными и деловыми кругами в рамках данной Инициативы [10].

Особое значение для Казахстана, строящего свою национальную идентичность, ведущего поиски национальной

идеи, имеет история. Это предполагает обращение к прошлому, стирание «белых пятен», поиск забытых свидетельств ушедших эпох. В этом отношении, большой интерес представляют архивохранилища КНР, где сосредоточены династийные хроники, многочисленные документы о взаимоотношениях Китая с окружающими народами и государствами, среди которых не последнее место занимали казахи и их предки.

Еще до осуществления проектов Инициативы, при содействии Посольств и ученых двух стран на основе китайских архивных материалов и летописей были изданы книги «Ежелгі үйсін елі» (2005 г.) и «Ұлы Тұркі қағанаты» (2007 г.), а также два тома сборника факсимильных копий документов о казахско-китайских отношениях в период династии Цин (1644-1911 гг.).

В соответствии с меморандумом о сотрудничестве (июль 2013 г.) исследователи Института востоковедения им. Сулейменова Р. МОН РК сотрудничают с Первым историческим архивом КНР.

Изучением казахско-китайских связей занимается и китайская сторона. В августе 2018 г. представители ведущих казахстанских СМИ были приглашены посольством КНР в Республике Казахстан в Китай, чтобы увидеть, как реализуются проекты в рамках Инициативы по созданию экономического пояса Шёлкового пути «Один пояс и один путь». Встречая участников делегации, Секретарь парткома Академии общественных наук провинции Ганьсу Чэнь Фужун отметил, что в Ганьсу, согласно истории, слились китайская и западная культура. Отсюда распространилась культура центральной равнины на запад. В 2016 году, Академия взяла на себя инициативу по развитию обмена и сотрудничества со странами Шёлкового пути и начала проект «История дружеских отношений между Китаем и странами вдоль Шёлкового пути».

«Одна из них – история дружеских отношений между Китаем и Казахстаном, подготовленная аналитическими структурами двух стран. В феврале 2016 года Лян Цзи, бывший руководитель отдела пропаганды и агитации партийного комитета провинции Ганьсу, встретился с министром культуры Казахстана и директором президентской библиотеки. На этой встрече было принято решение о подготовке книги «История дружеских отношений между Китаем и Казахстаном». Книга предназначена для разъяснения китайской истории и стимулирования выхода культуры во внешний мир. Цель исследования – содействие культурному обмену между гражданами Китая и стран Шёлкового пути, а также содействие в совместной работе по Инициативе «Один пояс и один путь». Было подписано официальное соглашение о стратегическом сотрудничестве с китайским исследовательским центром и Библиотекой Первого Президента и одобрен проект под названием «История дружеских отношений между Китаем и Казахстаном». Согласовано, что окончательные результаты будут опубликованы в издательстве национального уровня на четырёх языках: китайском, казахском, русском и английском. Первая редакция на китайском языке «История дружеских отношений между Китаем и Казахстаном» была завершена в мае 2017 года», – подчеркнул Чэнь Фужун.

Книга раскрывает исторические и дружеские отношения народа Китая и Казахстана на Шёлковом пути простым и живым способом.

10 октября 2017 года член постоянной комиссии партийного комитета провинции Ганьсу Чэнь Цин и руководитель отдела пропаганды и агитации встретились с заместителем директора президентской библиотеки Казахстана, которые приступили к осуществлению проекта «История дружеских отношений между Китаем и

Казахстаном». В январе 2018 года был завершён окончательный вариант книги на китайском языке [11].

Огромное значение для укрепления связей между Казахстаном и КНР, для роста взаимопонимания имеют широкомасштабные Дни культуры, в ходе которых население имеет возможность познакомиться с наиболее важными достижениями страны, представляющей свою культуру в самых различных ее проявлениях: киноискусстве, живописи, книгоиздании.

К примеру, 5-11 ноября 2013 г. в Пекине состоялись Дни культуры Казахстана в КНР. В свою очередь, 25-28 сентября 2014 г. в Астане и Алматы проведены Дни культуры Китая в РК. Проявлением интереса к культуре соседних народов и одновременно знаком дружбы является меморизация лучших представителей этих народов. Так, 19 марта 2014 г. в Пекине состоялась церемония открытия памятника поэту-просветителю А. Кунанбаеву.

Подтверждением проявления интереса к культуре и языку казахов служит следующий факт. В течение 2015-2017 годов в университетах иностранных языков в городах Пекин, Шанхай, Далянь и Сиань при содействии Посольства Казахстана в Китае были открыты «Центры Казахстана» и кафедры казахского языка [12].

Китай, обладающий многотысячелетней культурой, которая привлекает внимание всего человечества, знакомит население разных стран с лучшими образцами своего прошлого. В этой связи нельзя не упомянуть и о том, что 9 июня 2017 г. в рамках «ЭКСПО-2017» жители Астаны смогли ознакомиться с образцами, получившей широкую известность, терракотовой армии. В залах Национального музея Республики Казахстан было представлено около пятидесяти археологических находок из Китая: глиняные статуи воинов, предметы оружия, посуда, золотые украшения.

«Выставка «Терракотовая армия императора Цинь Шихуанди» впервые приехала в Центральную Азию. В Астане проходит ЭКСПО, и именно в его рамках мы бы хотели представить свою культуру. Надеюсь, что этот шаг станет своеобразным мостиком в укреплении межкультурных отношений Казахстана и Китая», – сказал директор управления культурных памятников провинции Шэньси Чжао Рунг.

8099 полноразмерных терракотовых статуй китайских воинов и их лошадей были найдены у мавзолея императора Цинь Шихуанди в городе Сиань в 1974 году. Фигуры воинов выполнены в индивидуальном порядке, каждая из них имеет свои уникальные черты лица. Исследователи выяснили, что статуи изготовлены по приказу правителя в 210-209 годах до н. э. Сегодня «Терракотовая армия» включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. «Время правления династии Цинь – один из ярких периодов истории Китайской империи, когда активно развивались экономика, культура, отношения с другими странами. Поэтому именно через терракотовых воинов императора Цинь Шихуанди мы хотим рассказать нашу историю, чтобы казахстанцы узнали о наследии и культуре Китая», – дополнил господин Чжао Рунг. На сегодняшний день «Терракотовая армия» посетила около сорока стран – всего прошло более восьмидесяти выставок. В Центральной Азии экспозиция представлена впервые. Параллельно с Казахстаном выставка прошла в Германии и США [13].

Воочию увидеть образцы культуры соседей помогают не только выставки, но и киноискусство. Так, в апреле 2013 г. в Пекине впервые состоялась Неделя казахстанского кино. В 2017 г. были представлены новые образцы совместного творчества казахстанских и китайских кинематографистов.

Фильм «Китай и Казахстан: история дружбы» рассказывает о жизни и приключениях граждан Китая и Казахстана, повествуя об их бытовых мелочах и больших испытаниях, искренность каждой детали трогает зрителей.

Документальный фильм является результатом сотрудничества китайской и казахстанской сторон. Съемочные бригады обеих стран работали на своей территории, и показали зрителям Китая и Казахстана международный взгляд на их прошлое и настоящее. Фильм полон искренности, и по этой причине он очень трогает зрителя. Показанное прошлое и настоящее двух стран демонстрирует близкие отношения народов и их глубокую дружбу.

Фильм – это не только трогательная история. Он сопряжен с Инициативой «Один пояс и один путь», которая все более активизирует культурные, образовательные и народные обмены между Китаем и Казахстаном. В документальном фильме рассказывается, какие сильные изменения происходят и какие более тесные связи налаживаются между двумя народами за последние четыре года после выдвижения Инициативы. В частности говорится о том, что молодой певец Димаш получил популярность у миллионов китайцев. Казахстанский парень Руслан пожертвовал кровь редкой группы («группы панды») китайцу. Все эти люди тоже являются посланниками обменов Китая и Казахстана, и носителями миссии по строительству «Одного пояса и одного пути». Съемочные группы обеих стран провели всестороннее сотрудничество, они проводили съемки на своей территории, и их работа способствовала взаимопониманию национальной культуры противоположной стороны, позволяя уладить все конфронтации культурного плана.

Документальный фильм «История времени – дружба Китая и Казахстана» – это рассказы и комментарии представителей двух стран. Рассказы и комментарии смешаны, они освежают память народов Китая и Казахстана о дружбе за прошедшие 25 лет. Фильм демонстрирует сплоченность и взаимодействие народов Китая и Казахстана, их совместный прогресс и искреннюю дружбу. Истинная сила искусства трогает зрителей, это и есть основное, что могут предложить зрителям творческие команды РК и КНР. «Один пояс и один путь»

открывает дорогу к миру. Это путь взаимоучета цивилизаций, стремления к счастью мирного сосуществования.

«Межгосударственные отношения основаны на народных отношениях, народные отношения – на степени сближения душ двух народов». Развитие межгосударственных отношений нуждается в «твердой» опоре, и она одновременно неотъемлема от культурных обменов как «мягкая сила». История, культура и религия стран, расположенных вдоль «Одного пояса и одного пути» отличаются друг от друга. И лишь культурные обмены и сотрудничество помогают народам найти общий язык, укреплять взаимное доверие и углублять чувства. Трансграничное культурное сотрудничество, которое отражено в фильме, помогает сделать более прочную народную и общественную основу в странах «Одного пояса и одного пути». Оно стимулирует доверие народов друг к другу и взаимопонимание в ходе культурных обменов, еще больше содействует общественным и экономическим обменам двух стран. С точки зрения культуры фильм подтверждает, что Инициатива «Один пояс и один путь» открывает путь не только к торгово-экономическим, но и к культурным обменам, а также к взаимопроникновению цивилизаций [14].

Знаковым событием явилось то, что 7 июня 2018 г. в присутствии Президента РК Н.А. Назарбаева и Председателя КНР Си Цзиньпина был презентован первый совместный казахстанско-китайский кинофильм «Композитор», посвященный дружбе двух композиторов – Сянь Синхая, оказавшегося в годы Великой Отечественной войны в Казахстане, и Бахытжана Байдадамова [15], [16].

Об этом совместном проекте впервые стало известно в ходе официального визита в столицу Казахстана председателя КНР. Тогда Нурсултан Назарбаев и Си Цзиньпин отметили, что отношения между двумя странами стали образцовыми. Тем не менее, у государств есть еще перспективы в сотрудничестве. Тогда обе страны высказали намерение снять

совместный кинофильм под названием «Композитор». Фильм посвящен дружбе казахского композитора Бахытжана Байқадамова и классика современной музыки Китая Сянь Синхая. Авторы: Елена Шрайбер, Ержан Канапияулы, Хасен Омаркулов, Алмас Омаргалиев, при поддержке ТРК Президента РК [17].

6 июня 2017 год в Астане в рамках культурного сотрудничества СМИ Казахстана и Китая по телеканалу «Хабар» началась трансляция на русском языке китайских фильмов «Землетрясение в Таншане» и на казахском языке «Священные горы Хуан Шань». В свою очередь казахстанские программы «Қайсар жандар» и «Тур де Хабар» на казахском языке были показаны Синьцзянским телевидением.

В рамках этого же проекта на следующий день в Астане прошел кинофестиваль, где были представлены фильмы с китайской стороны: «Кунг Фу», «Йога», «Волчий тотем», «Настоящая любовь», «Свежие цветы», «Пошел вон!», «Мистер Сноб», «Река Или» [18].

Также по сообщению СМИ КНР в рамках проекта «Шелковый путь», в Казахстане транслируют выдающиеся китайские фильмы и телесериалы, среди них «Китай на кончике языка» [19].

Обе страны, и Казахстан, и Китай, славятся своим музыкальным искусством. Поэтому не удивительно, что и в этой сфере происходит взаимообмен. 13 августа 2015 года в Алматы выступил филармонический оркестр Китая в рамках турне по Великому Шелковому пути [20].

Наверное, мы не ошибемся, если скажем, что открытию миру таланта казахстанского певца Димаша Кудайбергена в значительной мере способствовал успех, полученный им в КНР. В 2017 году молодой казахстанский певец Димаш принял участие в музыкальном реалити-шоу «Singer 2017», где мгновенно стал знаменитостью. После возвращения на родину, он получил личное приглашение на встречу с Президентом

Н.А. Назарбаевым и был назван «Символом Независимости Казахстана». «Феномен Димаша» – это не только неожиданный успех отдельного человека, а также непременный результат сближения народов двух стран. Китай приветствует появление таких ярчайших талантов для того, чтобы служили связующим мостом для культурного обмена и сближения чаянний народов [21]. Китайцы называют Димаша послом в музыкальном мире, укрепившим культурные взаимоотношения между Казахстаном и Китаем.

17 апреля 2017 года в Пекине в честь празднования 25-й годовщины установления китайско-казахстанских отношений, для дальнейшего усиления культурных обменов и сотрудничества между странами Министерство культуры Китая и посольство Казахстана в Китае провели совместный концерт «Встреча на Светлом Шелковом пути».

В концерте приняли участие: скрипачка Айман Мусаходжаева, певец Димаш Кудайберген, другие казахские исполнители и музыкальные коллективы совместно с Симфоническим оркестром радио и телевидения Китая, исполнившими известные китайские и иностранные произведения, в том числе «Концерт для скрипки с оркестром» П.И. Чайковского.

1 февраля в пекинском театре China Millennium Monument («Китайский памятник тысячелетия») прошел концерт по случаю приближающегося главного китайского праздника – Чуньцзе. В мероприятии приняли участие представители международных компаний. Страной – почетным гостем вечера стал Казахстан, на мероприятии присутствовали специальный посланник Президента Казахстана. Также в мероприятии принял участие Генеральный директор компании по распространению культуры «Шелковый путь» Чжу Шилян. Праздничный вечер прошел под девизом «Устремленность в новую эпоху и готовность к новой миссии» [22].

Обзор тех сфер, в которых происходит культурно-гуманитарное сотрудничество, был бы неполным, если бы мы не упомянули о медиийном секторе. Одним из недавних примеров является то, что в июне 2018 г. в Пекине состоялся II международный медиа-форум «Один пояс и один путь», организованный Всекитайской ассоциацией журналистов. Форум собрал представителей шестидесяти стран мира, в том числе Казахстана, России, Украины, Беларуси, Узбекистана, Польши, Болгарии, Израиля, Пакистана, Вьетнама, Таиланда, Лаоса, Танзании, Монголии и других стран.

Первый форум был проведен осенью 2017 г. в канун XIX съезда Коммунистической партии Китая. На II международный медиа-форум из Казахстана было приглашено шесть человек, в том числе председатель областного филиала Союза журналистов Казахстана и директор ТОО «Ақтөбе Медиа» Рауken Отыншин. Форум рассмотрел вопрос укрепления солидарности и обмена опытом среди журналистской общественности стран, находящихся вдоль Шелкового пути. Председатель Всекитайской ассоциации журналистов Чжан Яньнун в своем выступлении рассказал об истории и деятельности организации, которой он руководит.

Участники медиа-форума побывали в международном центре обмена мнениями при Китайском университете коммуникаций, посетили редакцию газеты «Жэньминь жибао», которой исполняется 75 лет, познакомились с историей ее издания и процессом работы. Также они встретились с казахской молодежью, обучающейся в высших учебных заведениях Китая [23].

Заключение

Казахстан стал одним из самых первых государств, принявшим участие в международном сотрудничестве в рамках Инициативы «Один пояс и один путь». Китай и

Казахстан идут впереди в строительстве «Одного пояса и одного пути», считает Посол КНР в РК Чжан Сяо. Последние пять лет Китай и Казахстан твердо придерживаются принципов «совместного обсуждения, совместного строительства и совместного использования», глубоко развертывают сопряжение Инициативы «Один пояс и один путь» с Новой экономической политикой «Нұрлы жол», всесторонне продвигают сотрудничество в «пяти связующих элементах» и рука об руку идут по пути взаимовыгодного развития.

За последние шесть лет главы государств, премьер-министры и заместители премьер-министров двух стран неоднократно осуществляли взаимные визиты. Указав верное направление стратегического сопряжения, главы двух государств глубоко изучили конкретные вопросы взаимовыгодного сотрудничества, обеспечили постоянное углубление двустороннего взаимодоверия и непрерывное укрепление взаимодействия. Перед нами сходятся пути и совпадают времена реализации «Китайской мечты» о возрождении китайской нации и «Казахстанской мечты» о процветании Страны Великой степи.

За последние годы Китай и Казахстан совершили настоящий прорыв в сотрудничестве в сфере кино, литературы, издательства и других областях. В Казахстане были переведены на казахский язык и изданы классические произведения популярных современных китайских писателей. Аналогичным образом были переведены на китайский язык и скоро будут изданы в Китае произведения казахстанских писателей [24]. Достижения китайско-казахстанского сотрудничества в строительстве «Одного пояса и одного пути», значения которых давно вышли за рамки двусторонних отношений, за последние шесть лет стали очевидны для всех. Они не только сильно стимулировали совместное развитие Китая и Казахстана, но и накопили ценный опыт для международного сотрудничества, установив образец успеха.

Заглядывая в будущее, мы с уверенностью, устранивая все препятствия и объединяя усилия вдоль «Пояса и пути», осуществим прекрасные перспективы китайско-казахстанского взаимовыгодного развития и совместного процветания [25].

Таким образом, сотрудничество в рамках Инициативы «Один пояс и один путь» основано на историческом precedente, развивающимся в современных условиях в соответствии с современными же интересами стран и народов. В рамках этой Инициативы осуществляется множество проектов, одним из которых является культурно-гуманитарное. Казахстан и Китай вносят определенный вклад в развитие этого направления, хотя можно констатировать, что необходимо более широко и полно использовать возможности, открываемые данной Инициативой.

Информационные источники:

1. Мяо Хунбо. Выступление на открытии научной конференции. Инициатива «Один пояс и один путь: состояние и перспективы». – Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2018. – С. 8-13.
2. Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Issued by the National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs, and Ministry of Commerce of the People’s Republic of China, with State Council authorization. March 2015. – http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html (дата обращения: 05.10.2019).
3. Звезданович-Лобанова Е., Лобанов М. Инициатива «Один пояс и один путь». Какие цели в действительности преследует Китай? – Свободная мысль // <http://svom.info/entry/765-iniciativa-odin-poyas-i-odin-put-kakie-cele-v-dejs/>

4. Выступление Первого Президента РК – Елбасы Н.А. Назарбаева на открытии второго Форума международного сотрудничества «Один пояс и один путь» //http://www.akorda.kz/ru/special/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-pervogo-prezidenta-rk-elbasy-na-nazarbaeva-na-otkrytii-vtorogo-foruma-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-odin-poyas-odin-put
5. Даймонд Джаред. Ружья, микробы и сталь. – М.: АСТ, 2010.
6. Хафизова К.Ш. Историко-культурные основы сотрудничества Казахстана и Китая на Шелковом пути – Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2018.
– 220 с. С.119-135.
7. inform.kz https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-put-vzaimovygodnogo-razvitiya-i-sovmestnogo-procvetaniya-kitaya-i-kazahstana_a3381924
8. Кауkenова Т. Культурно-гуманитарная составляющая Инициативы «Один пояс и один путь»: значение и текущее состояние. – Алматы: Исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, 2018. – 220 с.
9. Silk Road Cities Alliance // <http://www.chinagoabroad.com/en/contributor/silk-road-cities-alliance>
10. В Пекине состоялась церемония открытия Академии Шелкового пути // https://old.liter.kz/ru/news/show/31494v_pekine_sostoyalas_ceremoniya_otkrytiya_akademii_shelkovogo_puti
11. Новая книга о казахстанско-китайском сотрудничестве готовится к изданию // https://bnews.kz/special/vzglyad_v_budushchee/odin_poyas_odin_put_eshche_odna_stupen_razvitiya_kazahstanskokitaiskih_otnoshenii
12. https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-put-vzaimovygodnogo-razvitiya-i-sovmestnogo-procvetaniya-kitaya-i-kazahstana_a3381924
13. Китайские «терракотовые воины» появились в Астане //

- [http://today.kz/news/kultura/2017-06-10/744078-kitajskie- terrako-tovyye-voinyi-poyavilis-v-astane/](http://today.kz/news/kultura/2017-06-10/744078-kitajskie-ttakotovyye-voinyi-poyavilis-v-astane/)
14. Китай и Казахстан: История дружбы // http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-06/28/content_41114245.htm
15. https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-put-vzaimovygodnogo-razvitiya-i-sovmestnogo-procvetaniya-kitaya-i-kazahstana_a3381924
16. <https://24.kz/ru/news/top-news/item/181225-prezident-rk-nazval-obraztsovym-sotrudnichestvo-s-kitaem>
17. Арисланова К. Китайский народный композитор Сянь Синхай: жизнь в Казахстане. – Алматы, 2018.
18. Президент РК назвал образцовым сотрудничество с Китаем, 08.06.2017 // [https://24.kz/ru/news/top-news/item/181225-prezident-rk-nazval-obraztsovym-sotрудничество-с-китаем](https://24.kz/ru/news/top-news/item/181225-prezident-rk-nazval-obraztsovym-sotrudnichestvo-s-kitaem)
19. <https://24.kz/ru/news/culture/item/304688-voprosy-kulturno-gumanitarnogo-sotrudnichestva-obsudili-v-pekinе>
20. <https://kazpravda.kz/articles/view/vzletaut-na-krilyah-mechti-kitaisko-kazahstanskie-otnosheniya/>
21. https://old.liter.kz/ru/articles/show/11409_v_almaty_vystupil_filarmonicheskii_orkestr_kitaya_v_ramkah_turne_po.velikomu_shelkovomu_puti 21. [inform.kz https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-put-vzaimovygodnogo-razvitiya-i-sovmestnogo-procvetaniya-kitaya-i-kazahstana_a3381924](https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-put-vzaimovygodnogo-razvitiya-i-sovmestnogo-procvetaniya-kitaya-i-kazahstana_a3381924)
22. В Пекине прошел праздничный концерт «Один пояс и один путь» // Китай // http://www.kitaichina.com/rxinwen/201802/t20180207_800116966.html 2017-04-18 07:56 千龙网 по сообщению QianLongWang
23. В Пекине прошел международный медиа-форум // <https://avestnik.kz/v-pekinе-proshel-mezhdunarodnyiy-media-forum/>
24. Злобин П. Чжан Вэй: «Глубокие корни дают обильную листву» <https://www.kp.kz/daily/27010/4072018>
25. [inform.kz https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-put-vzaimovygodnogo-razvitiya-i-sovmestnogo-pro-cvetaniya-kitaya-i-kazahstana_a3381924](https://www.inform.kz/ru/odin-poyas-odin-put-put-vzaimovygodnogo-razvitiya-i-sovmestnogo-pro-cvetaniya-kitaya-i-kazahstana_a3381924)

Кауkenова Т.В.

**Влияние Инициативы «Один пояс и один путь»
на научно-образовательное сотрудничество
Китая и Казахстана**

Образование

Образовательная сфера в рамках реализации BRI базируется в первую очередь на возможности получить среднее, высшее и поствысшее образование в КНР для жителей государств вдоль «Пояса и пути» [1].

В июле 2016 года Министерством образования КНР был принят документ «Мероприятия по продвижению совместного строительства образования “Одного пояса и одного пути”», где оговаривались меры, которые Китай намерен предпринять для интенсификации образовательного взаимодействия. В частности, программой сотрудничества был предусмотрен охват всех провинций страны, заключение соглашений со странами,ключенными в BRI, выделение стипендий и т. д. [2].

В 2017 году количество студентов из государств вдоль «Пояса и пути» составило 317 тысяч человек, что составляет 64,85% от общего числа иностранных студентов в КНР, причем их количество тоже растет очень неплохими темпами [3].

В первую тройку стран по итогам 2018 года входят Южная Корея, Таиланд и Пакистан, далее следуют США, Индия и Россия (рис. 1) [4].

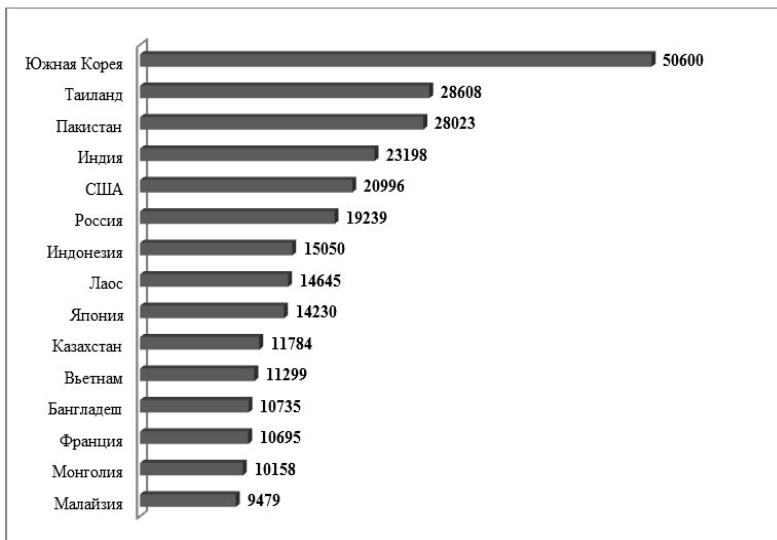

Рисунок 1. Количество иностранных студентов в КНР в 2018 году (человек)

Источник: Министерство образования КНР

Количество казахстанских студентов в Китае – с учетом общего населения страны – выглядит довольно внушительно. Эта цифра в течение последних лет стабильно привязана к отметке в 10 тысяч человек. Для сравнения, студентов из России, общее население которой почти в 10 раз больше, чем в РК, в Китае учится около 20 тысяч. Казахстан в 2018 году находился на 10 месте, количество казахстанских студентов, по подсчетам китайской стороны, составило 11784 человека [4].

На основании данных Министерства образования КНР статистика по численности студентов из РК в Китае выглядит следующим образом (рис. 2).

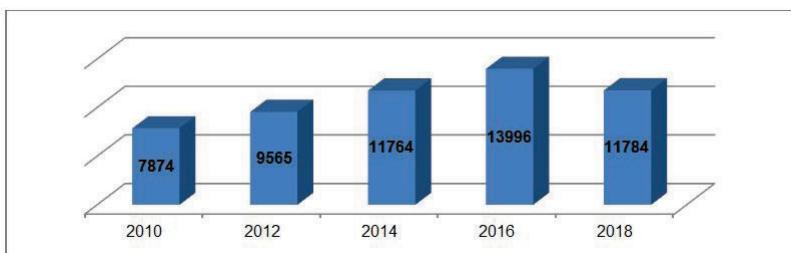

Рисунок 2. Количество казахстанских студентов, обучающихся в КНР (2010 – 2018 гг.)

Источник: Министерство образования КНР

В целом, утверждать, что продвижение Инициативы кардинально изменило тенденцию роста численности казахстанских студентов в КНР, было бы неверным. Их количество стабильно увеличивалось и до объявления Инициативы и, в целом, в мотивации студентов и их родителей по выбору Китая в качестве страны обучения ни сама Инициатива, ни информация о стипендиях не играет решающей роли.

Привлекательность получения высшего образования в Китае обусловлена для казахстанцев следующими факторами:

- Финансовые вложения ниже, чем при обучении в вузах Европы, США и развитых азиатских стран, равно как и ниже, чем в престижных вузах Казахстана.
- Для поступления не требуется сдача ЕНТ и КТА, что повышает привлекательность для многих школьников, не уверенных в возможных результатах.
- Территориальная близость и безопасность Китая в сочетании с очень комфортными условиями проживания на территории университетов.

При этом одним из потенциальных рисков от развития подобного сотрудничества является низкий уровень

профессиональной ориентированности. Многие китайские вузы объявляют о наборе иностранных студентов и о выделении грантовых мест, стремясь повысить свой рейтинг и получить государственные субсидии. В то же время программы обучения языку, интеграция иностранных студентов в учебный процесс и актуализация профессиональных навыков очень часто не бывают должным образом проработаны и организованы.

Несомненно, стипендии и образовательные программы, созданные в рамках продвижения BRI, имеют большое значение для многих студентов, однако абсолютное большинство студентов едут учиться за свой счет, а далее обучаются по грантам вузов и эти гранты, как правило, не связаны с BRI.

Таким образом, в образовательной сфере, являющейся безусловным флагманом сотрудничества Казахстана и Китая в рассматриваемой области, ситуация неоднозначна. С одной стороны, довольно большое количество казахстанцев имеет возможность получить образование за рубежом, и это образование становится с каждым годом все более качественным. Получив подобное образование, у молодых казахстанцев есть возможность устроиться на совместные предприятия или китайские предприятия в РК, что дает мультиплектический эффект во многих сферах.

С другой стороны, устроиться на такую работу удается очень не многим, большинство же выпускников имеют очевидные проблемы с поиском работы по специальности, полученной в Китае.

Кроме того, многие студенты не могут в течение первого года обучения на должном уровне овладеть китайским языком и сдать соответствующий экзамен (как правило, это HSK 4 уровня). В этой связи, они вынуждены возвращаться в Казахстан и снова искать возможность получить высшее образование.

Снижение числа казахстанских студентов в КНР, наблюдаемое в последнее время, обусловлено рядом факторов, проявившихся именно сейчас. Во-первых, рынок

отправки студентов крайне непрозрачен и занят фирмами-посредниками, требующими за свои услуги достаточно серьезные для рядовых казахстанцев суммы (около \$3000-5000). Причем, в других странах это звено часто отсутствует. В СМИ периодически появляются новости о недобросовестности подобных компаний [5], что в комплексе делает процесс отправки абитуриентов не только излишне дорогим, но и непонятным и небезопасным в глазах родителей.

К тому же, образ Китая, транслируемый рядом СМИ и публикациями в социальных сетях – особенно в течение последнего года, также снижает привлекательность Китая как потенциальной страны обучения для казахстанских студентов.

Наука

Сотрудничество Казахстана и Китая в сфере науки также не претерпело кардинальных изменений в связи с продвижением BRI. В большей степени это сотрудничество сосредоточено на проведении конференций, совместных встреч и семинаров, проходящих под эгидой BRI, в то же время конкретных результатов подобных мероприятий пока не так много и эффект их на развитие конкретных проектов невелик.

Фактически научное сотрудничество между Казахстаном и Китаем в настоящее время проходит на уровне межвузовских обменов и контактов между конкретными научными организациями. Особенно это характерно для гуманитарной сферы.

Ключевым достижением последнего времени может быть назван учрежденный в конце прошлого года Союз научных организаций «Одного пояса и одного пути». 4 ноября 2018 года 37 научно-исследовательских организаций, в числе которых и Академия наук Казахстана подписали соглашение о сотрудничестве. Академия наук Казахстана сотрудничает с

китайскими коллегами в частности в области энергетики и зеленых технологий. Так, на сегодняшний день усилия сторон направлены на то, чтобы превратить организованный Китаем Центральноазиатский центр исследований в области экологии и окружающей среды в платформу китайско-казахстанского научно-образовательного сотрудничества [6]. Помимо прочего, в 2017 году был подписан Меморандум о сотрудничестве по проекту предоставления суперкомпьютера между правительством РК и правительством КНР.

В то же время, экспертами отмечается серьезная бюрократизированность сотрудничества, его достаточно низкая скорость, сложность в разрешении вопросов кибербезопасности. Отдельно ставится вопрос о том, что казахстанские ученые в рамках прикладных наук имеют низкий доступ к китайским технологиям. Сотрудничество в большей степени ориентировано на работу на территории Казахстана. Более того, актуален вопрос развития сотрудничества именно в тех секторах, которые были бы важны именно для Казахстана с учетом, как интересов развития экономики, так и двустороннего сотрудничества.

Так, упомянутое выше сотрудничество в сфере мониторинга окружающей среды сейчас очень выгодно для РК, так как Китай здесь добился впечатляющих результатов. Также опрошенные эксперты отмечают целесообразность развития сотрудничества в области сельскохозяйственных наук, так как эта область крайне перспективна и интересна Казахстану. В целом, научное сотрудничество между КНР и РК также не претерпело критичных изменений в связи с продвижением BRI. Научное взаимодействие в сфере политологии и международных отношений сосредоточено в формате конференций, семинаров, экспертных встреч. Такой формат, безусловно, полезен для обогащения знаниями об официальной повестке, тенденциях в концептуальном оформлении двустороннего сотрудничества, позициях по

принципиальным моментам в тех или иных сферах. В то же время, объективную картину в таком ракурсе получить бывает достаточно сложно. Сотрудничество в рамках наук гуманитарного цикла происходит на базе межвузовских контактов и личных обменов. Несмотря на учреждение Союза научных организаций «Одного пояса и одного пути», многосторонних проектов практически нет. Среди перспективных направлений работа с китайскими архивами по истории Центральной Азии.

Точные и естественные науки получают государственную поддержку в значительно большей степени. Однако здесь отмечается серьезная бюрократическая волокита, сложность в доступе казахстанским исследователям к китайским материалам и достижениям.

В итоге, надо отметить, что образовательное сотрудничество имеет серьезный потенциал для расширения в силу заинтересованности казахстанцев, с одной стороны, и китайских вузов, с другой.

Развитие научного сотрудничества – особенно при условии выстраивания обратной связи между учеными и чиновниками – способно дать хороший импульс в развитии ряда секторов казахстанской науки.

Информационные источники:

1. Государства вдоль «Пояса и Пути» (沿线国家) – китайский термин, обозначающий страны, включенные в Инициативу.
2. 推进共建“一带一路”教育行动// Сайт Министерства образования КНР. – 2016. – 15 июля // http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2069/xwfbh_2017n/xwfb_170419/170419_sfcl/201704/t20170419_302850.html
3. 教育部: 2017年来华留学人数近50万 // 中国日报网– 2018. – 30 марта // <http://baijiahao.baidu.com/s?id=1596331270402022805&wfr=spider&for=pc>

4. 2018 年来华留学统计 // Сайт Министерства образования КНР. – 2019. – 12 апреля // http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html
5. 64 казахстанца уехали на учебу в Китай и оказались на улице // Tengrinews. – 2018. – 15 октября // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/64-kazahstantsa-uehali-uchebu-kitay-okazalis-ulitse-355639/
6. 中科院与各国携手共创“一带一路”科技合作 // Сайт Академии наук КНР. – 2018. – 6 ноября // <http://news.scien-cenet.cn/htmlnews/2018/11/419567.shtml>

Амребаев А.М.

Казахстанско-китайское взаимодействие: размышления о природе китаефилии и китаефобии в отношениях

После блестящих выступлений на тему о разнообразных отношениях с Китаем в рамках Инициативы «Один пояс и один путь» достаточно трудно выделить какой-то существенный аспект. Однако с моей точки зрения сегодня проблема психологического измерения взаимодействия с Китаем еще не поднималась. И, тем не менее, она имеет едва ли не наиболее важное значение в успехе или провале данной Инициативы в Казахстане, да и во многих странах мира, включившихся в сотрудничество с КНР в рамках «Пояса и пути». Особенno речь идет о странах-соседях Китая, имеющих свою историю отношений с этой великой страной, определенные культурные и идеологические стереотипы, способные мотивировать или помешать успеху сотрудничества.

Я хотел бы рассмотреть две кардинальные парадигмы отношений с Китаем: китаефобию и китаефилю. Попытаться разобраться в природе этих двух феноменов и предложить свою интерпретацию происходящего сегодня. Для начала немного теоретических предположений. В психиатрии фобией принято называть патологически повышенное проявление реакции страха на тот или иной раздражитель. Фобия – это сильно выраженный упорный навязчивый страх, необратимо обостряющийся в определенных ситуациях и не поддающийся полному логическому объяснению. В результате развития фобии человек начинает бояться и, соответственно, избегать определенных объектов, видов деятельности или ситуаций. Например, при айхмофобии человек старается всеми силами избегать острых предметов, которыми он боится пораниться

или поранить других людей. В случае развития аквафобии он боится плавать, а при клаустрофобии поднимается вверх исключительно по лестнице, так как ему страшно находиться в закрытом лифте. Фобию относительно легко можно победить в начале её возникновения, но она может закрепляться в психике человека и усиливаться со временем.

В психоанализе фобией также считается навязчивый невроз, при котором тревога становится ведущим и мотивирующим поведение симптомом. В данном смысле фобия понимается как синоним фобической болезни или тревожной истерии.

Если рассматривать этот термин вне клинического случая, то сегодня под «фобиями» понимаются не только патологические страхи, но и иррациональное резко отрицательное отношение к кому-либо, чему-либо. К подобным фобиям можно отнести такие социальные явления, как ксенофобия, русофобия, исламофобия. В нашем случае, я полагаю, что китаефобия из того же ряда. Интересно, что данные явления имеют вполне рациональное объяснение. Они исходят из определенной историко-культурной ментальной установки и могут вполне использоваться в качестве определенной социальной и политической технологии влияния на массовое сознание. При этом сам источник страхов оказывается неизвестным «пациенту» или точнее «мифологизированным», то есть преувеличенным в своих масштабах, гиперболизированным, и чем больше «неизвестных», тем более ярким и значимым оказывается этот страх.

Какова возможная терапия такого рода фобий? Самый распространённый метод лечения фобий – постепенное «сближение» пациента с объектом его страха в сочетании с использованием методов релаксации и когнитивно-поведенческой терапии. Эта техника известна как систематическая десенсибилизация. Например, если человек

боится собак, то необходимо постепенно приближать к нему собаку, сначала в наморднике и на поводке, потом – без намордника, а потом и без поводка. Процесс «сближения» можно начинать только после того, как психотерапевт или психолог установил причину страха, провёл комплекс корректирующих мероприятий и обучил пациента навыкам релаксации. Метод сократического диалога в социальной психологии позволяет через уточнение источника и причины страха, ознакомления с его особенностями, рационального восприятия действительности уменьшать значение страха в общем восприятии, и, напротив, тиражирование стереотипов и клише, некритическое восприятие предлагаемых суждений становится благодатной основой устойчивых социальных фобий.

Другой стороной субъективного, иррационального восприятия действительности является филия, означающая любовь, дружбу, привязанность и даже влечение к объекту вожделения также не поддающееся логическому объяснению. В древнегреческой философской традиции различалось несколько видов любви, например, любовь – «агапэ», эрос. Они отражают различные экзальтированные состояния человека, не позволяющие ему объективно оценивать действительность. Филия не позволяет сделать рациональный выбор. Подобно тому, как ребенка ставит в тупик вопрос о том, кого он больше любит? Папу или маму... В социальной и даже нашей geopolитической, культурной перспективе трудно ответить на вопрос, кого мы фатально предпочитаем у нас в Казахстане, Россию или Китай, западную или российскую популярную музыку? Другим онтологическим вопросом является попытка объяснить причину нашего влечения. На индивидуальном уровне достаточно сложно рационализировать причину своего энтузиазма по отношению к кому-либо или чему-либо. Простое перечисление качеств или свойств предмета вожделения не дает нам полной картины и более того, отдаляет нас от него. Интересно в этой связи известное изречение Федора Тютчева:

*«Умом Россию не понять,
Аришином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить»...*

Но сегодня политики на Западе могут задать не лишенный здравого смысла вопрос, а можно ли действительно России «верить» или «верить» в нее?

Как и здесь в Казахстане многие отказываются «верить» в благонамеренность Китая, потому, что «он долгое время скрывал свои намерения», согласно древним стратегемам Сунь-цзы...

На наш взгляд, причиной подобного недоверия сегодня, являются «поступки». Ведь в любви важны не слова, а поступки... Думается, что источником современного общественного недоверия к Китаю является ко всему прочему наличие негативных прецедентов «недолжного поведения», подтверждающих общественных страхов, например о том, что Китай руководствуется в своей политике стратегией «золотого Тельца», называемой сегодня «липкой силой» Китая, меркантильным отношениям, где нет места чувствам дружбы и любви. Или пример того, как жестко центральное правительство ведет себя по отношению к своим гражданам, проявляющим инакомыслие. За этими поступками стоят резонные вопросы о том, если в Китае так поступают со своими гражданами, то какой может быть стратегия по отношению к другим?..

Многие ораторы сегодня отмечали важность выхода Китая из многолетней «тени», когда в соответствии с заветами «архитектора китайских реформ» Дэн Сяопина, Китай следовал стратегии 24 иероглифов: «Наблюдать хладнокровно, реагировать сдержанно, стоять твердо, скрывать свои возможности и никогда не брать на себя лидерство». Председатель Си предложил свою стратегему, суть которой заключается в том, что в современную эпоху дальнейшее

динамичное развитие Китая не может быть реализовано в рамках замкнутого, локального и изолированного от мира формата. В свою очередь, мир нуждается в состоятельном, понятном и открытом Китае, способном инициировать взаимовыгодные решения с целью общего процветания.

Мне кажется, одной из причин китаефобии, возникшей в разных странах, является интерпретация Китая как закрытого государства, скрывающего свои возможности, не берущего на себя международную ответственность и отрицающего общечеловеческие ценности, например, такие как универсальные права человека.

Я не хочу говорить о том, что в казахском национальном самосознании сидит исторический страх о всепоглощающем китайском драконе или намерении почти полуторамиллиардного Китая заселить территорию казахской степи. Это мифология, легко опровергаемая историческими фактами и объективными культурно антропологическими исследованиями, к числу которых можно отнести общеизвестный факт, что казахи практически не вели войн с Китаем, тогда как войны, например, с южными соседями или с Россией шли постоянно. Говоря о территориальных притязаниях можно сказать, что Китай, осознав себя моноэтнически ханьским, только в XX и XXI веках начал осваивать, то есть китаизировать свою территорию, где свыше 60% территории страны занято малыми народностями. Известно, что основная ханьская часть населения расселена на северо-восточной, восточной и юго-восточной части страны. Именно эта часть населения является системообразующей китайскую нацию «скрепой» и именно она занята наиболее производительным трудом и обладает необходимой квалификацией, достаточной социальной энергией для возрождения величия китайского государства. Однако где границы или точнее ограничители современного китайского национализма? Остановится ли он в границах современного государства или попытается последовать опыту

американского унилатерализма, когда ценности западного образа жизни вовлекают в свою орбиту миллионы людей, а внешняя политика США становится все более настойчивой и циничной в реализации стратегии всемирной гегемонии? Не захочет ли сегодняшний усиливающийся Китай последовать примеру нашего другого судьбоносного соседа России, испытывающей «зуд» по несостоявшему величию за счет «собирания земель»? Мир становится все более сложным и дисперсным в своих стратегемах и проектах будущего.

Возвращаясь к феномену китаефобии, думаю, что главным ее основанием является наше слабое понимание того, что происходит сегодня в Китае. Скрывавшиеся до поры до времени возможности Китая сегодня просачиваются по различным информационным каналам и тиражируются в невиданных доселе мифологических масштабах. В нашем народном представлении укрепились стереотипы о том, что «народ за стеной» самый многочисленный и жаждущий освоения новых жизненных пространств. Это один из наиболее распространенных мифов. При этом не учитывается, что рядом с Китаем находится не менее многочисленный народ – индузы. А территория и климат соседних государств, подпадающих в число потенциальных объектов экспансии, не столь привлекательны для жизни ханьцев. Не принимается в расчет, например, тот историко-культурный факт, что традиционно казахи-кочевники и ханьцы-рисоводы занимали разные хозяйствственные ниши и, следовательно, никогда не могли выступать конкурентами. Их хозяйственные ниши были взаимодополняемы. То есть, если исходить из подходов рационального выбора, то китайцы и казахи были скорее естественными союзниками, чем непримиримыми врагами. А в современную высокотехнологичную эпоху наши национальные трудовые этики существенным образом отличаются, характеризуя разный темперамент, ценностные установки и отношение к результатам своего труда. К примеру,

я проводил опрос среди студентов китайских университетов о том, когда счастливы китайцы? И они дружно ответили: «Когда считают деньги». Мои некоторые наблюдения позволяют называть культуру отношения к деньгам у китайцев как культуру накопления, тогда как культуру казахского отношения к деньгам как культуру траты. Китайцы сосредоточены на монотонном труде, а казахам такой труд вообще противопоказан. Они предпочитают более плодотворный труд, приносящий быстрые и легкие деньги, чтобы их потратить на тои. Соблюдение субординации у казахов избирательное, тогда как китайцы исповедуют принцип своего места и долга...

Можно долго говорить о различиях и сходствах в нашем образе жизни и ценностях... Но главным на сегодняшний день является вывод о том, что мы не можем изменить наше геостратегическое соседство, нам необходимо каким-то образом позитивно интерпретировать это историческое соседство и выстраивать конструктивное настоящее и будущее. При этом, стремясь лучше узнавать друг друга и понимать алгоритм действий без попыток навязывания иррациональных страхов и привязанностей.

**МАТЕРИАЛЫ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»**

Иванов Р.Г.

**Транзитный потенциал республики вполне
позволяет это сделать. Осталось только этот
супер-рынок создать**

16.10.2019 г., 365info.kz

Единое экономическое и гуманитарное пространство от Лиссабона до Владивостока не утопия, а вполне реальная перспектива, считает политолог и историк Булат Клычбаевич Султанов. Общий рынок ЕС+ЕАЭС – это 700 млн. человек. При этом даже в Европе появляются идеи типа «продлить мост кооперации в Китай». Казахстан благодаря своему выгодному географическому положению и транзитному потенциалу может занять в этом супер-рынке одно из ведущих мест.

Об этом Султанов Б.К. сказал на международной научной конференции в Алматы, проведенной под эгидой открытого Представительства Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии и посвященной перспективам развития этого региона.

Мир уже устал от конфликтов

Первым делом Б.К. Султанов подчеркнул, что в Евразию «постепенно сдвигается вектор мировой политики и торговли». Значит, нужно не только налаживать взаимовыгодное сотрудничество, но и снижать конфликтный потенциал.

– Не случайно Первый Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, выступая на Втором Форуме международного сотрудничества «Один пояс и один путь» констатировал: «Мир уже явно устал от конфликтных геополитических концепций и все более тяготеет к геоэкономике и совместному развитию», – сказал Б.К. Султанов.

Эксперт напомнил, как еще в 2016 году в Вашингтоне Назарбаев Н.А. предложил создать Объединенное Евразийское экономическое пространство. А в 2019 году на конференции в столице он развел идею, предложив объединить потенциалы ЕАЭС, Экономического пояса Шелкового пути Евросоюза в «Группу сотрудничества ШОС и ЕС». При этом роль фундамента группы отводилась связке ЕАЭС – «Один пояс и один путь».

Также Б.К. Султанов отметил, что стержнем программы «Нурлы жол» является, прежде всего, превращение Казахстана в Евразийский транспортно-логистический хаб.

– Условием осуществления программы «Нурлы жол» для Казахстана, не имеющего прямого выхода к Балтийскому морю и Атлантическому океану, Персидскому заливу, Индийскому и Тихому океанам, являются дружеские и партнерские отношения с соседними государствами – Китаем, Россией и Ираном, – подчеркнул Султанов Б.К.

Европе идея понравилась

Тем временем идеи находят поддержку и в Европе. В частности, в Германии родилось движение за восстановление экономического сотрудничества ЕС и ЕАЭС.

Входят в него бизнесмены и эксперты. Например, в Берлине появилась Рабочая группа «Единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока». Ее возглавили известный немецкий предприниматель Ульф Шнайдер и один из ведущих немецких экспертов Александр Пар.

– Бизнесмены обращаются к европейским политикам в Брюсселе с настойчивой просьбой. Прагматичные немцы говорят: «Давайте разделим политику и экономику». Политические лозунги оставим политикам, а деловым людям дайте возможность создать общий рынок ЕС и ЕАЭС с населением 700 млн. человек, – сказал Б.К. Султанов.

Движение и его идеи получают все большую поддержку в ФРГ. Часть бизнесменов пошла еще дальше и предложила «продлить этот мост кооперации и в Китай». Тогда формула будет иметь вид «ЕС+ЕАЭС+Экономический пояс Шелкового пути».

В этом супер-рынке Казахстану с его транзитным потенциалом может принадлежать одно из ведущих мест.

Эксперт отдает себе отчет, что сегодня эта идея нереальна, и в первую очередь из-за обострения международных отношений. Но в перспективе создание такого объединения вполне осуществимо.

– Единое экономическое и гуманитарное, а также пространство безопасности от Лиссабона до Ляньчонгана (или хотя бы до Владивостока) – не утопия. Оно открывает новые возможности и перспективы для сотрудничества в Евразии, – отметил Султанов Б.К.

Не нужно наступать на грабли

Эксперт затронул и более насущные дела. В частности, реализацию проекта Экономического пояса Шелкового пути. Здесь, на его взгляд, следует провести некую «работу над ошибками».

Во-первых, учесть упущения в сфере информации и работе с населением, чьей широкой и активной поддержкой следует заручиться. К чему привели таковые упущения, Б.К. Султанов высказался чуть позже.

Требуется постоянно знакомить сограждан с проводимыми мероприятиями.

Во-вторых, казахстанско-китайским проектам необходимы большая открытость и транспарентность. Чтобы люди понимали, какая будет польза от проектов в рамках ЭПШП. Например, новые рабочие места, социальная и спонсорская помощь, размер налогов в местный и республиканские бюджеты.

– Заодно это пресечет слухи относительно якобы коррупционной составляющей казахстанских чиновников в осуществляемых проектах, – уточнил Султанов Б.К.

В-третьих, перед началом проектов желательны комплексные экспертизы.

Их осуществление надо поручать независимым экспертам, представителям НПО.

В-четвертых, в случае недовольства в обществе оперативно проводить открытые дискуссии. К ним привлекать правительственные чиновников, депутатов и представителей НПО.

То есть перевести протестный потенциал в упорядоченные и прагматичные рамки.

– В противном случае мы будем вновь и вновь «наступать на грабли» китаефобии и антикитайских настроений, которые могут быть спровоцированы деструктивными силами в своих целях на фоне нарастающего раздражения и недовольства части населения из-за непростой социально-экономической и общественно-политической ситуации в стране, – сказал Б.К. Султанов.

От оптимизма до алармизма

Относительно китаефобии как в Казахстане, так и Центральной Азии в целом Султанов Б.К. высказался подробнее. Он считает, что она связана с историческими фобиями,

недостаточной осведомленностью населения о проектах с участием КНР.

Свой вклад вносят и «будоражащие население сообщения», которые публикуют в соцсетях отдельные блогеры.

В экспертном сообществе тоже разные настроения. Есть как оптимистичные ожидания, так и алармизм пополам с пессимизмом в прогнозах.

Пример первых – публикация экономиста Алмаса Чукина «Будущее Казахстана с Китаем». А вторых – Абдуфаттах Маннапов со статьей «Опасно лезть в пасть дракона». Основная мысль обеих публикаций понятна уже по заголовкам.

– Обращает на себя внимание точка зрения известного политолога Данияра Ашимбаева. По его мнению, в разжигании антикитайских настроений в Казахстане, помимо традиционной экономической составляющей, имеет место еще и внешняя, – добавил Б.К. Султанов.

Ашимбаев Д. также утверждает, что «к разжиганию активно подключились проамериканские СМИ».

Это связано с желанием Вашингтона подорвать позиции Пекина в странах, задействованных в Инициативе «Один пояс и один путь».

Султанов Б.К. полагает, что этот проект используется во внутриэлитной борьбе в странах региона.

– Так, накануне официального визита Касым-Жомарта Токаева в КНР в четырех казахстанских городах прошли немногочисленные акции протеста под лозунгами экономического и политического характера.

Но по окончании визита протестные акции как внезапно появились, так внезапно и исчезли, – сказал Б.К. Султанов.

Иванов Р.Г.

Почему Китай до сих пор боится? Миры и легенды о Поднебесной

17.10.2019 г., 365info.kz

В обществе до сих пор живет масса страхов в отношении Китая. Большой частью из-за недостатка знаний. Уровень тревожности нужно снижать.

Об этом говорили эксперты на конференции «Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии». Организовали мероприятие Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета и Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии.

Невидима и неинтересна

Тему недостатка информации об Инициативе «Один пояс и один путь» и вытекающих негативных последствий, которую затронул Булат Клычбаевич Султанов, поддержали и другие эксперты.

Политолог Леся Роллановна Каратаева отметила, что в самом Китае информационное сопровождение – это часть публичной дипломатии. Китайская сторона делает акцент, прежде всего на повышение авторитетности Инициативы. Вторых, меры по национализации предлагаемой идеи, а в третьих – очистка от какого-либо негатива.

Но большинство мер направлены на внутреннюю китайскую аудиторию, правительства стран-участниц и часть экспертов. На население Центральной Азии (и Казахстана в

том числе) они не ориентированы. В итоге у нас любые неверные толкования и недостаток информации сразу порождают большое число мифов. Хотя главной задачей для Казахстана сейчас и стало «снижение уровня тревожности населения в отношении Инициативы».

Проводили даже специальные исследования. Ни один из респондентов не сказал, что информационная поддержка не то что хороша, но хотя бы удовлетворительна.

И даже относительно причин общего мнения не оказалось, зато много гипотез. Например, что у китайцев мало опыта в реализации «мягкой силы». Или «система забюрократизирована и мешает гибкости реагирования на критику».

Бытовой дискурс относительно Инициативы отсутствует как таковой. Для среднестатистического гражданина эта тема невидима и неинтересна. Многие из опрошенных вообще впервые о ней услышали.

В экспертном сообществе отношение тоже различается. Правда, само участие Казахстана не критикуется, нападкам подвергается реализация отдельных проектов либо все тот же недостаток информации.

Чего мы боимся?

Среди респондентов попадались и те, кто пытался самостоятельно изучить вопрос по разным каналам. Главным образом официальным. Но доля таковых не превышала 10%.

В целом сама тема Инициативы «Один пояс и один путь» в нашем обществе заменяется на тему присутствия Китая в общем смысле.

Часть выводов подтвердила и Ирина Александровна Черных:

– Уровень осведомленности населения об Инициативе «Один пояс и один путь» крайне низок. Доминирующее большинство либо ничего не слышало, либо слышало что-то

расплывчатое. Практически все говорят, что информация не представлена в достаточно широком объеме.

Далее Черных И.А. сообщила, что население преимущественно побаивается китайского присутствия в силу разных причин, зачастую субъективных. Чаще негативные настроения есть в тех регионах, где имеются китайские предприятия.

Первая группа страхов включает якобы рост экономической зависимости, экспансию Китая и поглощение Казахстана. С чем это связано? По ощущениям населения, присутствие китайцев в стране увеличивается, хотя статистически мы фиксируем их уменьшение. Обращают внимание и на увеличение числа межнациональных браков, – сказала И.А. Черных.

Следующая группа – влияние на демографическую ситуацию, боязнь ассимиляции и исчезновения казахской идентичности.

Большой негатив вызывает якобы рост коррупции, но тут критике подвергаются как китайские бизнесмены, так и местные органы власти.

Есть недоверие к китайским товарам. Причем некоторые утверждают, что китайцы якобы специально завозят некачественные товары, чтобы нанести вред населению. Мало кто говорит о том, что наши бизнесмены специально выбирают дешевую продукцию, исходя из покупательской способности сограждан. Общий вывод, который сделали эксперты – нет четко консолидированной общей точки зрения населения по отношению к Китаю.

Общая установка на бытовом уровне – можно сотрудничать и перенимать знания и технологии, но самое главное – оставаться казахами.

В экспертном дискурсе – надо изучать и сотрудничать, эффективно отстаивать свои собственные интересы.

Юрицын В.В.

На «Поясе и пути» больше возможностей или угроз?

17.10.2019 г., Интернет-газета «ZonaKZ»

Китай слишком огромный, чтобы не испытывать гравитацию от взаимодействия с ним.

«Транспортировка товаров между Европой и Китаем по суше невозможна без России и стран Центральной Азии», – подчеркнул Андрэ Хан, депутат бундестага ФРГ. Немецкий политик категорически против двойных стандартов, поэтому при взаимодействии Евросоюза с государствами региона «нужно четко определиться с тем, что является единым стандартом по правам человека (права женщин, детей, людей с ограниченными возможностями)». Прозвучало это в ходе международной научной конференции «Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии». Мероприятие проводилось Представительством Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии и Научно-исследовательским институтом международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета. В ходе конференции несколько раз прозвучал тезис о том, что синофобия в регионе вызвана недостатком знаний о Китае. Если могучего восточного соседа изучать и проводить взвешенную политику, то никаких серьезных проблем возникать не должно.

Однако Саодат Кузиевна Олимова, директор научно-исследовательского центра «Шарк», привела пример с другого ракурса.

Таджикистан и Китай плотно не взаимодействовали с VIII века и до 2007 года (советский опыт не в счет). Все началось с 11 сентября 2001 года, поскольку после этой даты в

Таджикистане появились западные военные. В 2004 году стало функционировать автомобильное сообщение между двумя государствами через перевал Кульма (более 4 км над уровнем моря). А с 2007 года, когда между Душанбе и Пекином был подписан договор о добрососедстве, темпы сотрудничества стали испытывать взрывной рост.

«Китайская «интервенция» дала Таджикистану прекрасные дороги, туннели просто поразительные», – отметила С.К. Олимова. В этой стране нет синофобии, как в Казахстане или Кыргызстане. Из-за того, что в КНР правят коммунисты, таджикское население к Поднебесной относится с симпатией, ибо в обществе мощная ностальгия по коммунистическо-советскому прошлому.

Вместе с тем, построенные китайским бизнесом цементные заводы не только превратили Таджикистан в экспортёра цемента (раньше он импортировал его из Пакистана), но и ухудшили экологию (много пыли). Нет информации о том, какие последствия несут агротехнологии, которые китайские фермеры используют на взятой в аренду на 49 лет земле. «Фрукты и помидоры стали невкусные, зато их много», – прокомментировала ситуацию в сельском хозяйстве Олимова С.К. Более плотное знакомство с Китаем дало результат в таджикском социуме. Если четыре года назад только 3% населения опасались КНР, то сейчас таких 12%.

«Китай преследует собственные цели, но объективно поддерживает безопасность центральноазиатских государств», – считает Дина Борисовна Малышева, ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова. Специалист объясняет данное обстоятельство тем, что Пекин рассматривает безопасность в ЦА как часть собственной безопасности (регион Синцзяна). Помимо этого у государств региона есть еще ряд конкурентных преимуществ на китайском направлении. В настоящее время 94% контейнерных грузов из Китая в Европу направляется морем, поэтому суша нужна Пекину из стратегических соображений

диверсификации. Если обратиться собственно к Казахстану, то географический фактор в 1782 км общей границы с Поднебесной тоже невозможно не учитывать.

Благодаря развитию инфраструктуры, КНР создает условия для транспортировки центральноазиатских энергоносителей, в получении которых нуждается. Местные элиты любят иметь дело с китайской стороной, поскольку Пекин во внутренние вопросы не лезет, правами человека не интересуется и демократии не учит.

«Почему западные кредиты рассматриваются как средство развития для населения стран-реципиентов, а китайские как угроза и долговая ловушка?» – задался вопросом Булат Клычбаевич Султанов, директор НИИМиРС КНУ. Фактически получается, что кроме конструирования имиджевых образов за указанным тезисом ничего не стоит.

Политолог Рустам Ренатович Бурнашев разделил экспертные круги Казахстана на «синофобов» и «синофилов». Первые утверждают, что участие республики в Инициативе «Один пояс и один путь» приведет к закреплению Центральной Азии в качестве мировой периферии. Вторые же уверены, что как раз неучастие в китайских проектах законсервирует Казахстан на обочине прогресса со всеми вытекающими из этого негативными последствиями.

Востоковед Адиль Серикович Каукенов не согласен с термином «синофилы». Он заявляет, что таких в Казахстане практически нет, просто из-за перманентной ксенофобской истерии люди с взвешенной и нейтральной позицией записываются взвинченной частью общества и информационного поля в «синофилы». «Синофобия находится внутри ксенофобии, – подчеркнул А.С. Каукенов. – Разрыв между верхами и низами в Казахстане по отношению к КНР несет угрозы».

Ирина Александровна Черных, КИСИ, рассмотрела отношение к Китаю с точки зрения социетальной

(идентификационной) безопасности на основе исследования фокус-групп. Населением Казахстана транслируются преимущественно негативные нарративы. Среди них: рост экономической зависимости Казахстана от Китая; рост коррупции в Казахстане из-за использования китайцами коррупционных практик; наличие серьезных культурно-лингвистических различий между казахами и китайцами; лагеря перевоспитания в Синьцзяне. Исследование показало, что к КНР более негативно относятся в тех регионах, где есть китайские предприятия.

«В силу фрагментирования населения Казахстана четкий «образ другого» в лице Китая не сформирован», – один из выводов работы. «Китая не надо бояться, его нужно изучать, с ним сотрудничать и отстаивать собственные интересы», – это уже экспертный дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрэ Хан – депутат бундестага Федеративной Республики Германия, г. Берлин

Абен Асель Сериковна – руководитель Представительства КИСИ в г. Алматы

Амребаев Айдар Молдашевич – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК

Бурнашев Рустам Ренатович – профессор факультета мировой политики Казахстанско-Немецкого университета

Галиев Ануар Абитаевич – профессор факультета востоковедения Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана

Каратаева Леся Роллановна – главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Олимова Саодат Кузиевна – директор Научно-исследовательского центра «Шарк», Республика Таджикистан, г. Душанбе

Додонов Вячеслав Юрьевич – главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Иванов Роман Геннадьевич – корреспондент Информационного портала «365info.kz»

Кауkenов Адиль Серикович – директор Центра китайских исследований «China Center»

Кауkenова Татьяна Владимировна – ведущий эксперт Центра китайских исследований «China Center»

Малышева Дина Борисовна – заведующая сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, Российская Федерация, г. Москва

Парамонов Владимир Владимирович – директор аналитического проекта «Центральная Евразия», Республика Узбекистан, г. Ташкент

Султанов Булат Клычбаевич – директор Научно-исследовательского института международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета

Черных Ирина Александровна – главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК

Юрицын Владислав Викторович – корреспондент Интернет-газеты «zonakz.net»

О ФОНДЕ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

Фонд Розы Люксембург является одним из шести немецких фондов, близких к партиям Бундестага, и принадлежит к важным носителям просветительско-образовательной работы в гражданском обществе Федеративной Республики Германия, преследуя исключительно общественно-полезные цели. Он понимает себя как часть духовного течения демократического социализма и примыкает к Левой партии (Die Linke), но действует самостоятельно.

Фонд Розы Люксембург:

- организует мероприятия гражданского просвещения, распространяет знания об общественных процессах в глобализованном, несправедливом и воинственном мире,
- является центром критического анализа современного капитализма и центром программной дискуссии об альтернативах действующим моделям,
- представляет собой в Федеративной Республике Германия и за ее пределами форум для диалога между социальными движениями и организациями, интеллектуалами и неправительственными организациями,
- поощряет молодых интеллектуалов через стипендиальные программы,
- придает импульсы для самоопределяющихся политических действий и поддерживает выступления за мир и взаимопонимание, социальную справедливость и солидарность.

В настоящее время Фонд Розы Люксембург имеет восемнадцать зарубежных представительств и филиалов в Европе, Азии, Африке, Северной и Южной Америке. Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии в городе Алматы действует с 2019 года.

Подробную информацию о Фонде Розы Люксембург можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050022, г. Алматы,
Представительство Фонда Розы Люксембург
в Центральной Азии,
ул. Масанчи, 98а.
Тел/факс: +7 (727) 224-55-15

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСАНСКО-НЕМЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества (далее – ИМиРС) Казахстанско-Немецкого Университета (далее – КНУ) образован 5 января 2015 года в виде некоммерческой организации, не имеющей извлечение дохода в качестве основной цели своей деятельности.

Целями деятельности ИМиРС являются: 1) организация научных исследований по различным проблемам внешней и региональной политики Республики Казахстан, государств Центральной Азии, Европейского союза, в первую очередь Германии, а также стран Азии; 2) установление научных связей между учеными ИМиРС и экспертами международных, региональных и казахстанских научных организаций.

Основными задачами (предметом) деятельности ИМиРС являются: изучение внешней политики и проблем международного сотрудничества РК и зарубежных стран, включая исследование проблем социально-экономического содействия, различных аспектов водных и энергетических ресурсов и их использования, транспортно-коммуникационных, аграрно-продовольственных, экологических, культурно-гуманитарных вопросов, а также миграционной политики.

В научно-исследовательской работе ИМиРС принимают активное участие преподаватели и студенты КНУ. В ИМиРС регулярно проводятся международные научные и научно-практические конференции, семинары, круглые столы по вопросам международного и регионального сотрудничества, социально-экономического развития Казахстана и стран региона.

На базе ИМиРС проходят стажировку и преддипломную практику студенты КНУ.

В 2015-2019 гг. ИМиРС КНУ издал следующие работы:

- 1) «Экономический коридор Шелкового пути». Сборник статей. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2015 г. – 127 с.
- 2) Нургалиева М.М. «Уровень жизни казахстанцев и проблемы социального неравенства» (по результатам социологического исследования). – Алматы: ИМиРС КНУ, 2015. – 101 с.
- 3) «Уровень жизни казахстанцев и проблемы социального неравенства». Сборник материалов международной научно-практической конференции, Алматы: ИМиРС КНУ, Филиал Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в РФ, 21 сентября 2015 г. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2015 г. – 236 с.
- 4) «Экономический пояс Шелкового пути и актуальные вопросы безопасности и сотрудничества в Центральной Азии». Сборник материалов международной научно-практической конференции. Алматы: ИМиРС КНУ, ИПБС КазНУ им. аль-Фараби, 1 апреля 2016 г. – Алматы, 2016 г. – 130 с.
- 5) «Интеграционные проекты в Евразии: проблемы социально-экономического развития». Сборник материалов научной конференции, Алматы, ИМиРС КНУ, Филиал Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в РФ, 27 мая 2016 г. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2016 г. – 248 с.
- 6) Нургалиева М.М. «Доступность и качество медицинских услуг в Казахстане» (по результатам социологического исследования). – Алматы: ИМиРС КНУ, 2016 г. – 116 с.
- 7) «Здоровье и медицинские услуги в государствах Евразии: качество, доступность, перспективы». Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Алматы, ИМиРС Казахстанско-Немецкого университета, Филиал Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в РФ, 29 сентября 2016 г. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2017. – 264 с.

- 8) «Экономический пояс Шелкового пути в контексте региональной безопасности». Сборник материалов круглого стола. Алматы, ИМиРС Казахстанско-Немецкого университета, Генеральное консульство КНР в Алматы, 15 марта 2017 г. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2017. – 176 с.
- 9) «Мигранты и вопросы их инклузии в государствах Евразийского пространства». Сборник материалов Международной научной конференции Алматы, ИМиРС Казахстанско-Немецкого университета, Филиал Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в РФ, 23 мая 2017 г. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2017. – 228 с.
- 10) Бектурганова Б.И., Нургалиева М.М. «1917-2017: Революция и эволюционный путь развития Казахстана» (по результатам экспертного опроса). – Алматы: ИМиРС КНУ, 2017. – 98 с.
- 11) «Октябрьская революция и эволюционный путь Казахстана». Сборник материалов круглого стола. Алматы, ИМиРС Казахстанско-Немецкого университета, Филиал Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в РФ, 7 ноября 2017 г. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2017. – 152 с.
- 12) «Шанхайская организация сотрудничества после расширения: риски, возможности и перспективы». Сборник материалов круглого стола. Алматы, ИМиРС Казахстанско-Немецкого университета, Экспертный клуб «Один пояс и один путь», 15 мая 2018 г. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2018. – 142 с.
- 13) «Инициатива «Один пояс и один путь»: состояние и перспективы». Сборник материалов научной конференции. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2018. – 220 с.
- 14) Сыроежкин К. Л. «Китай после XIX съезда КПК: новый баланс сил». – Алматы: ИМиРС КНУ, 2018. – 284 с.
- 15) «Пожилые люди на Евразийском пространстве: интересы, проблемы и перспективы». Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, ИМиРС КНУ,

Филиал Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в РФ, 16 октября 2018 г. – Алматы: ИМиРС КНУ, 2019. – 160 с.

16) «Инициатива «Один пояс и один путь»: важнейший фактор выстраивания современных международных отношений». – Алматы: ИМиРС КНУ, 2019. – 111 с.

Подробную информацию о НИИМИРС можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010, г. Алматы,
проспект Назарбаева, 173,
Казахстанско-Немецкий университет,
Научно-исследовательский институт международного
и регионального сотрудничества.
Тел.: +7 727 355 05 51 (вн. 311)
Факс: +7 727 355 05 52
www.dku.kz

Chefredakteur: B. K. Sultanov
Technische Redaktion: K. M. Kilmakayeva

Initiative „Neue Seidenstraße“ und Perspektiven der sozioökonomischen und gesellschaftspolitischen Entwicklung des Zentralasiens. – Almaty: Forschungsinstitut für internationale und regionale Zusammenarbeit (FIRZ) an der Deutsch-Kasachischen Universität, 2019. – 238 s.

Diese Sammlung wurde auf der Grundlage der Berichte der internationalen wissenschaftlichen Konferenz "Initiative „Neue Seidenstraße“ und Perspektiven der sozioökonomischen und gesellschaftspolitischen Entwicklung Zentralasiens" erstellt, die am 15. Oktober 2019 in Almaty stattfand.

Dieses wissenschaftliche Forum wurde vom Forschungsinstitut für internationale und regionale Zusammenarbeit (FIRZ) an der Deutsch-Kasachischen Universität und der Filiale der Rosa Luxemburg Stiftung (RLS) in Zentralasien organisiert und durchgeführt.

An der Konferenz nahmen Vertreter des Bundesrates der Bundesrepublik Deutschland, leitende Angestellte der Rosa Luxemburg Stiftung, Vertreter des in der Stadt Almaty akkreditierten diplomatischen Korps, Wissenschaftler aus Russland, Tadschikistan, Usbekistan, Experten und Professoren führender wissenschaftlicher Institutionen und kasachischer Universitäten sowie öffentlicher Organisationen wie der Deutsch-Kasachischen Universität, des Kasachischen Instituts für strategische Studien beim ersten Präsidenten der Republik Kasachstan, der Kasachischen Nationalen Al-Farabi-Universität, der Kasachischen Abylai Khan Universität für internationale Beziehungen und Weltsprachen, des Instituts für Philosophie, Politikwissenschaft und Religions, des Ausschusses für Wissenschaft, Ministerium für Bildung und Wissenschaft der Republik Kasachstan, des Zentrums für Chinesische Studien "China Center" teil.

In den Berichten der Konferenzteilnehmer wurden die Auswirkungen der Initiative „Neue Seidenstraße“ auf die Transformation des modernen Systems der internationalen und regionalen Beziehungen, die Aussichten für die Entwicklung der eurasischen wirtschaftlichen Zusammenarbeit und die Interaktion im sozialen und ökologischen Bereich untersucht. Besonderes Augenmerk wurde auf Fragen der kulturellen, humanitären und wissenschaftlich-pädagogischen Zusammenarbeit entlang der Seidenstraße gelegt.

Die Sammlung richtet sich an Historiker, Politikwissenschaftler, Experten, die sich mit Problemen der internationalen Beziehungen und Sicherheit sowie der kulturellen und humanitären Zusammenarbeit befassen, an Professoren und Studenten von Hochschuleinrichtungen sowie an Leser, die an Fragen der Zusammenarbeit zwischen den Ländern Zentralasiens und der Volksrepublik China interessiert sind.

Die vorliegende Publikation wurde durch die Vertretung der Rosa Luxemburg Stiftung in Zentralasien mit Mitteln des Bundesministeriums für internationale Zusammenarbeit und Entwicklung gefördert und wird kostenlos verteilt.

Die Meinung der Autoren kann mit der Position der RLS und der Meinung der Herausgeber dieser Sammlung nicht übereinstimmen.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ»
И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**Сборник материалов международной научной конференции
Алматы, 15 октября 2019 г.**

Редактор-корректор: Унгвари А.Г.
Дизайн обложки: Волкова Н.А.
Верстка: Волкова Н.А.

Научно-исследовательский институт
международного и регионального
сотрудничества
Казахстанско-Немецкого университета

Подписано в печать 20.12.2019. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 15.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы